Я. А. Риер

ПРАВИТЕЛЬ И ОБЩЕСТВО НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в.

ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА, ЛЕГИТИМИЗАЦИИ И САКРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2020

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Деривативное электронное издание
на основе печатного издания:

Я. А. Риер
Правитель и общество на белорусских землях
в XIII – первой трети XV в.: основные механизмы политогенеза,
легитимизации и сакрализации власти
Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 256 с. : ил.

ISBN 978-985-568-658-4

В монографии представлен комплексный анализ механизмов легитимизации власти монарха на белорусских землях в XIII – первой трети XV в. в эволюционной перспективе. На основе данных широкого круга источников (письменных, иллюстративных, сфрагистических, нумизматических) выделены механизмы институционализации власти правителей в указанный период времени, рассмотрено влияние религии на сакрализацию власти и упрочение ее позиций в обществе, изучена титулатура монархов ВКЛ, проанализировано место полоцких князей в политической структуре формирующегося государства, прослежена эволюция образа правителя в русской, белорусско-литовской, европейской нарративной традиции в зависимости от социополитических условий создания источников.

Издание предназначено для специалистов в области отечественной истории, историков-медиевистов, преподавателей и студентов учреждений высшего образования, а также всех, кто интересуется процессами развития государственности на белорусских землях.

УДК 94(476) “12/14”
ББК 63.3(4Беи)

Риер, Я. А. Правитель и общество на белорусских землях в XIII – первой трети XV в.: основные механизмы политогенеза, легитимизации и сакрализации власти [Электронный ресурс] : монография / Я. А. Риер. – Электрон. данные. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – Загл. с экрана.

212022, г. Могилев
ул. Космонавтов, 1
тел.: 8-0222-28-31-51
e-mail: alexpzn@mail.ru
http://www.msu.by

© Риер Я. А., 2020
© МГУ имени А. А. Кулешова, 2020
© МГУ имени А. А. Кулешова,
электронное издание, 2020

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие власти и социума в процессе государствообразования издавна привлекало внимание исследователей. Тем не менее комплексное изучение политогенеза, а также анализ механизмов институционализации власти, использовавшихся правителями Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) в XIII – первой трети XV в., продолжает оставаться одной из важнейших проблем в отечественной историографии.

Актуальность данного исследования связана с резко возросшим в последнее время в отечественной науке интересом к вопросам политогенеза, а также процессам становления государственности на белорусских землях. ВКЛ является исторической формой белорусской государственности, поэтому вопросы легитимизации и сакрализации власти в период становления данного государственного образования являются особенно важными в контексте изучения процессов политогенеза в указанном регионе.

Важность исследования связана с недостаточной освещенностью данной проблемы в белорусской историографии, отсутствием единого подхода к ее анализу. Вопрос эволюции власти и определения механизмов ее институционализации, пути становления государственности на белорусских землях является одним из наиболее наукоемких вопросов как с точки зрения методологии, так и подходов к анализу протекавших процессов, вариантов построения научно корректной концепции.

Изучение механизмов легитимизации власти на белорусских землях, а также ее эволюции как социального института представляет особую ценность для понимания закономерностей исторического развития и построения концептуальных схем развития общества. От этого во многом зависит и общее понимание характера и природы государственного и общественного строя ВКЛ в контексте развития белорусской государственности.

Объектом данного исследования стали государствообразующие процессы на белорусских землях в XIII – первой трети XV в., их содержание и особенности. Предметом изучения стали механизмы институционализации и сакрализации власти, используемые правителями на первых этапах становления ВКЛ. Власть здесь рассматривается как сложное социокультурное явление, неразрывно связанное с государством и его населением.

Географические рамки исследования охватывают белорусские и часть литовских земель (летописная Литва), ставшие ядром формирования будущего ВКЛ. Хронологические рамки ограничиваются периодом с начала XIII до первой трети XV в. Нижняя хронологическая граница исследования обусловлена ослаблением княжеств на белорусских землях и упадком Руси, началом государствообразующих процессов у литовцев, приведших в скором времени к формированию новой политии на белорусско-литовских землях, возникновению нового типа правителя, власть которого вобрала в себя эле-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

менты разных исторических и цивилизационных традиций. Верхняя граница исследования обусловлена эпохой правления Витовта. С его именем связано завершение процесса оформления института власти средневекового монарха в ВКЛ и создание его образа как христианского, богоизбранного правителя.

В условиях скудости источниковой базы по истории белорусских земель указанного периода особую важность приобрело изучение комплекса нарративных источников, в том числе европейских хроник. Большая часть данного вида источников до настоящего времени незаслуженно отодвигалась на второй план при изучении государствообразующих процессов на восточнославянских землях, хотя именно в них содержится ценнейшая информация, касающаяся исторического развития указанных территорий.

Комплексный анализ разнообразных видов письменных источников, а также данных сфрагистики, нумизматики, иллюстративного и иконографического материала позволяет по-иному взглянуть на вопрос эволюции власти на белорусских землях в XIII – первой трети XV в., выделить основные механизмы легитимизации и сакрализации власти правителей. Продуктивное изучение механизмов институционализации власти связано с комплексным исследованием летописного материала, компаративистским анализом политогенеза на белорусских землях в сравнении с иными европейскими регионами эпохи средневековья.

Необходимо подчеркнуть, что анализ представлений о механизмах функционирования власти основан на изучении источников, созданных в среде элитарной части общества. Таким образом, в рамках работы отражены представления о власти, характерные для знати, нобилитета и представителей учености, и в меньшей мере воззрения, присущие более низким слоям населения. Представления, характерные для «немого» сословия, крестьян, практически отсутствуют. Вместе с тем парадигмы о богоизбранности власти, представления об идеальном монархе и справедливом государственном устройстве, сформулированные в то время, с течением времени стали устойчивыми социокультурными стереотипами, что нашло яркое отражение в традиционной культуре белорусского народа.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Власть и общество в эпоху Средневековья в современной зарубежной и отечественной историографии: общие тенденции, теоретические методологические исследования

Вопросы эволюции власти в обществе невозможно рассматривать в отрыве от общих тенденций государствообразования, которые происходили на белорусских землях в рассматриваемый период времени. Огромный вклад в изучение подобных процессов в последние десятилетия внесли исследования в области политической антропологии, позволившей по-новому взглянуть на ход протекавших событий на разных ступенях политического развития. Данная дисциплина, сложившаяся как одно из ответвлений антропологической науки и получившая известность с 40-х гг. XX в., направлена на изучение институтов управления и процессов государствообразования у различных этнических сообществ. В 1959 г. американским исследователем Д. Истоном было впервые введено в науку понятие политической антропологии[1].

Развитие данного направления происходило довольно интенсивно, и уже в 60-е гг. XX в. М. Фрид разработал политико-антропологическую модель, включающую эгалитарное, ранжированное и стратифицированное общества как поступательные этапы на пути к образованию государства. Кроме того, он ввел в научный словарь понятие вождества – специфической ступени организации власти, непосредственно предшествующей складыванию государства, а также попытался определить границы идентификации правителя[2].

Одной из наиболее ярких фигур в области политантропологии, чьи работы в контексте данного исследования представляют значительный интерес, является Хенри Дж.М. Классен[3]. В 1978 г. вместе с чешским ученым П. Скальником он издал монографию, послужившую началом совершенно новых исследований в теории образования государственности, а также в разработке вопросов соотношения власти и социума[4]. Под государством Х.Дж.М. Классен понимал

[1] *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 7–12.

[2] Там же. С.14–15.

[3] *Классен Х. Дж. М.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации / Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко. М., 2000. С. 6–23.

[4] *Claessen, H. J. M.* On Early States – Structure, Development and Fall // Social Evolution and History. 2010. № 1, Vol. 9. P. 10.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

специфический тип социально-политической организации общества, являющийся отражением существующих в определенном социуме отношений[1]. Особенно пристальное внимание исследователь уделил власти и управлению как двум основным составляющим государственного устройства[2]. Кроме того, Х.Дж.М. Классен подробно раскрыл особенности функционирования раннего государства. Данный термин он рассматривал как трехуровневую (состоящую из местного, регионального и национального уровней) социально-политическую организацию общества, главной функцией которой является урегулирование социальных отношений в обществе. Помимо этого, для нее характерно деление (стратификация), по меньшей мере, на два основных слоя – правителей и подданных. В то же время отношения этих социальных групп характеризуются обязанностью подданных подчиняться и платить налоги, а также политическим доминированием правителей. Кроме того, они объединяются общей идеологией, главным принципом которой на раннем этапе государствообразования является реципрокность, или обмен дарами на нерыночной основе. Сам процесс образования государства, по мнению Х.Дж.М. Классена, был неоднородным и мог проходить несколько стадий. Раннее государство, по его теории, как правило, появлялось из вождеств. В этих образованиях уже имело место социальное неравенство и необходимость работать на вождей, платить налоги, а также обязанность подчиняться существующим в данном обществе правилам и предписаниям. Он также выделил несколько условий, которые могли привести к развитию государства. Ими в первую очередь могли стать достаточная численность населения, контроль общества над определенной территорией, наличие избыточного продукта, необходимого для поддержания административного аппарата, а также существование идеологии, служащей для оправдания и сохранения имеющейся иерархической политической организации и социально-политического неравенства[3].

После издания монографии Х.Дж.М. Классен организовал трехдневный симпозиум, который прошел в рамках Международного Конгресса Международного Союза Антропологических и Этнологических

[1] *Классен Х. Дж. М.* Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л. Е. Гринина [и др.]. Волгоград, 2006. С. 72.

[2] *Claessen H. J. M.* On Early States – Structure, Development and Fall // Social Evolution and History. 2010. № 1, Vol. 9. P. 8.

[3] *Классен Х. Дж. М.* Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л. Е. Гринина [и др.]. Волгоград, 2006. С. 78.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

наук (IUAES) в Нью-Дели в 1978 г.[1] Примерно в это же время возник значительный интерес к явлениям эволюции государственности, а также вопросам взаимоотношений власти и социума в ходе государствообразования и в других научных кругах. Так, в 80-е гг. XX в. в Голландии под руководством П. Клооса была проведена конференция по ранним государствам. Аналогичные мероприятия прошли в 1983 г. в Монреале и в 1993 г. в Мехико. В 1985 г. в Торонто была организована международная междисциплинарная комиссия по изучению институтов, идей и символов государства (императорского, папского, королевского, княжеского)[2].

В 2000 г. Х.Дж.М. Классеном была издана монография «Структурные изменения. Эволюция и эволюционизм в культурной антропологии», в которой автор представил свои воззрения на развитие догосударственных и раннегосударственных социально-политических образований, а также очертил роль правителя и его функции на различных ступенях эволюции государственности[3].

Со второй половины XX в. под влиянием достижений политической антропологии появляются и работы других исследователей.

Настоящей классикой в изучении процессов политогенеза и эволюции власти стали работа Ж. Баландье «Политическая антропология»[4] и монография К. Витфогеля «Восточный деспотизм: сравнительное изучение абсолютной власти»[5].

Активно занимался изучением процессов государствообразования американский антрополог Р. Карнейро, который в ходе изучения вопросов возникновения государств особенно пристальное внимание уделял функциям правителя в различных социально-политических образованиях, включая вождества, а также подчеркивал роль военных конфликтов и идеологии в сохранении и поддержании его статуса[6].

Анализировал вопросы эволюции политической власти и Э. Сервис[7]. Согласно его теории она возникла постепенно, в ходе эволюции,

[1] *Claessen H. J. M.* Before the Early State and After: An Introduction // Social Evolution and History. 2008. № 1, Vol. 1. P. 4–18.

[2] *Earle T.* The Evolution of Chiefdoms // Chiefdoms: Power, Economy and Ideology. Cambridge, 1991. P. 5.

[3] *Claessen H. J. M.* Before the Early State and After: An Introduction // Social Evolution and History. 2008. № 1, Vol. 1. P. 10–12.

[4] *Баландье Ж.* Политическая антропология. М., 2001. С. 45–58.

[5] *Witfogel K.* Oriental Despotism: a comparative study of total power, 1967. P. 47.

[6] *Карнейро Р.* Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации / Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко. М., 2000. С. 89.

[7] *Сервис Э.* О происхождении государства и цивилизации / Э. Сервис // Сравнительное изучение цивилизаций / В. Б. Ерасов. М., 1998.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

и прошла в своем развитии несколько этапов (дружина, племя, вождество, примитивное государство). Их отличительные черты были связаны в первую очередь с особенностями управления совокупными общественными делами[1].

Американский историк-медиевист Ж. Страер также обращал свое внимание на ранние государства и особенности их функционирования. Политии в процессе государствообразования рассматривались им, скорее, не как объекты завоеваний, но как объединения правящих династий, функционирующие и растущие с помощью особого управленческого аппарата, целью которых было сохранение и преумножение своих владений. Ведущую роль в ходе политогенеза, по мнению Ж. Страера, играло установление более эффективных механизмов управления возрастающими территориями. При этом особо значимую роль играл аппарат профессиональных администраторов, ведущих свою управленческую деятельность от лица правителя[2].

Особенно важными работами с точки зрения исследования вопросов власти в формирующемся государстве явились труды Д. Куртца. Он отмечал, что политика опирается в первую очередь на власть – правителей, приобретающих и использующих свое положение для достижения не только общественных, но и личных целей[3]. Исследователь утверждал, что в основе политической власти лежит контроль не только над материальными, но и символическими ресурсами, которые существуют в определенном обществе. Государство при этом является «очеловеченной организацией со специальным доступом к власти»[4].

Важную роль в исследовании вопросов эволюции власти играют работы антрополога Т. Эрла. В своей монографии «Источники власти», вышедшей в 1997 г., автор обратился к теоретическим аспектам проблемы, рассматривая основания власти, а также средства, на которые она опирается в процессе своей легитимизации. Особое внимание при этом было уделено экономической и военной власти, а также идеологии как одному из важнейших средств ее институционализации[5].

---

[1] *Service A.* The Origins of State and Civilization, 1975. P. 157.

[2] *Poggi G.* Formation and Form. Theories of State Formation // The Blackwell companion to political sociology / ed. by K. Nash, A. Scott. Blackwell, 2006. P. 98.

[3] *Kurtz D. V.* Political Power and Government: Negating the Anthropomorphized State // Social Evolution and History. – 2006. – № 2, Vol. 5. – P. 93.

[4] *Kurtz D. V.* Social Boundary Networks and the Vertical Entrenchment of Government Authority in Early State Formations // Social Evolution and History. 2008. № 1. P. 132.

[5] *Earle T.* How Chiefs come to power. The political economy in prehistory, 1997.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Свое развитие исследование вопросов государствообразования и роли правителя в данном процессе получило также в России. В 2000 г. Х.Дж.М. Классен посетил проходившую в Москве конференцию, посвященную вопросам власти[1]. В результате сотрудничества с такими российскими исследователями, как Д. Бондаренко, А. Коротаев, Н. Крадин и Л. Гринин в 2000 г. свет увидело комплексное исследование «Альтернативы социальной эволюции»[2]. Кроме того, в 2000-е гг. приобретает популярность научное периодическое издание «Социальная эволюция и история», на страницах которого размещаются работы по данной проблеме[3].

В 2006 г. был издан коллективный труд под названием «Раннее государство. Его альтернативы и аналоги». Одной из главных проблем, которым был посвящен выход данного издания, явилось определение понятия государства, в частности раннего, а также характеристика власти в процессе его эволюции[4]. Выход данного издания явился заметным событием в политической антропологии и исторической науке и оказал влияние на многих современных исследователей[5].

Одной из ключевых фигур в изучении вопросов государствообразования в современной российской историографии является Л.Е. Гринин[6]. Давая определение термину «государство», исследователь рассматривает его как сложную систему специфических механизмов и институтов, обеспечивающих стабильное функционирование внутри- и внешнеполитической жизни общества. Кроме того, он подчеркивает такие черты верховной власти, как суверенность, легитимность и верховность в качестве основополагающих основ стабильности существующего порядка[7]. При этом большое внимание исследователь уделяет раннему государству, его чертам и отличительным признакам. В частности, он выделил четыре критерия, по которым можно отли-

[1] *Бондаренко Д. М.* «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 198–206.

[2] *Бондаренко Д. М.* Альтернативы социальной эволюции. М., 2000. С. 15–36.

[3] *Claessen H. J. M.* Before the Early State and After: An Introduction, 2008. P. 12; *Claessen, H. J. M.* Early State Intricacies // Social Evolution and History. 2005. № 2, Vol. 4. P. 151; *Крадин, Н. Н.* Эволюция государства и его роль в историческом процессе // Ист. психология и социология истории. 2009. № 1. С. 205–211.

[4] *Классен Х. Дж. М.* Было ли неизбежным появление государства? С. 73.

[5] *Кром М. М.* Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Ист. записки. М., 2001. Вып. 4 (122).

[6] *Гринин Л. Е.* Эволюция государственности // История и современность. 2006. № 1. С. 71–72.

[7] *Гринин, Л. Е.* Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации // Философия и общество. 2005. № 4. С. 20–40; *Гринин Л. Е.* О стадиях эволюции государства. Проблемы теории // История и современность. 2006. № 1. С. 4.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

чить раннее государство от его предшествующих аналогов. Среди них можно выделить новые принципы управления общественной жизнью, редистрибуцию власти правителя, а также появление новых механизмов управления[1].

Большой вклад в развитие политической антропологии и изучение проблем государствообразования внес Н.Н. Крадин, обращающий особо пристальное внимание в своих исследованиях на структурные компоненты власти и лидерства в различных типах обществ[2].

Что касается более узких работ и исследований, посвященных процессам государствообразования, а также механизмам институционализации и сакрализации власти в европейских странах в эпоху Средневековья, то можно выделить ряд материалов, появившихся в европейской историографии в конце XX – начале XXI в.

Одной из наиболее значимых работ, дающих общее представление о процессах, происходящих в Европе в Средние века во время государствообразования, а также о месте правителя в иерархии управления государством, является книга французского исследователя-медиевиста Ж. Дюби «Европа в средние века»[3].

Необходимо отметить также ряд важных, новаторских работ, без которых данное исследование не было бы полным. Речь идет о работах российских, немецких и французских коллег, посвященных средневековой политической антропологии, проблемам эволюции власти, механизмам ее сакрализации, ритуалам и атрибутам, сопутствовавшим легитимизации правителя, его взаимоотношениям с аристократией и социумом в целом. Несмотря на то что главным образом они посвящены западноевропейскому Средневековью, данные работы имеют огромную ценность для понимания общей структуры процесса эволюции власти, характерной для европейского общества. В первую очередь это касается монографических работ М.А. Бойцова и О.И. Тогоевой, а также исследований С.А. Васютина, Я. Беспальчиковой, В. Ковалева, Д. Кирюхина, Е. Кирюхиной, Н. Наумова, Н. Федонникова, Э. Манукяна, Б. Дюмезиля, Ш. Патцольда, Б. Григорьева[4].

---

[1] *Гринин Л. Е.* Эпоха первичного политогенеза // Ранние формы потестарных систем. СПб., 2013. С. 48.

[2] *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. М., 2004. С. 87–95.

[3] *Дюби Ж.* Европа в средние века. 1994. С. 145–160.

[4] *Бойцов М. А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009; *Борисов Г.* История права, юридическая антропология и медиевистика // Vox medii aevi. 2015. № 2–3. С. 7–13; *Беспальчикова Я.* Дары в дипломатической практике Теодориха

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

К ранней истории государствообразования у славян обращался П. Барфольд. В своей работе «Ранние славяне: культура и общество в ранней средневековой Европе», изданной в 2001 г., автор обратил внимание на теоретические аспекты власти в ранних государствах, а также выделил несколько ее категорий (военная сила, управление экономикой и контроль над идеологией)[1]. Кроме того, он дал характеристику основаниям власти в вождествах и ранних государствах, определил специфические черты аппарата управления на разных этапах развития общества. И, что более важно в контексте данного исследования, провел анализ вопросов оснований власти на Руси в период Средневековья[2].

Интересным компаративистским исследованием явился коллективный труд «Франки, норманны и славяне: самосознание и государствообразование в ранней средневековой Европе», изданный в 2008 г. под редакцией И. Гарипжанова. В нем подчеркивается необходимость компаративистского изучения процессов государствообразования у франков, в Скандинавии и славянских регионах, учитывая тесное культурное и политическое взаимодействие в указанную эпоху и наличие схожих черт в эволюции их власти[3]. Немаловажным с точки зрения сравнительного анализа процессов институционализации власти в восточнославянском регионе и Западной Европе является также сборник работ разных авторов, выпущенный под редакцией Н. Берендта в

Великого // Vox medii aevi. 2018. № 1, Vol. 2. С. 29–45; *Васютин С. А.* Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) // Восток. 2010. № 4. С. 20–33; *Дюмезиль Б.* Письма об общей пользе: определение и восхваление общественного блага в письмах эпохи Меровингов // Vox medii aevi. 2017. № 1, т. 1. С. 71–89; *Кирюхин Д.* Ритуалы власти в праздничной культуре английского королевского двора и анонимная хроника «Прием леди Екатерины» (1501) // Vox medii aevi. 2018. № 1, Vol. 2. С. 71–84; *Кирюхина Е.* Средневековые ритулы власти как источник вдохновения в культуре Англии второй половины XIX – начала XX века // Vox medii aevi. 2018. № 1, Vol. 2. С. 105–134; *Ковалев В.* Игра на престоле: ритуалы власти в Средние века и современная культура // Vox medii aevi. 2018. № 1, Vol. 2. С. 14–28; *Манукян Э.* Идеальные епископы поздней Античности: визуализация образа // Vox medii aevi. 2017. № 1, Vol. 1. С. 50–70; *Наумов Н. Н.* «Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра // Петербур. ист. журн.: исслед. по рос. и всеобщ. истории. 2016. № 1(09). С. 65–83; *Наумов Н.* Королевская власть и аристократия в правление Сигизмунда Люксембургского. М., 2018.; *Наумов Н.* Политический язык Эберхарда Виндеке // Vox medii aevi. 2018. № 1, Vol. 2. С. 46–70; *Патцольд Ш.* Епископы, социальное происхождение и организация местной власти около 500 года // Vox medii aevi. 2017. № 1, Vol. 1. С. 18–49; *Тогоева О. И.* «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М., 2006; *Федонников Н.* Места погребений королей франков из династии Меровингов // Vox medii aevi. 2017. № 1, Vol. 1. С. 14–28.

[1] *Barfold P. M.* The early Slavs: culture and society in early medieval Europe. New York, 2001. P. 125.

[2] Там же. P. 145.

[3] *Garipzanov I.* Northmen and Slavs: identities and State Formation in Early Medieval Europe / I. Garipzanov, P. Geary, P. Urbanczyk. Brepols, 2008. P. 7.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

2007 г., под названием «Христианизация и возвышение христианской монархии: Скандинавия, Центральная Европа и Русь в 900–1200 гг.»[1].

К дискуссионным проблемам процессов государствообразования обращается и известный российский историк Е.А. Шинаков[2]. В своих монографиях, а особенно в работе «Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект»[3], автор рассмотрел основные модели государствообразующих процессов, а также уделил пристальное внимание механизмам институционализации и легитимизации власти.

Большой вклад в рассмотрение вопросов легитимизации власти на Руси, а также в создание картины восприятия политической структуры средневекового общества глазами современников внес И.Н. Данилевский. В монографии «Русские земли глазами современников (XII–XIV вв.)» он не только проанализировал данные летописных источников, относящихся к рассматриваемому периоду, но обрисовал структуру легитимизации власти в древнерусском обществе в наиболее трудный период его существования. Исследователь подчеркнул деспотический характер правления в русских землях в указанный период, а также выделил подданнические отношения правителя и общества в древнерусских землях в отличие от западноевропейских вассально-сюзеренных[4].

Несмотря на то что вышеуказанные работы ставят во главу угла процессы, протекавшие на Руси, они являются крайне важными с точки зрения анализа влияния древнерусского компонента на эволюцию власти на белорусских землях в процессе образования ВКЛ.

Примечательно, что в последние годы появился ряд концептуальных работ и в отечественной историографии. Так, в 2016 г. в Беларуси вышла монография Я.Г. Риера «Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие», в которой содержится анализ процессов, происходивших в Европе в ходе государствообразования, а также исследуется вопрос о месте правителя в данных со-

[1] *Bartlett R.* From Paganism to Christianity in medieval Europe // Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus`. C. 900–1200 / N. Berend. Cambridge, 2007. P. 47.

[2] *Шинаков Е. А.* Генезис древнерусской государственности: опыт сравнительно-исторического анализа. Брянск, 2000; *Шинаков Е. А.* Механизмы институционализации и легитимизации власти (на примере Древнерусского государства) // Вестн. БГУ. 2007. № 2. С. 39–55; *Шинаков Е. А.* Некоторые комментарии к книге «Раннее государство, его альтернативы и аналоги» // История и современность. 2008. № 2. С. 208–221.

[3] *Шинаков Е. А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009. С. 36–42.

[4] *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001. С. 93.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

бытиях[1]. Особое внимание исследователь уделяет цивилизационному аспекту развития государственности на белорусских землях[2]. Интерес в контексте данного исследования представляют и труды белорусского историка С.Н. Темушева[3]. В своих работах автор не только рассматривает эволюцию властных структур в восточнославянском регионе, но анализирует ее структурные особенности, обращается к специфике институционализации власти правителя[4].

Таким образом, современная историческая наука уделяет значительное внимание теоретическим вопросам государствообразования. Подняв проблему о месте и роли правителя в процессе политогенеза, политантропологи внесли существенный вклад в изучение данных процессов в определенных регионах. При этом теоретические основы изучения соотношения власти и общества в ходе эволюции государства, заложенные политантропологами в середине XX в. и получившие развитие в последующих исследованиях, способны оказать значительную помощь при анализе места и роли правителя на белорусских землях в процессе образования и развития ВКЛ.

Историография политогенеза и государствообразования Великого Княжества Литовского

Белорусская историография

Белорусская историографическая традиция начала свое формирование с XV в. и была связана непосредственно с Русью. В хронографах того времени был подан обширный материал по истории западноевропейских и западнославянских народов (при полном игнорировании истории Московского государства), составленный на основе хроники Мартина Бельского. Историческое наследие для авторов являлось «актуальным прошлым». Тем не менее с середины XV–XVI вв. все большее внимание начало уделяться ВКЛ, которое большинство но-

[1] *Риер Я. Г.* Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие. Могилев, 2016. С. 269.

[2] *Рыер Я. Р.* Месца беларускіх зямель у гісторыі серэднявечча: цывілізацыйны аспект // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. 1999. № 5. С. 67–74.

[3] *Темушев С. Н.* «Белая веверица от дыма»: к вопросу о предыстории формирования налогово-даннических отношений в Древней Руси // Весн. БДУ. 2011. № 1. С. 21–26; *Темушев С. Н.* Налоги и дань в Древней Руси. Мн., 2015.

[4] *Темушев С. Н.* Генезис и эволюция института верховной власти в славянских раннефеодальных государствах (VII–XII вв.). Мн., 2003. С. 5–10.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

билитета и мещанства воспринимало как «свое» государство, высказывая политическую лояльность к ее правителям[5]. Подобная ситуация сохранилась на протяжении следующего столетия. Энциклопедические сборники, созданные на территории Беларуси в XVI–XVII вв., как правило, начинались с исторической части – «Сказаний о русских князьях, от кого кто родился»[6].

Одним из наиболее ценных памятников белорусско-украинской историографии XVII в., по мнению ряда исследователей (в частности, В. Чемерицкого[7]), является ранняя редакция «Великого хронографа» – памятника белорусского происхождения (более поздняя редакция была уже украинской), составной частью которого была русинская редакция «Хроники литовской, польской, жмудской и всея Руси» Матея Стрыйковского. Эта компиляция, возникшая на рубеже XVII в., представляет собой версию исторического прошлого, преподносившегося в среде православной русской элиты указанного периода времени. Создатели «Хроники» подчеркивали древность исторической традиции русинов и первоначальную зависимость литовских племен от «русских» монархов[8].

В 1857 г. в Санкт-Петербурге вышла работа могилевского историка и правоведа О.В. Турчиновича под названием «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен». Этот труд явился первой попыткой выделить историю белорусских земель в систематизированную работу, отдельную от истории развития российского государства[9]. Помимо выделения пяти этапов в истории развития государственности белорусских земель, а также детального описания полоцкого периода, автор обратился к истории образования ВКЛ. Турчинович показал создание новой политии как триумфа государствообразующей традиции белорусских земель, «Западной Руси». При этом симпатия историка была на стороне «своих», литовских правителей, которые противопоставлялись жестоким «московским» монархам[10].

---

[5] *Пресняков А. Е.* Литовско-русское государство в XIII – XVI вв. Мн., 2012. С. 21.

[6] *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі. С. 189.

[7] Славянамоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага XVI–XVIII стст. Мн., 2011; *Чамярыцкі В. А.* Вялікая Хроніка // Энцыкл. гіст. Бел. Мн., 1994. Т. 2. С. 437.

[8] *Бумблаускас Л.* Грюнвальдська битва – битва народів (1410–2010): середньовічна історія України, Білорусі, Литви. Киев, 2010. С. 22; ПСРЛ. Т. 32. С. 17; *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі. С. 190.

[9] *Турчинович О. В.* Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857; *Марзалюк І. А.* Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. С. 8.

[10] *Турчинович О. В.* Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. Мн., 2006. С. 49; *Марзалюк І. А.* Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. С. 11.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Одним из малоизученных авторов середины XIX в. является И. Кулаковский, которому приписывается авторство текста, изданного в сборнике «Рассказы на белорусском наречии» в 1863 г.[1]. Автор использовал теорию польского историка А. Нарушевича о том, что кривичи являлись основным древним населением белорусских земель и имели своих, отличных от русинов, полоцких князей. Обращаясь к образованию ВКЛ, автор оценивал его создание как захват белорусских земель языческой Литвой, однако подчеркивал, что местное население жило с литовцами в мире. Кроме того, именно у него появилась идея о том, что первоначально, во времена Полоцкого княжества, белорусские князья использовали воинственных литовцев в своем войске для борьбы с киевскими князьями. После же возникновения ВКЛ великие князья литовские сделали то же самое и основу уже их войска составляли полочане[2].

Обращался к истории ВКЛ и М.О. Коялович, которого считают одним из наиболее ярких представителей «западнорусизма». В «Чтениях по истории Западной России» (1884) он также затронул историю образования ВКЛ. Учитывая особенности политики, проводимой российскими властями по отношению к белорусским землям, он делал акцент на русском влиянии в развитии Литвы[3]. Вместе с тем, касаясь эволюции нации, М.О. Коялович подчеркивал, что балты-литовцы были народом, с которым белорусы всегда «ладили»[4]. Образование ВКЛ рассматривалось им как совокупное дело белорусов и литовцев. При этом государствообразующими элементами, с точки зрения М.О. Кояловича, являлись белорусы, с одной стороны, и аукштайты – с другой. Он подчеркивал, что этому процессу способствовала ознакомленность аукштайтов с культурой, религией и традицией белорусов, которая позволяла в дальнейшем им легко ее осваивать и принимать. Это содействовало бесконфликтности в создании ВКЛ, а также легкому принятию балтского правящего элемента[5]. Кроме того, ученый считал, что сближение белорусских земель и Литвы началось еще в полоцкий период. Доказательством этому может служить факт использования полоцкими князьями литовских дружин, которые оказывали им помощь во время военных походов[6].

[1] *Марзалюк І. А.* Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. С. 12; *Латышонак А.* Гутарка «царкоўнага старасты Янкі» з «Яськам гаспадаром з-пад Вільні» / Дзеяслоў. 2004. № 9(2). С. 199.

[2] *Марзалюк І. А.* Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. С. 15.

[3] *Коялович М. О.* Чтения по истории Западной России. СПб., 1884. – С. 35–37.

[4] *Марзалюк І. А.* Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. С. 20.

[5] Там же. С. 22.

[6] *Коялович М. О.* Чтения по истории Западной России. С. 62–64.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Касался истории образования ВКЛ и эволюции его власти на первых этапах существования и А. Киркор. Опираясь на Воскресенскую летопись, исследователь утверждал, что династия великих князей литовских является белорусской, славянской и имеет полоцкое происхождение. Согласно его концепции, великие князья использовали религию в стратегических целях и именно поэтому называли себя язычниками[1]. Для подтверждения данной легенды он даже разместил генеалогическую таблицу полоцких князей в своем очерке по истории белорусских земель. Согласно ей и Гедимин, и Ольгерд, и Ягайло, и даже Витовт якобы имели полоцкое происхождение[2].

Здесь необходимо отметить, что подобная версия о происхождении литовской династии великих князей возникла задолго до А. Киркора, при дворе русского царя Ивана IV. Эта легенда была создана в годы Ливонской войны, шедшей за восточнославянские земли ВКЛ, в Москве, для того чтобы показать наследственное право полоцких князей на территории только их княжества и опровергнуть легитимность их возможных притязаний на другие восточнославянские земли, входящие когда-то в состав Киевской Руси. На переговорах 1562 г. московская сторона заявляла: *«Только вспомнить старину, каким образом гетманы литовские Рогволодовичей Данила да Мовкольда на Литовское княжество взяли и каким образом великому государю Мстиславу Владимировичу Мономашу к Киеву дань давали, то не только что Русская земля, но и Литовская земля вся – вотчина государя нашего»*[3]. Эта фраза вошла в позднейшие московские летописные своды и именно оттуда была взята большинством белорусских историков, включая А. Киркора, в XIX в.[4]

В конце XIX – начале XX в. в рамках национально-освободительного движения начала активно развиваться белорусская историография. Появились публикации по истории Беларуси на страницах газеты «Наша ніва», а также в ряде других периодических изданий. Авторы публикаций отмечали, что в XIII в. Литва и земли Беларуси объединились в одно государство во главе с князьями-литовцами, но каждая часть имела полное равноправие, что приносило им взаимную пользу.[5]

[1] *Киркор А. К.* Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 3. СПб., 1882. С. 156.

[2] *Марзалюк И. А.* Образ Полоцкого центра // Родина. 2012. № 9. С. 111.

[3] Там же; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 6. С. 175.

[4] *Киркор А. К.* Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. С. 98.

[5] *Семянчук А.* Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. Гродна, 2000. С. 27.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Активно занимался изучением процессов государствообразования М.В. Довнар-Запольский. Он внес неоценимый вклад в развитие истории белорусских земель, их культуры и этнографии, обращая при этом особенное внимание на государствообразующие процессы на этих территориях. И если его работа «Основы государственности Беларуси», вышедшая на нескольких языках, явилась трудом, вызванным политической ситуацией, попыткой создания национальной государственности, а значит, сам текст был политически ангажированным и имел очевидные упрощения, то в ряде других академических исследований М. Довнар-Запольский подробно и обстоятельно представил свою концепцию образования ВКЛ. Он провел анализ событий и процессов, имевших место на первых этапах создания ВКЛ, затрагивая, в том числе, механизмы легитимизации власти его первых правителей. Ученый отмечал, что объединение земель шло с литовской стороны. Первые литовские князья присоединили небольшие соседние белорусские земли к своему государству и даже построили столицу Вильно на территории белорусского племени. Соседние белорусские княжения входили в сферу влияния литовского князя, частью посредством браков литовских князей на представительницах угасавших династий, частью путем добровольных соединений, созданных при помощи договоров. Так, фактически великий князь литовский сделался князем белорусских областей. Великие князья заключали договоры с княжениями Полоцким, Смоленским и Витебским и выдавали им особые конституционные грамоты. В тех же княжествах, где правящие династии не пересекались, местные князья признали себя вассалами великого князя литовского[1].

Вслед за украинскими исследователями, а в первую очередь за своим вдохновителем и наставником В. Антоновичем, М.В. Довнар-Запольский ставил под сомнение тезис о насильственном возникновении ВКЛ. Кроме добровольного характера образования ВКЛ, автор отмечал и преобладание белорусов в новом государственном объединении[2]. Социально-политическую структуру ВКЛ М.В. Довнар-Запольский оценивал как «конгломерат» земель и народов, не отрицая при этом федеративного характера государства[3]. В сохранении такой модели, по его мнению, значительную роль сыграли политические традиции Руси, в частности, соблюдение принципа «старины не рушити» и сохранение существующей системы местной власти. При создании ВКЛ древнерусское вотчинное

[1] *Доўнар-Запольскі М. В.* Гісторыя Беларусі. Мн., 1994. С. 87.
[2] *Довнар-Запольский М. В.* Основы государственности Беларуси // Неман. 1990. № 2. С. 134.
[3] *Доўнар-Запольскі М.* Выбранае. Мн., 2017. С. 39.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

право вело к подчинению удельных князей великому князю литовскому. Среди факторов, которые влияли на эволюцию государственного строя ВКЛ, ученый отмечал постоянную внешнюю угрозу и необходимость обороны государства, сложную сословную иерархию и особую социально-экономическую роль высшего сословия, монополизировавшего власть[1]. Нужно отметить также его полемику с М.К. Любавским, который относил возникновение многих государственных институтов ВКЛ к польским заимствованиям[2], в то время как М.В. Довнар-Запольский утверждал, что это не что иное, как эволюция местных институтов власти, издревле существовавших на белорусско-литовских землях и лишь частично подвергнувшихся латинскому влиянию[3].

Обращался, хоть и кратко, к истории образования ВКЛ, а также к механизмам легитимизации власти его первых князей В. Ластовский. В «Кароткай гісторыі Беларусі», изданной в 1910 г., автор попытался дать свою оценку событиям, происходившим на территории современной Беларуси и соседних земель в Средневековье. Исследователь обращался к легендам летописей и хроник XVI в., смешивая их с достоверными фактами. Так, по его мнению, уже в 1190 г. полочане выбрали себе князя по имени Мингайла или Мигайло, которому должен был наследовать его сын Гинвил. Но затем Полоцком вновь правили князья из рода Изяславичей, пока в 1230 г. белорусские земли не были завоеваны литовским князем Рингольдом. Миндовг оказался сыном и законным наследником Рингольда, но тем не менее «*когда Миндовг сел на великокняжеском престоле в Новогрудке и укрепился в землях Смоленской, Витебской, Друцкой, тогда и Полоцкое княжество с Витебском и другими уделами потеряли свою независимость*»[4]. Кроме того, автор не исключал, что Миндовг мог принадлежать к роду полоцких князей. Общий характер образования государства и политика институционализации власти первых правителей ему представлялась так: «*...Мало-помалу из белорусских земель сложилось новое государство – княжество Литовско-Русское. Литовские князья, укрепившись сперва в Полоцке, принимали христианство и роднились с белорусскими и южнорусскими князьями*»[5].

[1] *Доўнар-Запольскі М.* Выбранае. Мн., 2017. С. 39.

[2] *Любавский М. К.* К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии. М., 1909.

[3] *Доўнар-Запольскі М.* Выбранае. С. 332–334.

[4] *Ластоўскі В. Ю.* Кароткая гісторыя Беларусі. Мн., 1992. С. 14.

[5] Там же. С. 13–17.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Институциональное оформление белорусской исторической школы произошло в начале 1920-х гг., после окончательного утверждения советской власти в восточной части белорусских земель, где была образована БССР[1].

Наиболее видными представителями белорусской национальной исторической школы стали В.М. Игнатовский и В.И. Пичета. Оба исследователя в своих обобщающих трудах по истории Беларуси вскользь затрагивали тему образования ВКЛ и ее правителей.

В учебнике «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» (1918) В.М. Игнатовский особое внимание уделил унии с Польшей, а также социальному составу, правовому состоянию населения и органам власти ВКЛ[2]. Автор отмечал, что, «*пользуясь тем общим переполохом, который произвели на Руси татары, Миндовг захватил так называемую Черную Русь*». В то же время он подчеркивал, что «*таким способом Миндовг создал государство, которое с самого начала было не просто литовским, а литовско-белорусским*»[3]. В работах «История Литовского государства до Люблинской унии» и «История Беларуси» В.И. Пичета также обращался к ранней истории ВКЛ, анализируя процесс упрочнения власти его первых правителей[4]. Необходимо отметить, что большое влияние на формирование исторических взглядов В.И. Пичеты оказали труды М.К. Любавского, в частности, его работа «Очерки истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно»[5].

В 30-е гг. XX в. белорусская историография переживала тяжелый кризис. После разгрома национальной интеллигенции и сталинских репрессий белорусская историографическая традиция изучения политической истории ВКЛ на территории БССР вообще надолго исчезла. Профессиональная белорусская историография в Западной Беларуси практически отсутствовала, серьезных академических текстов по данной проблематике не было создано[6].

---

[1] Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг. / рэдкал.: С. Б. Каўн (гал. рэд.) [і інш.]. Мн., 2006.

[2] *Ігнатоўскі У. М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мн., 1981. – С. 86.

[3] Там же. С. 73–81.

[4] *Пичета В. И.* История Беларуси. Мн.,1924; Пичета В. И. История Литовского государства до Люблинской унии. Вильнюс, 1921; Пичета В. И. Литовско-русское государство // Русская история в очерках и статьях. М., 1910. Т. 2. С. 337–439.

[5] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004.

[6] *Дмитрачков П. Ф.* История зарождения и развития государственности на белорусских землях (IX–XVIII вв.). Могилев, 2008. С. 69.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

В послевоенный период специальные исследования, касающиеся истории государствообразования на белорусских землях, не проводились. Основные взгляды на данные процессы излагались в русле традиций польской и литовской историографий. Это находило отражение в распространенном среди исследователей указанного периода утверждении, что ВКЛ было созданием только литовских феодалов, а белорусское население находилось в угнетенном положении. С конца 80-х гг. XX в. наблюдается всплеск интереса к ВКЛ, в частности к проблеме его образования, а также роли первых правителей в институционализации государственного аппарата. В это время появляются работы как аматеров истории родного края (например, Н.И. Ермоловича), так и профессиональных историков (А.П. Грицкевича, И.А. Юхо, В.Л. Носевича, Г.Я. Голенченко, П.А. Лойки, О.Н. Левко и др.[1]); проводится ряд научных конференций, «круглых столов», посвященных дискуссионным аспектам истории ВКЛ. Так, например, в 1990 г. в газете «Звезда» были опубликованы материалы «круглого стола», посвященного проблемам «белых пятен» в белорусской истории[2]. В 1992 г. был организован международный круглый стол «Беларусь в Великом Княжестве Литовском», в котором приняли участие ученые из разных стран[3]. А в 2007 г. в Институте истории НАН Беларуси состоялся круглый стол «Станаўленне і развіццё беларускай дзяржаўнасці ў геапалітычных працэсах IX–XX стст.»[4]. Появились новые обобщающие труды по истории княжества. В это время выходит большой обобщающий труд – «Энциклопедия истории Беларуси» в 6 томах, издание которой осуществлялось с 1993 по 2003 г., а в на-

[1] *Левко О. Н.* Древнейшие города Беларуси: Полоцк. Мн., 2012; *Левко О. Н.* Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Беларуси: формирование и развитие. Мн., 2004; *Малиновский В. И.* Образование ВКЛ // История белорусской государственности. Мн., 2003. С. 56–73; *Дмитрачков П. Ф.* Образование Великого княжества Литовского (дискуссионные аспекты) // Весн. МДУ імя А. А. Куляшова. 1999. № 1 (2). С. 47; *Ермаловіч М. І.* Беларуская дзяржава ВКЛ. Мн. 2000; *Грицкевич А. П.* Из истории идейной борьбы в Белоруссии XV–XVI вв. // Франциск Скорина – белорусский гуманист, просветитель, первопечатник. Мн., 1989. С. 23–28; *Насевіч В.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Мн., 1993; *Галенчанка Г. Я.* Да пытання аб этнічных і этнаканфесійных катэгорыях Вялікага княства Літоўскага XIV–XVI ст.: «беларусцы», «ліцвіны» і «русіны» ў дыскурсах сучасных даследчыкаў і пісьмовых крыніцах // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Мн., 2008. Вып. 1. С. 9–19; *Лойка П. А.* Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII стст. Мн., 2002; *Юхо И. А.* История государства и права Беларуси. Мн., 2000.

[2] *Дмитрачков П. Ф.* Образование Великого княжества Литовского (дискуссионные аспекты). С. 48.

[3] *Латышонак А.* Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі // Спадчына. 1992. № 1. С. 9–14.

[4] *Дмитрачков П. Ф.* Образование Великого княжества Литовского (дискуссионные аспекты). С. 48.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

чале 2000-х гг. появилась шеститомная «История Беларуси» (гл. ред. М. Костюк, 2007–2011 гг.)[1]. Были опубликованы работы, освещающие отдельные проблемы политического развития ВКЛ.

Одним из первых, кто обратился к проблеме формирования ВКЛ в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в Беларуси, был Н.И. Ермолович, которого нельзя отнести к числу профессиональных историков. В 1989 г. вышла его книга «По следам одного мифа», а в 2000 г. – «Белорусское государство Великое княжество Литовское». В своей концепции он опровергал теорию о завоевании белорусских земель «летувисами» и характеризовал ВКЛ как преимущественно белорусское государство[2]. По Н.И. Ермоловичу, древняя Литва находилась не на территории современной Литвы, а в границах Беларуси (на землях в районе современного Новогрудка, Слонима и Минска) и представляла собой концентрированную общность балтов на белорусских землях. Миндовг, основатель ВКЛ, был вынужден покинуть легендарную Литву после поражения в междоусобной войне, и только после принятия на службу в Новогрудке он завоевал родные земли. Таким образом, с помощью особой локализации исторической Литвы XII–XIII вв. Н.И. Ермолович сделал вывод о том, что ВКЛ является этнически белорусским государством, а его история – это история только белорусского народа[3]. Необходимо отметить, что в наши дни концепция Н.И. Ермоловича подвергается жесткой критике не только из-за весьма неоднозначной локализации летописной Литвы, но также из-за сомнительной оценки вклада ее первых правителей в развитие государственности ВКЛ.

В контексте исследований по ранней истории ВКЛ необходимо также отметить работы И.А. Юхо. В «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» он провел анализ общественно-политического строя на белорусских землях в период создания и развития ВКЛ, дал характеристику основным предпосылкам и главным этапам формирования данного государства. В частности, он отмечал, что большую роль в создании ВКЛ сыграла внешняя угроза со стороны крестоносцев и татар, необходимость союза для борьбы с которыми и привела не только к военному, но и политическому объединению. Особое внимание, как и многие его предшественники, И.А. Юхо уделил роли Миндовга в образовании данного государственного объединения. Автор указывал на то, что ВКЛ начало формироваться с конца XII в., а его администра-

[1] Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Мн.: Беларуская Энцыклапедыя, 1993–2003; Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мн.: Экаперспектыва, 2008. Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага. – 688 с.

[2] *Ермаловіч М. І.* Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае. Мн., 2000.

[3] Там же. С. 32.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тивно-территориальное устройство развивалось в условиях широкой автономии отдельных земель-княжеств[1].

Касался в своих работах проблемы генезиса власти и другой белорусский историк – Г.В. Штыхов. В статье «Истоки белорусской государственности» он дал описание ранней истории Полоцкого княжества, затронув и вопрос образования ВКЛ. Он отмечал, что еще в начале XII в. полочане вместе с ливами, латгалами, эстами и другими боролись против немецких рыцарей, что и заложило основу дальнейшего сотрудничества и объединения. Кроме того, автор подчеркивал, что Полоцкое княжество вошло в состав ВКЛ на рубеже XIII–XIV вв. на основе соглашения князей литовской династии с полоцким боярством[2].

В разное время к вопросам генеалогии правителей ВКЛ и эволюции власти на белорусско-литовских землях обращались А.П. Грицкевич, Г.Я. Голенченко, П.А. Лойко[3].

Большой вклад в историю формирования ВКЛ внес и белорусский историк В.Л. Носевич. В частности, необходимо отметить его работу «Пачаткі ВКЛ. Падзеі і асобы». Исследователь подчеркивал тот факт, что княжества на территории Беларуси до середины XIII в. имели более чем двухсотлетний опыт тесных связей с Литвой, в процессе которых обе стороны хорошо изучили особенности и традиции друг друга[4].

В дальнейшем подобный опыт сосуществования послужил основанием для создания полиэтнического государства. Но сам по себе он не мог быть достаточным движущим фактором для политического объединения белорусских и литовских княжеств под властью литовского князя. Необходимы были и дополнительные условия (как, например, внешнеполитическая угроза и др.)[5]. Он отмечал, что на ранних стадиях формирования ВКЛ определенный политический приоритет имела литовская знать, в то время как «русские» (то есть белорусско-русские и украин-

[1] *Юхо Я. А.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мн., 2000. С. 95.

[2] *Штыхаў Г.* Вытокі беларускай дзяржаўнасці // Беларус. гіст. час. 1993. № 1. С. 32–33.

[3] *Голенчанка Г. Я.* Да пытання аб этнічных і этнаканфесійных катэгорыях Вялікага княства Літоўскага XIV–XVI ст.: «беларусцы», «ліцвіны» і «русіны» ў дыскурсах сучасных даследчыкаў і пісьмовых крыніцах // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Мн., 2008. С. 10–15; *Грицкевич А. П.* Из истории идейной борьбы в Белоруссии XV–XVI вв. // Франциск Скорина – белорусский гуманист, просветитель, первопечатник. Мн., 1989. С. 23–28; *Грыцкевіч А. П.* Палітычнае становішча Беларусі ў эпоху Скарыны // Спадчына Скарыны : зб. матэрыялаў Першых скарынаўскіх чытанняў (1986). Мн., 1989. С. 21–29; *Лойка П. А.* Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII стст. Мн., 2002.

[4] *Насевіч В.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Мн., 1993; *Насевіч В.* «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // З глыбіні вякоў. Наш край. Мн., 1996. С. 25–27.

[5] *Насевіч В.* «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. С. 12–16.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ские) земли играли ведущую роль в культурном и социальном развитии полиэтнического государства[1]. Миндовг в принципе является одной из наиболее привлекательных для отечественных историков фигур, освещению эпохи правления которого уделялось значительное внимание. Так, можно отметить работу В.Л. Носевича «Каранацыя Міндоўга ў кантэксце падзей сярэдзіны XIII ст.», а также его позднейшую монографию «Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя»[2].

Этой же проблемой занимается и А.К. Кравцевич, который предложил свое видение создания и укрепления ВКЛ. Согласно его теории, ВКЛ с самого начала создавалось на основе литовско-славянской (белорусской) общности при преобладающей роли белорусских княжеств, так как Литва еще не имела своей государственности[3]. Стоит отметить, что ряд положений историка вызвали дискуссии в научном сообществе. Свое несогласие с теорией автора высказал и В. Л. Носевич в статье «Вопросов больше, чем ответов» (1998)[4]. Прежде всего, автор рецензии отмечал слишком упрощенный подход А.К. Кравцевича в историографической части книги, в которой игнорировалось своеобразие позиции М.Ф. Довнар-Запольского и В.М. Игнатовского по сравнению с историками, допускавшими завоевательный характер расширения власти Литвы, а также отсутствие упоминания о преемственности между взглядами Н. Шкяленка и Н.И. Ермоловича. Подвергся сомнению тезис А.К. Кравцевича об исключительно мирном характере контактов между предками белорусов и литовцев, а также категоричные попытки отрицать наличие государства у литовцев до начала княжения Миндовга в Новогрудке[5]. В. Л. Носевич подчеркивал, что тезис А.К. Кравцевича об изначальном доминировании «восточнославянского компонента» сомнителен, если рассмотреть более поздние события, проигнорированные автором, а именно положения Кревской и Городельской уний, дискриминирующие православное население, а также факт преобладания в политической элите ВКЛ XV в. выходцев с этнически литовских территорий[6]. Вместе с тем автор про-

---

[1] *Насевіч В.* Каранацыя Міндоўга ў кантэксце падзей сярэдзіны XIII ст. // Наваградскія чытанні : гіст.-археалаг. даследаванні Навагрудка. Навагрудак, 1993. С. 10–11.

[2] *Насевіч В. Л.* Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. Смаленск, 2015.

[3] *Краўцэвіч А. К.* Гісторыя Вялікага княства Літоўскага, 1248–1377 гг. Вроцлаў, 2015; *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне ВКЛ. Rzeszow, 2000. С. 55; *Краўцэвіч А. К.* Фарміраванне канцэпцыі генезісу ВКЛ у польскай гістарыяграфіі // Беларус. гіст. час. 1998. № 1. С. 47–54.

[4] *Насевіч В.* Пытанняў больш, чым адказаў // Беларус. гіст. агляд. Мн., 1998. – Т. 5, сш. 1 (8). С. 215.

[5] *Краўцэвіч А. К.* Гісторыя Вялікага княства Літоўскага, 1248–1377 гг.

[6] *Насевіч В.* Пытанняў больш, чым адказаў // Беларус. гіст. агляд. Мн., 1998. Т. 5, сш. 1 (8). С. 215–220.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

должил исследования ранней истории ВКЛ. В контексте данной работы необходимо отметить книгу А.К. Кравцевича «Гісторыя Вялікага княства Літоўскага. Ад пачатку гаспадарства да каралеўства Літвы і Русі (1248–1341)», изданной в 2013 г. и переработанной автором с расширением хронологических рамок до 1377 г. в 2015 г.[1] Кроме того, внимания заслуживают очерки историка по персоналиям первых князей литовских – Миндовга и Гедимина[2].

В 2005 г. под редакцией А.А. Жлутки вышло комплексное издание «Міндаў, кароль Літвы, у дакументах і сведчаннях», которое содержит не только факсимильные копии документов, сохранившихся со времени правления создателя ВКЛ, но также комментарии к данным источникам. Этот труд является первым в отечественной историографии комплексным изданием всего корпуса западноевропейских текстов XIII в., имеющих непосредственное отношение к процессу становления ВКЛ в эпоху правления Миндовга[3].

Занимается историей развития белорусской государственности, в том числе в контексте генезиса ВКЛ, П.Ф. Дмитрачков. Он не только проанализировал основные этапы эволюции государства на белорусско-литовских землях в указанный период, но также провел тщательное исследование историографических концепций по данной проблематике. В контексте данного исследования особенно нужно выделить его работу «Беларусь у складзе ВКЛ: 2-я палова XIII – 1-я палова XVII стст.», изданную в 2003 г[4].

В процессе работы над указанной темой значительную помощь оказали труды, принадлежащие перу таких современных белорусских исследователей, как А.И. Груша, Д.В. Дук, В.А. Воронин, О.И. Дернович, И.А. Марзалюк.

Большой вклад в изучение места Полоцка и Полоцкой земли в составе ВКЛ, его правового и политического статуса внес В.А. Воронин. Согласно его концепции, Полоцк на протяжении всего первого этапа существования ВКЛ оставался сильным и относительно независимым центром в составе большого государства, с правителями

[1] *Краўцэвіч А.К.* Гісторыя ВКЛ. Ад пачатку гаспадарства да каралеўства Літвы і Русі (1248–1341). Гародня : Уроцлаў, 2013; *Краўцэвіч А.К.* Гісторыя ВКЛ. Ад пачатку гаспадарства да каралеўства Літвы і Русі (1248 – 1377). Гародня : Уроцлаў, 2015.

[2] *Краўцэвіч А.К.* Гедымін (1316–1341). Каралеўства Літвы і Русі. Мн., 2012.

[3] Міндаў, кароль Літовіі, у дакумэнтах і сьведчаньнях = Mindowe, rex Lithowiae, in litteris et testimonies / пад рэд. А. Жлуткі. Мн., 2005. С. 6.

[4] *Дзмітрачкоў П. Ф.* Беларусь у складзе ВКЛ: 2-я палова XIII – 1-я палова XVII ст. Магілёў, 2003.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

которого считались великие князья литовские. В своих исследованиях он также подчеркивает высокий статус правителей Полоцка и их признание со стороны центральной власти[1]. Отдельного внимания заслуживают работы автора, посвященные персоналиям мстиславских и полоцких князей как отражению социальных реалий того времени и неоднородности политического состава ВКЛ[2]. В частности, можно выделить его статьи «Полоцк в составе ВКЛ» и «Палачане: забытая памяць пра мора»[3]. Кроме того, В.А. Воронин ставит под сомнение факт насильственного завоевания Полоцка Литвой, указывая на вероятный договорной характер этого союза-вхождения, что позволяет по-новому взглянуть на взаимоотношения полоцких князей и великих князей Литовских[4].

Большой вклад в исследование вопросов, касающихся истории Полоцка, в том числе в период его вхождения в состав ВКЛ, а также статуса и положения его правителей, внес Д.В. Дук[5]. Особенно нужно выделить его монографию «Полацк і палачане (IX–XVIII стст.)», в которой не только анализируется политическое положение Полоцка как центра княжества, но проводится детальное исследование роли правителя в данном государственном образовании и подчеркивается сохранение его позиций после вхождения в состав ВКЛ[6]. В 2019 г. под руководством автора вышел коллективный труд «Полацк у святле станаўлення гістарычных і нацыянальных форм беларускай дзяржаўнасці (IX–XX стст.)», в котором автором данной монографии было рассмотрено место Полоцка и его правителей в контексте ВКЛ[7].

В современной белорусской историографии опубликован ряд важных работ, посвященных вопросам политогенеза на землях ВКЛ, а также тщательному анализу источников, относящихся к периоду формирова-

[1] *Варонін В. А.* Вялікія князі полацкія (канец XIV ст.) // Полацк: карані нашага радаводу / пад рэд. А. Мальдзіса. Полацк, 1996. С. 44–45.

[2] *Варонін В.* Wielkiego Ksiestwa Litewskiego Kroniczka krotko pisana // Беларус. гіст. агляд. Мн., 2004. Т. 11. С. 40–58.

[3] *Варонін В. А.* Палачане: забытая памяць пра мора // Arche. Пачатак. 2009. № 4 (79). С. 63–73; *Воронин В. А.* Полоцк в составе Великого княжества Литовского // Полоцк / Г. Штыхов [и др.] ; под ред. О. Н. Левко. Мн., 2012. С. 219–232.

[4] *Варонін В. А.* Падзеі 1307 года ў Полацку: спроба крытычнага разбору // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк, 2009. С. 30–34.

[5] *Дук Д. В.* Полоцк – 1150. Истоки государственности на белорусских землях // Родина. 2012. № 9. С. 66–69; *Дук Д. В.* Полоцк в эпоху княжения Владимира Святославовича: трансформация городской структуры и политические реалии // Историки-слависты МГУ. М., 2016. Кн. 11. С. 12–27.

[6] *Дук Д. У.* Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк, 2010. – С. 36, 40.

[7] *Дук Д. У.* Полацк у святле станаўлення гістарычных і нацыянальных форм беларускай дзяржаўнасці (IX–XX стст.). Магілёў, 2019. С. 40–58.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ния данного государства. Их автором является А.И. Груша[1]. Так, в своих научных публикациях и обобщающей монографии «Документальная письменность Великого княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.)» исследователь рассматривает предпосылки появления и условия развития правовых документов в ВКЛ, а также указывает на дуализм в эволюции политического самосознания нобилитета складывающегося государства[2]. Необходимо отметить статью автора «Ад “пана Бога” да “пана господаря”: як “палеограф” можа дапамагчы “гісторыку”», в которой не только затрагивается проблема титулатуры правителей, но и подчеркивается традиционный смысл образа правителя[3]. Важной в контексте данного исследования является его концепция «старины», традиции как важного фактора в эволюции власти и ее легитимизации, отраженная в ряде работ, в частности, в статье «Улада непарушнасці і памяці: «Старина» і яе трансфармацыя ў XV – першай трэці XVI ст.»[4].

Одним из немногих, кто уделил пристальное внимание вопросам генезиса власти как социополитического феномена на первых этапах складывания ВКЛ, а также создал узкоспециализированные работы по вопросам институционализации власти, является О.И. Дернович. В статье «AB OVO: Што з’явілася спачатку – Вялікі князь Літоўскі ці Вялікае княства Літоўскае?» он обратился к проблеме генезиса власти первого правителя ВКЛ, исследовал феномен титулатуры правителей и, что немаловажно, акцентировал внимание на различии между западноевропейской и восточнославянской традицией в идентификации монарха[5]. Не меньший интерес при изучении проблемы титулатуры монархов ВКЛ, а также ее истоков представляет его статья «Тытул Вялікіх князей Літоўскіх: дзе месца рускай традыцыі?»[6].

---

[1] *Груша А. И.* Письменная культура конца X – первой трети XVI в. // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв. Летопись древних слоев. Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв. Ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных истиочников). Культура и просвещение в средневековом Полоцке: сост.: О. Н. Левко [и др.]. Мн., 2012. С. 468–488.

[2] *Груша А. И.* Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Мн., 2015. С. 53, 58, 63.

[3] *Груша А. І.* Ад «пана Бога» да «пана господаря»: як «палеограф» можа дапамагчы «гісторыку» // Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына. Мн., 2007. С. 122–146.

[4] *Груша А.* Улада непарушнасці і памяці: «Старина» і яе трансфармацыя ў XV – першай трэці XVI ст. // СОЦІУМ : альманах соціальної історії, 2013. Вип. 10. С. 216–245.

[5] *Дзярновіч А. І.* AB OVO: Што з`явілася спачатку – Вялікі князь Літоускі ці Вялікае княства Літоускае? // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. 2009. Вып. 2. С. 30–43; *Дзярновіч А. І.* Дзе адбылася каранацыя Міндоўга? // Фрэскі гісторыі : артыкулы і эсэ па гісторыі і цывілізацыі Беларусі і Цэнтральна-Усходняй Еўропы. Мн., 2011. С. 8–24.

[6] *Дзярновіч А. І.* Тытул Вялікіх князей Літоўскіх: дзе месца рускай традыцыі // Ukraina–Lithuanica / рэдкал.: М. Катляр [і інш.]. Київ, 2013. Т. 11. С. 61–81.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Необходимо также выделить работы А.В. Мартынюка, представляющие ценность с точки зрения анализа летописных источников, в том числе западноевропейских хроник, имеющих отношение к ранней истории ВКЛ и процессу политогенеза на белорусских землях[1].

Различным аспектам становления и функционирования ВКЛ и его восприятия как «своего» государства, а также созданию его образа в белорусской историографии XIX–XX вв. посвящены исследования И.А. Марзалюка. В контексте данной работы особенно актуальной является его монография «Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы», позволяющая глубже проанализировать взаимосвязь правителя и общества в ходе государствообразующих процессов на белорусских землях в период складывания ВКЛ, а также выделить основные факторы, влияющие на выбранный путь развития[2].

Большое значение при исследовании проблемы генезиса власти в ВКЛ являются работы А. Шаланды. Особое внимание историк уделяет вопросам эволюции геральдических символов как отражения процесса эволюции власти, становления административно-территориального устройства и магнатских родов на территории ВКЛ[3].

Исследуемой тематике посвящены также работы автора настоящей монографии[4].

Ученые Института истории НАН Беларуси на протяжении последнего десятилетия разработали новую концепцию развития белорусской государственности. В рамках реализации концепции издана коллективная монография в двух книгах «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.»[5]. Кроме того, значи-

---

[1] *Мартынюк А. В.* Кто и когда впервые произнес на латыни и по-немецки «Белая Русь»? // Alba Rusica: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.). Мн., 2015. С. 27–38.

[2] *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Магілёў, 2003. С. 4–15.

[3] *Шаланда А.* Генезіс «Пагоні» – дзяржаўнага герба Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага // Bialoruskie zeszyty historyczne. 2001. № 16. S. 152–158.

[4] *Риер Я. А.* Власть и социум на первых этапах государствообразования в белорусских землях: теоретический аспект // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. 2017. № 1 (49); *Риер Я. А.* О сакрализации власти в Восточной Европе в средние века // Вестник Полоцкого государственного университета. 2017. № 9; *Риер Я. А.* Первые правители ВКЛ в немецких источниках // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Мн., 2018. Вып. 11; *Риер Я. А.* Полоцк и Литва по данным немецких хроник и полоцких актовых материалов XIII века // Вестн. Полоц. гос. ун-та. 2019. № 2; *Риер Я. А.* Полоцкая земля и Литва в XIII – первой половине XV века // Беларуская думка. № 10. 2019.

[5] Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2-х кн. ; гал. рэд. А.А. Каваленя. Мн., 2011. Кн. 1.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тельный интерес в контексте данного исследования представляет первый том пятитомника «Истории белорусской государственности» «Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII века». Согласно концепции авторов труда, белорусская государственность в процессе эволюции нашла воплощение в двух формах – исторической и национальной[1].

Таким образом, несмотря на то, что в последние десятилетия внимание к вопросам государствообразования на белорусских землях, а также ранней истории ВКЛ значительно повысилось, вопрос о генезисе ВКЛ, проблема механизмов институционализации власти со стороны его первых правителей в белорусской историографии остается открытым. И хотя в последнее время появился ряд общих исследований по истории развития белорусской государственности и ВКЛ, отдельного внимания процессам генезиса и легитимизации власти до последнего времени не уделялось. Более того, мнения историков по данному вопросу до сих пор расходятся. Большинство ученых придерживаются теорий, выдвинутых представителями национальной исторической школы еще в конце XIX – начале XX в. При этом образ власти и властителя в политической культуре нобилитета на белорусско-литовских землях в XIII – первой трети XV в. практически не рассмотрен.

Литовская историография

Литовская историография развивалась в сложных и неблагоприятных условиях долгого отсутствия национальной самостоятельности страны, когда историки были вынуждены публиковать свои труды не на литовском, а на русском, польском или немецком языках[2]. Но освободительное движение в Литве содействовало развитию национальной историографии, которая стремилась противостоять натиску русификаторов и полонизаторов и обосновать самостоятельное национальное прошлое своего народа. Литовские историки всегда придерживались так называемой литовской концепции генезиса ВКЛ, согласно которой только литовцы выступали в роли создателей государства ВКЛ[3]. Значительное внимание также традиционно уделялось отдель-

[1] История белорусской государственности. Мн., 2019. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.].

[2] *Sesplaukis A*. Lithuanica collections in European research libraries. Chicago, 1986. S. 4–6.

[3] *Вилимас Д*. ВКЛ: стереотипы исторической памяти в Литве // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 507–522.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ным правителям, ассоциировавшимся с историческими двигателями истории формирующегося государства[1].

Пожалуй, одним из самых знаменитых произведений раннего периода, касающегося истории Литвы и исторических традиций Великого Княжества Литовского, является трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян» Михалона Литвина, появившийся в середине XVI в. Главной идеей этого труда является легенда об итальянском происхождении литовцев, а также о древности рода его правителей. По теории, созданной Михалоном Литвином, храбрость позволила его предкам, долгое время жившим в кочевых военных условиях, покорить ятвягов и рутенов и распространить свое влияние на огромную территорию, создав при этом сильное государство. Согласно этой же легенде, хотя уже Миндовг принял христианство, корону и королевский титул, его начинания, направленные на легитимизацию власти и пресеченные после его убийства, надолго угасли, вплоть до возрождения в годы Кревской унии 1385 г.[2] Особенно значимой данная легенда, несмотря на всю дискуссионность ее истоков и условий появления, является в понимании процессов, происходивших в области институционализации властных структур ВКЛ в процессе эволюции государственности.

Одним из известных и талантливых общественно-политических деятелей ВКЛ в XVI в. был также А. Ротундус. Практически неизвестной для современников стала «Литовская хроника или история» («Cronica sive Historia Lituaniae»), данная им для ознакомления Н. Радзивиллу Черному во 2-й пол. XVI в. Эта работа, увидевшая свет в 1555 или 1566 г., была направлена на защиту интересов Великого Княжества Литовского и противостояние польским претензиям, высказанным в трактате Станислава Ожеховского (Ореховского) «Quincunx» (1554)[3]. Также авторству А. Ротундуса приписывается латиноязычное сочинение «Краткая история литовских князей» («Epitome Principum Lituaniae»), найденная, как и указанная выше хроника, в одном из экземпляров третьей редакции Статута ВКЛ. В этих произведениях излагалась легендарная версия происхождения великих князей литовских от древнеримского патриция Палемона, а также содержался призыв возобновить использование латыни как настоящего языка литвинов[4]. Собранный исторический материал А. Ротундус

[1] *Марзалюк І. А.* Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. С. 19.

[2] *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян; под ред. А. Л. Хорошкевич. М., 1994. С. 37; См. лат. текст: Michalo Lituanus De moribus Tarfarorum, Lituanorum et Moschorum. Basil 1615.

[3] *Ratundus V.* Rozmowa Polaka z Litwinem / vud. Józef Korzeniowski. Kraków, 1890. S. 4–5.

[4] Там же. S. 7, 12.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

передал Матею Стрыйковскому, использовавшему его в собственных сочинениях[1].

Нельзя не отметить вклад литовского писателя и историка XVII в. А. Виюк-Кояловича в изучение вопроса о развитии государственности на белорусско-литовских землях в период складывания ВКЛ. Будучи иезуитом, он получил известность благодаря большому количеству полемических произведений, направленных против некатоликов. Тем не менее его исторические труды характеризуются тщательностью подобранных материалов и представляют значительную ценность в рамках исследования ранней истории ВКЛ. Так, в «De rebus Lituanorum ante susceptam christianam religionem, conjunctionemque magni Lituaniae ducatus cum regno Poloniae», вышедшем в Данциге в 1650 г., автор рассмотрел основные этапы развития Литвы, а также уделил внимание личности правителя в государствообразующем процессе[2]. Примечательно, что на труды А. Виюк-Кояловича ссылались многие польские и западноевропейские исследователи последующих столетий.

На тезисы Михалона Литвина и Альберта Виюк-Кояловича опирались работы литовских историков XIX в., в частности известного литовского историка Т. Нарбута. Исследователь выступал против полонизации со стороны польской шляхты и потому довел свое многотомное исследование «Dzieje starożytne narodu litewskiego» только до смерти последнего литовского короля Сигизмунда Августа. В своей работе он раскрыл деятельность правителей ВКЛ, составил родословную литовских правителей и дал достаточно подробное описание первого этапа существования ВКЛ. Правда, следует очень аккуратно обращаться с трудом данного автора, так как большое количество сведений и имен было взято Т. Нарбутом из преданий и устных рассказов и не нашло подтверждения в аутентичных источниках. Это касается и вопросов престолонаследия и генеалогии, которым автор придавал достаточно большое значение[3].

В начале XX в. литовские национальные традиции усилились и внимание к истории Великого Княжества Литовского получило новый виток. Наибольшее распространение в указанное время полу-

[1] Ratundus V. Rozmowa Polaka z Litwinem. S. 7–8.

[2] *Kojałowicz W.* De rebus Lituanorum ante susceptam christianam religionem, conjunctionemque magni Lituaniae ducatus cum regno Poloniae. Dantisci, 1650. S. 5–10.

[3] *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1847. S. 40, 52, 59, 66, 71. См. также: *Griškaite R.* Naujoji Teodoro Narbuto Lietuvių mitologia. 1993. Pp. 9–16.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

чила работа И. Тоторайтиса, представляющая собой историю короля Миндовга, «создавшего» государство ВКЛ[1]. Кроме того, исследователь попытался проанализировать механизмы, используемые Миндовгом для упрочнения своей власти. Так, И. Тоторайтис отмечал, что он усилил мощь Литвы не только благодаря успешным военным кампаниям, но также благодаря продуманной и целенаправленной политике, осуществляемой им с целью сохранения и поддержания власти[2].

Примерно в это же время появился ряд узкопрофильных исследований по ранней истории литовских земель и начальному этапу развития ВКЛ, принадлежащих перу известных литовских историков – А. Янулайтиса, С. Матулайтиса, А. Алекны, А. Римки, И. Ионинаса[3].

Примечательно, что С. Матулайтис не обращал первостепенного внимания на личность правителя в исследовании вопроса о процессе государствообразования на территории будущего ВКЛ. Он подчеркивал, что «Литва была объединена под властью одного князя не благодаря их личностям, но в связи со сложившимися условиями – развитием земледелия, необходимостью обороны страны от врагов, сохранения стабильности внутри политии». То есть, воспользовавшись сложившимися условиями, князь объединил государство, а позже оформил институт управления территориями[4].

Важнейшие исследования по истории ВКЛ были проведены в конце XX в. Многие из них позволили по-новому взглянуть на государствообразующие процессы в ВКЛ, а также дать новую оценку первым правителям данного политического образования.

Одним из наиболее видных литовских исследователей XX–XXI вв. стал Э. Гудавичюс, которого можно назвать одним из ведущих ученых, занимавшихся ранней историей ВКЛ. В первом томе обобщающей синтезы «История Литвы», а также в ряде специализированных статей автор выполнил подробный анализ государствообразующих процессов на территории будущего ВКЛ, акцентируя внимание на личности правителя, его роли в проводимой политике, а также изучил механизмы институционализации власти[5]. Отдельно

[1] *Totoraitis J.* Die Litauer unter dem Konig Mindowe biz zum Jahre 1263, 1905. S. 34.

[2] Там же.

[3] *Марзалюк І. А.* Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. С. 28.

[4] *Matulaitis S.* Lietuviu tautos istorija. 1923. S. 24.

[5] *Гудавичус Э.* История Литвы. М., 2005. Т. 1: История Литвы с древнейших времен до 1569 года. С. 8–12; *Гудавичус Э.* «Литва Миндовга» // Проблемы этногенеза и этническая история балтов / под ред. Р. Ваулкайте. Вильнюс, 1985. С. 226.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

стоит упомянуть его монографию о Миндовге[1] и исследования, посвященные политическому развитию Литовского королевства в середине XIII века[2].

Большое внимание образованию ВКЛ уделяют и другие литовские историки. Среди них можно выделить Т. Баранаускаса. В 2000 г. вышла его работа «Истоки Литовского государства»[3]. Автор дал характеристику условиям, в которых протекало образование литовского государства, провел анализ существующих концепций и теорий, отметив, что образование ВКЛ представляло собой логический и закономерный процесс, обусловленный внутри- и внешнеполитическими процессами, протекавшими на литовских и белорусских землях в XII–XIII вв. Необходимым условием образования государства на данных территориях, по мнению Т. Баранаускаса, явилось возникновение внешней угрозы, сильного противника, ставящего под вопрос существование всего государства. Кроме того, он подчеркивал, что предпосылки к этому появились гораздо раньше, еще в эпоху викингов. Правда, Т. Баранаускас оспаривает роль Миндовга в образовании ВКЛ, приводя данные из хронологии активности Литвы в конце XII–XIII вв., введенной в научный оборот Г. Пашкевичем. Согласно его данным, из 75 литовских походов 42 относятся к периоду 1200–1236 гг., а 33 – к временам Миндовга (1237–1263). Не наблюдаются никакие перемены в военной активности во времена Миндовга, а это, по мнению автора, не согласовывается с ролью основателя государства, ему приписываемой. Тот факт, что интенсивность военных походов не менялась, скорее указывает на то, что значительные изменения в литовском обществе в это время не происходили, а значит, государство к этому времени уже существовало[4].

Нельзя не отметить также «Историю Литвы», изданную в Вильнюсе в 2013 г. авторским коллективом литовских историков – А. Бумблаускасом, А. Эйдинтасом, М. Тамошайтисом, А. Кулакаусласом[5].

Более узкими работами в контексте данного исследования являются труды литовского ученого Р. Петраускаса. Особо пристальное внимание автор уделил предпосылкам формирования государствен-

[1] *Gudavičius E*. Mindaugas. Vilnius, 1998.

[2] *Gudavičius E*. Polityczny problem Królestwa Litewskiego w połowie XIII w. // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefe Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Toruń, 1990. S. 61–84.

[3] *Баранаускас Т.* Истоки Литовского государства. Вильнюс, 2000.

[4] *Баранаускас Т.* Истоки Литовского государства. С. 40–52.

[5] *Эйдинтас А*. История Литвы / А. Эйдинтас, А. Бумблаускас, А. Кулакаускас, М. Тамошайтис. Вильнюс, 2013.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ности, а также вопросам власти и наследования. Необходимо выделить его работы «Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства», а также «Литовская знать в конце XIV–XV вв.: состав-структура-власть», в которых автор постарался дать оценку политической ситуации, происходившей в процессе генезиса ВКЛ, а также определить место правителя в данном процессе[1]. Не менее важной при изучении механизмов институционализации власти монарха в формирующемся государстве явилась работа автора «Фармаванне інстытуцыйнага двара вялікага князя ў Літве (XIV – пачатак XV ст.)»[2]. Кроме того, нельзя не выделить статью Р. Петраускаса «Монарх и вассал: Витовт и Городельская уния», рассматривающая взаимоотношения правителя и подданного в процессе легитимизации власти христианского монарха[3].

В рамках литовской историографии, обращающейся к ранней истории ВКЛ, необходимо отметить работы А. Дубониса, касающегося в числе прочего вопросов образования государства и ранних этапов его существования[4]. Кроме того, ранним периодом существования ВКЛ, в том числе исследованием династических союзов в развитии формирующегося государства, а также внутриполитическими отношениями в Литве накануне его образования, занимается и другой современный литовский исследователь – В. Янкаускас[5].

В современной литовской историографии есть четкая тенденция рассматривать историю ВКЛ как исключительно национальную в рамках развития литовского народа. Несмотря на это, именно труды литовских историков представляют первостепенный интерес в рамках изучения вопросов институционализации власти на начальном этапе развития ВКЛ.

---

[1] *Petrauskas R.* Lietuvos diduomene XIV a. pabaigoje – XV a.: sudetis – struktura – valdžia. 2003; *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства. 2012. С. 95–116.

[2] *Пятраўскас Р.* Фармаванне інстытуцыйнага двара вялікага князя ў Літве (XIV – пачатак XV ст.) // Arche. Пачатак. 2009. № 9. С. 39–71.

[3] *Petrauskas R.* Monarcha i wasal: Witold a unia horodelska // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. 2014. № 141. Z. 2. S. 511–529.

[4] *Дубонис А.* Проблемы образования Литовского государства и его отношений с Галицко-Волынским княжеством в новейшей историографии Литвы // Княжа доба: історія та культура, відп. ред. Я. Ісаєвич. Львів, 2008. Вип. 2. С. 142–157; *Дубонис А.* К вопросу о влиянии соседей на литовское общество в период становления Литовского государства. 2007.

[5] *Янкаускас В.* Русско-литовский договор 2019 г. и внутриполитические отношения в Литве в первой четверти XIII века // Rus' and Central Europe from 11th to the 14th Century. Krakow, 2015. С. 115–122; *Jankauskas V.* Kunigaiksciai Svirskiai XIV – XVI a.: Nuo gentines aristokratijos iki LDK politines tautos. Kaunas, 2016.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Украинская историография

Несмотря на то что украинская историография на протяжении длительного времени развивалась в сложных социально-политических условиях, вопросам генезиса ВКЛ и роли правителей в государствообразующих процессах издавна уделялось пристальное внимание. Значительная часть украинских исследователей оспаривала ведущую роль литовского компонента в политогенезе на белорусско-литовских землях.

Еще в середине XIX в. один из украинских историков, В.Н. Юргевич, выдвинул предположение о славянском происхождении великих князей литовских. Исследователь назвал необоснованными утверждения о литовском происхождении имен князей Ягайлы, Кейстута, Гедимина, Свидригайлы, Витовта и др., а его «филологический анализ» позволил историку отнести их к славянам[1]. Эта теория позже была воспроизведена в трудах уже современного белорусского исследователя Н.И. Ермоловича.

В 60–70-е гг. XIX в. появились работы Н.И. Костомарова, в которых была исследована эволюция ВКЛ как государства и проанализирована роль отдельных народов в его формировании[2].

Одним из основателей украинской историографии является В.Б. Антонович. В «Очерке истории ВКЛ до половины XV столетия»[3] он отрицал наличие власти у литовцев до середины XIII в., а также зачатков государственности до середины XIV в.[4] Согласно его исследованию накануне образования ВКЛ у литовцев не было никакой монархической власти, обладавшей значительным авторитетом в глазах большей части племен. Власть отдельных вождей распространялась только на незначительные сельские округи и отдельные волости[5]. До середины XIII в. литовцы представляли собой рассыпанные под руководством независимых вождей объединения, находящиеся без какой-либо политической связи друг с другом[6]. Помогла же литовцам в про-

[1] *Марзалюк І. А.* Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. С. 50; *Юргевич В.* Опыт объяснения имен литовских князей. 1883. С. 28.

[2] *Костомаров Н. И.* Русские инородцы. Литовское племя и отношения его к русской истории // Рус. слово. 1860. № 5. С. 1–100.

[3] *Антонович В. Б.* Очерки истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878.

[4] *Антонович В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России / В. Б. Антонович. Киев, 1885. С. 6.

[5] Там же. С. 12.

[6] Там же. С. 16.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

цессе государствообразования борьба против Ордена, которая велась при помощи полочан. Литовцы, находясь по соседству с Полоцком, воспользовались своим удобным географическим положением и смогли создать сильный государственный союз, с боем встретив надвигающуюся угрозу[1].

Рассматривая вопрос расширения территории ВКЛ и упрочнения власти его первых правителей, В.Б. Антонович отмечал, что в ходе расширения границ своих владений с помощью литовских войск Миндовг получил возможность не только успешно продолжить начатые им завоевания соседних территорий, но и поставить в зависимость от себя, пользуясь их слабостью и раздробленностью, мелких литовских правителей, находящихся во главе соседних провинций[2]. Причину упадка Литвы, наступившего после смерти Миндовга, автор видел «в забвении русских начал», при котором литовцы попытались опереться исключительно на самобытность своих норм и традиций, главным образом – обособленность земель и язычество. Отказавшись от объединения с Русью, христианскими территориями, литовцы, по словам В.Б. Антоновича, лишились поддержки единственной силы, которая могла помочь им в поддержании и сохранения независимости их рода. Но данная ошибка была исправлена Гедимином, которого наряду с Витенем, по мнению историка, можно считать настоящим основоположником сильного и могущественного государства ВКЛ[3].

Таким образом, В.Б. Антонович подчеркнул своеобразный, преимущественно мирный характер формирования ВКЛ в XIII–XIV вв. и указал на сохранение традиций старого политического строя, а также на взаимодействие двух господствующих этнографических и культурно-бытовых стихий (белорусской и литовской).

Оппонентом В.Б. Антоновича был другой украинский историк – Н.П. Дашкевич. Среди его работ, касающихся ранней истории ВКЛ, можно отметить «Литовско-Русское государство». Характеризуя процесс возникновения и развития ВКЛ, автор рассматривал в основном его этническую и внешнеполитическую историю. Исследователь, как и его предшественники, считал, что ВКЛ хоть и было создано путем завоевания со стороны литовских князей, но в сущности своей было

[1] *Антонович В. Б.* Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда // Моя сповідь : вибрані історичні та публіцистичні твори; под ред. О. Тодійчук, В. Ульяновського. Київ, 1995. – С. 648.

[2] *Антонович В. Б.* Очерки истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. С. 25.

[3] Там же. С. 37–40.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

русским[1]. Н.П. Дашкевич первым попытался поставить вопрос о синтезе литовских и русских общественных компонентов, утверждая, что политический строй создающегося литовского государства изначально находился под сильным влиянием древнерусских традиций. В качестве доказательства исследователь отмечал, например, принцип родового старшинства князей, игравшего значительную роль в централизации нового политического объединения. При этом если древнерусские институты способствовали укреплению ВКЛ и централизации его власти, то польские, напротив, по мнению ученого, вели к его упадку[2].

Ф.И. Леонтович исследовал вопросы, касающиеся ранней истории ВКЛ, и обращался к истории русско-литовского права. В своих работах автор проанализировал особенности территориального устройства литовских земель накануне и после образования ВКЛ[3]. Во взгляде на историю эволюции власти литовских правителей он следовал В.Б. Антоновичу, считая, правда, при этом, что русские князья были вынуждены добровольно подчиниться власти сильных литовских вождей ввиду изжития своих собственных политических традиций[4].

Одним из выдающихся украинских исследователей конца XIX – начала XX в. был М.С. Грушевский. Ученый соглашался с мнением о том, что государство в Литве было создано в значительной степени благодаря Миндовгу, являясь, по сути, его «утвором», правда, «подготовленным предшествующей политической эволюцией литовских племен». Он уделял особо пристальное внимание политике первого правителя ВКЛ, а также способам упрочнения его власти[5].

Среди представителей советской украинской историографии нельзя не выделить труды выдающегося исследователя Ф.М. Шабульдо, который занимался историей развития ВКЛ в период вхождения в его состав земель Юго-Западной Руси. Он провел детальный анализ особенностей присоединения указанных территорий под контроль созданного государства, исследовал исторические и правовые аспекты данного перехода, а также изучил особенности сохранения местной власти в условиях наличия центральной администрации[6].

---

[1] *Дашкевич Н. П.* Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885. С. 3.

[2] Там же. С. 109.

[3] *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб., 1894. С. 36–73.

[4] Там же. С. 276.

[5] *Грушевський М. С.* Новійша література по історії Велікого кн. Литовьского. Критический огляд // Запісы Украінського навукового товарыства у Київі : Украінскій навук. зб. Київ, 1916. Т. 18. С. 23–39.

[6] *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 20–27.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Весьма интересны труды Н.Н. Яковенко, которая выступила за пересмотр устоявшейся традиции изучения истории как различных этапов развития государства. В своих работах она призвала рассматривать государствообразование как процесс развития и эволюции общества, а формирование ВКЛ – как историю взаимоотношений народов, его населявших[1].

Вклад в исследование функционирования средневековых институтов власти, изучение механизмов их институционализации, а также процесс политогенеза в Древней Руси внес П.П. Толочко[2]. Удельным княжествам ВКЛ, а также генеалогии династии Гедиминовичей посвящены работы Л.В. Войтовича[3].

Кроме того, вопросы политического устройства и процессы институционализации власти в ВКЛ рассматриваются в исследованиях О.В. Русиной, Б. Черкаса[4]. Необходимо отметить монографию Б. Черкаса «Синьоводська битва 1362 року», в которой рассмотрены основные механизмы вхождения земель в состав ВКЛ, а также их место и роль в данном политическом образовании в последующий период[5]. Работы О.В. Русиной важны благодаря сюжетам, связанным с легитимизацией власти верховных правителей ВКЛ и ролью отдельных восточнославянских земель, входящих в его состав[6].

Наиболее важным исследованием современной украинской историографии, близким по направленности к изучаемой проблематике, является монография украинской исследовательницы М. Филипович, посвященная образу Полоцкой земли в летописных и актовых материалах XI–XVI вв. В ней автор пришла к выводу, что для древнерусских книжников Полоцкая земля воспринималась как «чужая» в системе восточнославянских земель. Такой взгляд был связан с обособленным правлением замкнутой династии полоцких князей Рогволодовичей.

---

[1] *Яковенко Н.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ, 1997.

[2] *Толочко П. П.* Власть в Древней Руси. X–XIII вв. СПб., 2011; *Толочко П.* «Русский мир» и Украина // Родина. 2012. № 9. С. 8–84; *Толочко П.* Ідея Римсько-Візантійськоі християнськоі спадщини в Давньоруськиі суспільній думці // Kloczowski, J. ed. Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine: the foundations of historical and cultural traditions in East Central Europe. Lublin, 1994. С. 234–242; *Толочко П. П.* Древняя Русь: очерки социально-политической истории. Киев, 1987.

[3] *Войтович Л. В.* Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII-XVI ст. історико-генеалогічне дослідження. Львов, 1996.

[4] *Русина О. В.* «Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998; *Черкас Б.* Україна в політичному протистоянні Великого князівства Литовського з Московською державою і Кримом у 20-х – 30-х рр. XVI ст. // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. Київ, 2003. С. 94–107.

[5] *Черкас Б.* Синьоводська битва 1362 року : іст. нарис. Київ, 2012. С. 31, 39.

[6] *Русина О. В.* «Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 3–5.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Образ Полоцка, который возник под рукой летописцев ВКЛ, был совершенно иным: из «чужой» Полоцкая земля превращается в «свою», одну из «русских» земель Великого Княжества. На страницах второго и третьего летописных сводов ВКЛ резко возрастает количество «полоцких сообщений». Все это было связано с тем, что «полоцкий вопрос» в ВКЛ, в среде его интеллектуальной элиты, приобрел особенную актуальность в связи с возрастающим противостоянием между двумя претендентами на «собирание русских земель» – Великим Княжеством Литовским и Великим Княжеством Московским[1].

Таким образом, украинская историография представляет собой достаточно сложный комплекс исследований и концепций. Значительное количество трудов как по общей истории ВКЛ, так и по отдельным ее аспектам, в частности по вопросам эволюции власти, появляется в XIX – начале XX в. Современные исследования, несмотря на то что представляют значительный интерес в общем понимании процессов, происходящих на территории ВКЛ в изучаемое время, акцентированы в основном на его юго-западные территории, носят выраженную национальную окраску.

Российская историография

Российская историография образования ВКЛ складывалась на протяжении достаточно длительного времени и имела свои особенности, связанные с политическими, идеологическими и другими процессами, проходившими на ее территории. Впитав в себя сведения средневековых хронистов, она на протяжении XIX–XX вв. претерпела значительные изменения. В целом русские историки XIX в. (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский) мало уделяли внимания истории Литвы и ограничивались в основном общей характеристикой происходивших здесь событий и процессов.

Одним из первых среди русских историков к истории соседних земель в своих работах обратился Н.М. Карамзин. Правда, он считал ее недостойной внимания, так как литовцы XIII в. представляли собой воинственные племена, занимавшиеся, помимо земледелия, только военными походами: *«Сей народ презирал мирные искусства гражданские, но жадно искал плодов их в странах образованных и хотел приобретать оные не меною, не торговлею, а своею кровию. Общая*

[1] *Філіпович М. А.* Полоцька земля в літописних та актових джерелах XI–XVI століть. 2014. С. 142–143.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

польза государственная предписывала нашим князьям истребить гнездо разбойников и покорить их землю, вместо чего они только гонялись за литовцами»[1].

Подобное мнение надолго укоренилось и среди других русских историков. В работе С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» можно найти лишь отрывочные сведения об истории белорусских земель в период складывания ВКЛ и ее первых правителях. При описании событий середины XIII в. С.М. Соловьев рисует Литовское государство как сильного и опасного врага, ведущего постоянные войны с соседями[2]. И, несмотря на то что из работ этого историка нельзя извлечь полную, логическую цепь событий, происходивших на литовско-белорусских землях в период образования ВКЛ, предоставленные им данные также представляют определенный интерес для изучаемого периода, главным образом в сфере внешнеполитической деятельности его первых правителей.

К вопросу о роли ВКЛ в русской истории, а также месте власти в этом формировании на первых этапах его государствообразования обращался и другой видный представитель русской дореволюционной исторической науки – Н.Г. Устрялов. В своем сочинении «О Литовском княжестве: исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать ВКЛ», прочитанном им на торжественном заседании в Главном педагогическом институте и опубликованном в 1838 г., Н.Г. Устрялов выступил против тех, кто рассматривал Литву как «польские провинции», и указал на самобытный путь ее развития. Согласно его точки зрения, несмотря на то что до времен Гедимина на литовских землях преобладало язычество, а земли формирующегося ВКЛ постоянно испытывали натиск воинственных соседей, Литва смогла взять перевес над соседями в гражданском устройстве и создать сильное государство[3]. Анализируя роль первых правителей в образовании государства ВКЛ, автор отмечал, что *«не силою, не храбростью Литвы, а умом, искусством, политикою Гедимина соединились русские княжества за Днепром в одно целое и образовали великое княжество Литовское»*[4]. Оценил он и сущность Литовского государства,

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 2007. С. 118, 159.

[2] *Соловьев С. М.* Сочинения : в 18 кн.; ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М., 1988. Кн. 1. Т. 1, 2. С. 286.

[3] *Устрялов Н. Г.* О Литовском княжестве: исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать ВКЛ? : сочинение Н. Устрялова, читанное на торжественном акте, в Главном педагогическом институте, 30 декабря 1838 г. СПб., 1839. С. 12–17.

[4] Там же. С. 18–20.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

определив при этом его место в русской истории и подчеркивая, что и московское, и литовское государства имеют право на свое существование благодаря долгим политическим традициям и существующему историческому влиянию на развитие указанных земель[1].

Необходимо отметить, что концепция Н.Г. Устрялова заняла значительное место в русской историографии дореволюционного периода и многие последователи ученого использовали ее основные положения в своих исследованиях.

Так, поддерживал взгляды Н.Г. Устрялова известный русский славянофил И.Д. Беляев. Рассматривая особенности княжеской власти в созданном государстве, он отмечал, что в Литве власть князя имела схожее значение с Полоцком. Это подтверждалось, по словам автора, главным образом тем, что русские города Полоцкого княжества охотно входили в подчинение к литовским князьям, что, в свою очередь, говорило о наличии схожих черт в этих двух структурах. Вместе с тем для литовской княжеской власти был характерен ряд отличительных особенностей по сравнению с полоцкой. Среди таких различий И.Д. Беляев выделял наличие этнических литовцев среди первых князей нового государства, ограничение их власти со стороны нобилитета, а не рядового населения земли, а также обладание значительными земельными и материальными ресурсами, способствующими определенной самостоятельности правителей. Кроме того, именно князья, по мнению И.Д. Беляева, являлись двигателями истории ВКЛ, которые направляли ее политику в нужное русло: «*Литовская земля, с падением могущества полоцких русских князей, представляла рассыпанную храмину, пока не собрал ее Гедимин*»[2].

В 1843 г. в Варшаве вышла «История Польши в виде учебника» Н.И. Павлищева. Касаясь происхождения и первоначального положения литовских земель, он подчеркивал несостоятельность и политическую неразвитость Литвы до падения Руси. Только после начала ослабления и раздробленности Руси литовцы получили возможность начать государствообразующие процессы и усилить свое влияние. Главным образом эти процессы происходили после того, как большая часть полоцких городов перешла под их влияние (1241 г.), причем истинным основателем Литовского княжества назывался Миндовг, дея-

[1] *Устрялов Н. Г.* О Литовском княжестве: исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать ВКЛ? СПб., 1839. С. 40–41.

[2] *Беляев И. Д.* История Полоцка или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872. С. 77–80.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тельный и воинственный. По всей видимости, автор ассимилировал понятия Руси и Полоцкого княжества, подчеркивая угнетенное положение литовских земель. А возвышение Литвы он связывал не только с внешнеполитической угрозой, но и с внутренними противоречиями на белорусских землях. Рассматривая дальнейшую историю раннего литовского государства, Н. И. Павлищев касался вопроса принятия Миндовгом христианства в связи с внешней угрозой, а также подчеркивал роль других правителей в его развитии[1].

В 1890 г. вышло известное издание «Белоруссия и Литва», подготовленное П.Н. Батюшковым[2]. Он обращался к вопросу об образовании ВКЛ, объясняя его, прежде всего, внешнеполитическими факторами. Согласно его теории, мелкие литовские князья начали объединяться и создавать союзы во время борьбы с Русью. Позже именно эти объединения послужили началом к созданию единого государства. Эта формула была дополнена еще одной, касающейся тех сил, при помощи которых Миндовг создавал государство. Механизмы упрочнения власти первого правителя Литвы состояли в собирании русских земель и подчинении мелких разрозненных литовских владений[3].

Обзор ранней истории ВКЛ представил и П.Д. Брянцев в «Истории Литовского государства с древнейших времен». Автор также обратился к первым шагам в истории образования нового государства, дал описание первых князей и их политики, проводимой на территории ВКЛ с позиций важной роли русского элемента в создании и развитии данного государства[4].

Основоположником типолого-сравнительного метода в изучении ВКЛ считают М.К. Любавского. Ученый осветил главные переломные этапы в истории ВКЛ указанного периода, а также провел исследование связи внешне- и внутриполитических обстоятельств с социальными взаимоотношениями, существовавшими в государстве. С его точки зрения, история ВКЛ являлась прямым продолжением истории Руси[5]. Рассматривая же вопрос о том, почему движущей силой создания нового государства явилась не своя этническая группа, но «чужое»

[1] *Павлищев Н. И.* История Польши в виде учебника. Варшава, 1843. С. 41–42.

[2] *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890.

[3] Там же. С. 52–56.

[4] *Брянцев П. Д.* История Литовского государства с древнейших времен. Вильна, 1889. С. 15–35.

[5] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. С. 2.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

племя, М.К. Любавский подчеркнул наличие двух путей его образования – добровольный и завоевательский. При этом успех Литвы он аргументировал следующим образом: *«Мы должны прежде всего отметить национально-политическое объединение Литвы, вызванное ее напряженной борьбой с соседями в XII и XIII вв., сосредоточение ее сил и наряду с этим политическое раздробление Западной Руси на отдельные земли и мелкие владения, утратившей политический центр, вокруг которого могли бы группироваться ее политические силы»*[1].

В.О. Ключевский в своих работах затрагивал статус удельных князей в ВКЛ в XIV в. Для него великий князь являлся верховным сувереном и собственником всей территории государства. Его воля определяла статус удельного князя и его княжества[2].

А.И. Барбашев также обращался к начальному периоду развития ВКЛ. Отдельной его заслугой является создание труда «Летописные источники для истории Литвы в средние века» (1889), в котором была дана детальная характеристика источников для изучения средневековой литовской истории. К главным нарративам он отнес летописи Прусского ордена, русские летописи, польские и литовские, а к второстепенным – их позднейшие компиляции XVI в., не лишенные вместе с тем, по мнению автора, значения для средневековой истории Литвы, так как некоторые из первоначальных источников не дошли. Кроме того, автор подчеркивал необходимость обращаться к чешским, венгерским и германским летописям, особенно при анализе внешней политики ВКЛ[3]. До сих пор не утратили актуальности и его работы, посвященные правлению великого князя Витовта, в которых А.И. Барбашев не только проанализировал политику правителя, но и изучил его образ, созданный средневековыми хронистами, а также обратился к механизмам, используемым в процессе упрочнения его власти[4].

А.Е. Пресняков в «Лекциях по русской истории» обратил внимание на многонациональный характер ВКЛ и постарался определить роль каждого народа в его истории. В своей работе автор провел анализ политического строя Литовско-Русского государства, а также проследил ход событий до 1509 г. А.Е. Пресняков, как и его предше-

[1] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. С. 32–33.

[2] *Ключевский В. О.* Полный курс лекций по русской истории. М., 2002. – С. 19.

[3] *Барбашев А. И.* Летописные источники для истории Литвы в средние века. СПб., 1889.

[4] *Барбашев А. И.* Витовтъ: послѣднія двадцать летъ княженія 1410–1430. СПб., 1891; *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). СПб., 1885.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ственники, достаточно расплывчато представлял процесс образования ВКЛ и первые этапы его существования, отмечая лишь политическую отсталость литовцев и подчеркивая роль Миндовга в создании нового государства[1].

Таким образом, всестороннее изучение истории ВКЛ началось лишь в XIX в. Официальная российская историческая школа этого времени рассматривала развитие ВКЛ с точки зрения общерусского единства, не акцентируя особенного внимания на роли правителя в данном процессе. Некоторые представители этой школы – Н.Г. Устрялов, М.О. Коялович, П.Д. Брянцев – главную роль в общественно-политической жизни ВКЛ до конца XIV в. отводили западнорусским землям. Но после заключения правителями ВКЛ ряда уний с Польшей «русские» земли, по мнению историков, попали под иноземное католическое иго и дальнейшая история развивалась под знаком постоянного стремления к объединению с православной Россией. При этом исследователи не обращали внимания на формирование отдельных народов (белорусского, украинского) на землях, вошедших в состав ВКЛ. Эти народы являлись для них не более чем ветвями одного русского (то есть великорусского) народа, только с некоторыми отличиями в культуре и языке.

Определенные отличия от данной трактовки истории ВКЛ наблюдаются в работах историков конца XIX – начала XX в. – М.К. Любавского, Ф.И. Леонтовича, которые рассматривали ВКЛ как федеративное государство, которое возникло главным образом путем мирного соглашения между Литвой и Западной Русью. Причем восточнославянские земли, а также местные правители в составе ВКЛ играли значительную роль на протяжении всей его истории[2].

После Второй мировой войны в официальной российской (советской) историографии окончательно утвердилась великорусская теория происхождения ВКЛ, а также практически не уделялось внимания политической структуре данного объединения. Несмотря на то что советские историки практически игнорировали исследуемую тематику, можно отметить работы В.Т. Пашуто (1918–1983). В своей монографии «Образование Литовского государства» он высказал мысль, что

[1] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории : в 2 т. М., 1939. Т. 2 : Западная Русь и Литовско-Русское государство. С. 55–56.

[2] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно; *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. 1894; *Юхо И. А.* История государства и права Беларуси. С. 31.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ВКЛ было образовано в результате соглашения литовских и белорусских феодалов. Он рассматривал складывающееся государство как неравноценную федерацию литовских и белорусских земель, в которых литовская династия имела преимущественное политическое значение, а белорусские земли сохраняли существовавшую издавна государственную традицию и представляли собой экономическое и хозяйственное ядро формирующегося государства. Также он постарался проанализировать основные механизмы упрочнения власти первых правителей складывающегося государства[1].

Свой вклад в рассмотрение данной проблемы внес также И.Б. Греков, в трудах которого, по сути, была возрождена концепция дореволюционной историографии, рассматривающая ВКЛ как важнейший центр, соперничавший с Москвой за объединение земель вокруг Вильно[2].

Необходимо остановиться на работах Б.Н. Флори, который не только рассмотрел источники, относящиеся к государствообразующим процессам на восточнославянских землях в изучаемый период, но проанализировал роль религии в усилении позиций правителей в ходе развития государства[3]. Можно выделить его монографию «У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.)», в которой автор обратил внимание на религиозную политику правителей восточнославянских земель, а также на взаимодействие и противостояние латинского и древнерусского компонентов в развитии государственности на данных территориях[4].

Также при анализе источников, относящихся к исследуемой проблематике, нельзя не отметить работы А.Л. Хорошкевич. Исследователь провела детальный анализ и публикацию Полоцких грамот[5]. Кроме того, она обратила внимание на положение Полоцка в составе ВКЛ и его роли во внешней и торговой политике государства. Особое внимание при этом было уделено таким материальным свидетельствам статуса полоцких правителей, как печати и грамоты. Большую помощь при интерпретации сфрагистических материалов, относящихся ко времени правления полоцких князей в составе ВКЛ, оказали ее

[1] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. – С. 5, 13.

[2] *Греков И. Б.* Князь и правящая знать в Киевской Руси // Ученые записки ЛГУ. 1932. С. 5–38; *Греков И. Б.* Мир истории: русские земли в XIII – XV веках. М., 1986.

[3] *Флоря Б. Н.* Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи. Этностереотипы в средние века. М., 1990. С. 16–28.

[4] *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004. С. 55.

[5] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 2 т. / под ред. А. Хорошкевич. М., 2015.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

комментарии к изданию «Полоцких грамот»[1], а также статья «Печати полоцких грамот XIV–XV вв.»[2].

В современной российской историографии очень важны работы А.И. Филюшкина, который обращается к эволюции и особенностям титулатуры правителей Руси и ВКЛ, а также исследует общие тенденции государствообразования на этих землях. При этом отдельно нужно выделить его монографию «Титулы русских государей», вышедшую в 2006 г.[3] Внимания заслуживают исследования С.В. Думина, занимающегося в основном вопросами генеалогии и касающегося в своих работах вопросов, связанных с эволюцией роли и титулатуры правителей в ВКЛ[4].

В этой связи невозможно не отметить работы А.В. Кузьмина, направленные на анализ источников, относящихся к истории ВКЛ, в том числе Полоцких грамот[5]. Необходимо также подчеркнуть его заслуги в создании концепций, связанных с древнерусским летописанием, в разработке проблемы взаимоотношений общества и власти в древнерусском и литовском обществах, а также роли правителей Полоцка в складывающемся государстве ВКЛ[6]. Рассмотрела в своих работах вопросы идеи власти и подданства в средневековой литературе, в том числе касающихся политогенеза в ВКЛ, М.Е. Бычкова[7]. Интересными в рамках данного исследования явились работы видного российского медиевиста А.А. Горского, касающиеся административного устройства Древней Руси, в котором автор выделяет два уровня – княжества-земли и княжества-волости[8].

Важным трудом для понимания политических явлений, имевших место на территории ВКЛ накануне XV в., анализа социально-политических процессов, проходивших на белорусских землях в 1430–1440-х

[1] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. 2015. Т. 2.

[2] *Хорошкевич А.* Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. С. 128–146.

[3] *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М., 2006.

[4] *Думин С. В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения : очерки истории России XIX – нач. XX вв. М., 1991. С. 76–126.

[5] *Кузьмин А. В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли 2-й пол. XIII – нач. XV вв. // Древняя Русь. 2007. № 2. С. 33–42.

[6] *Кузьмин А. В.* Правители Полоцкой земли во второй половине XII – начале XIV века : (актуальные проблемы хронологии и генеалогии) // Ломоносов-2003. М., 2003. С. 5–14.

[7] *Бычкова М. Е.* Великое княжество Литовское // История Европы с древнейших времен до наших дней : в 8 т. М., 1993. Т. 3 : От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). С. 114–118; *Бычкова М. Е.* Идеи власти и подданства в генеалогической литературе XV – XVI вв. // Историческая генеалогия. 1993. Вып. 2. С. 4–9.

[8] *Горский А. А.* Русское средневековье. М., 2010; *Горский А. А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004; *Горский А. А.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. 478 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

гг., а также внешнеполитических условий существования данного государства является работа С.В. Полехова «Наследники Витовта. Династическая война в Великом Княжестве Литовском в 30-е гг. XV века»[1]. Автор анализирует роль правителя в существовавшем тогда обществе и обращается к проблеме восприятия его как государя в периферийных районах княжества. Кроме того, в других своих работах автор рассматривает роль династических конфликтов в процессе эволюции власти и ее формирования, укрепления в XV в.[2]

Невозможно закончить обзор современной российской историографии, касающейся изучаемой проблематики, без упоминания работ А.Ю. Дворниченко, который не только исследовал процесс политогенеза на восточнославянских землях (особенно Древней Руси), но и проанализировал эволюцию политического устройства на указанных территориях от города-государства к феодальной монархии[3].

Таким образом, дореволюционная русская историография стояла преимущественно на позициях так называемой великорусской концепции, согласно которой Московское княжество выступало в роли объединительного центра русских княжеств, а образование ВКЛ представлялось как результат захвата (или мирного вхождения, в зависимости от автора) литовцами западнорусских земель и их присоединения к Литовскому государству. В связи с этим ВКЛ рассматривалось как составная часть Российского государства, принадлежавшая ему испокон веков. Также оспаривалось законное право Гедиминовичей на западнорусские земли. Что касается современной российской историографии, относящейся к вопросам политогенеза ВКЛ, а также вопросам генеалогии его правителей и общим вопросам власти, то она не так развита по сравнению с литовской или собственно белорусской. Тем не менее появляющиеся в настоящее время исследования говорят о неугасающем интересе историков к истории не только Руси, но и ВКЛ, а также о пересмотре существовавшей в дореволюционной и советской историографии «великорусской» концепции генезиса ВКЛ и места и роли его правителей в процессе развития и усиления аппарата центральной власти.

[1] *Полехов С. В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

[2] *Полехов С. В.* Литовская Русь в XV в.: единая или разделенная? : (на материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром) // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / ред.-сост. А. В. Доронин. М., 2017. С. 71–79.

[3] *Дворниченко А.* А существовало ли государство Киевская Русь? // Родина. 2012. № 9. С. 80.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Польская историография

Польская историография развивалась под влиянием сложных внутриполитических условий. При этом польские исследователи издавна уделяли пристальное внимание истории соседних земель, в частности истории ВКЛ.

Неоценимый вклад в историю ВКЛ внес ***М. Стрыйковский***, польский историк, поэт, писатель и дипломат XVI в.[1] Именно его называют первым историографом ВКЛ, а на его работы (как, впрочем, и труды А. Виюк-Кояловича) ссылались многие поколения исследователей. Вместе с тем его работу «Хроника литовская, польская, жмудская и всея Руси» нужно рассматривать в первую очередь как важный источник по ранней истории ВКЛ. Именно поэтому более детально этот труд будет рассмотрен в следующем разделе, посвященном источникам.

Складывание профессиональной исторической школы, рассматривающей в том числе генезис ВКЛ и эволюцию власти его первых правителей принято относить к более позднему времени, а именно к XVIII в. Сведения о ВКЛ и его правителях содержатся в трудах польского историка А. Нарушевича. Представитель пинской шляхты, он явился автором фундаментального семитомного труда «История польского народа» («Historia narodu polskiego», 1780–1786), доведенного им до избрания на польский трон Ягайло (1386)[2]. Работа основывалась на широкой документальной базе и отличалась хронологической последовательностью в изложении событий. Весь труд был пронизан идеей сильной монархической власти, которая была призвана обеспечить равновесие между сословиями и гарантировать общественный порядок. А. Нарушевич выразительно подчеркивал своеобразие Полоцка, описал его государственную традицию, а также акцентировал внимание на культурном и политическом взаимодействии между Русью и Литвой в эпоху создания ВКЛ. Большое значение в становлении государственных институтов на землях Литвы и Беларуси придавал Польше[3].

После падения государственности начался последний этап польского Просвещения. В его национальной историографии стала пре-

[1] *Stryjkowski M.* Kronika polska, litewska, zmodzka i wszyskiey Rusi Macieja Stryjkowskiego. Warszawa, 1985.

[2] *Naruszewicz A.* Historya narodu polskiego : 10 t. Krakowe, 1860. T. 4. S. 18.

[3] Там же. S. 29–40.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

обладать тенденция к идеализации героических моментов прошлого для пробуждения чувств патриотизма у шляхты. Важную роль в это время играло «Общество друзей наук», созданное в Варшаве в 1800 г. В данную группу входил Т. Чацкий, исследовавший историю права. Он уделял большое внимание исследованию экономических проблем и истории культуры, которые до него были мало изучены в польской историографии. В его работах были заметно идеализированы обычаи славян, их общинный строй в противовес обычаям и законам, которые пришли от германцев. Тенденция к реабилитации прошлого и абсолютизация национальных идей сближала Чацкого с представителями романтической школы, отрицавшими общеисторическую эволюцию народов и государств[1].

Видным польским историком, касавшимся вопросов ранней истории ВКЛ, был Е. Бандке. В 1830 г. вышла его «История государства Польского»[2]. Одной из причин возвышения Литвы, упоминания о которой у него начинаются с 1255 г., автор видел в изменившейся внешнеполитической обстановке. Подчеркивался также тот факт, что литовские дружины нанимались для помощи в различных походах как Польшей, так и Русью[3].

Основателем и главным представителем романтического направления в польской историографии был И. Лелевель. Он был первым исследователем, предметно изучившим частные вопросы, связанные со становлением и развитием ВКЛ. В труде «История Литвы и Руси до Люблинской унии 1569 года включительно» («Dzieje Litwy i Rusi az do unii z Polska w Lublinie 1569 zawartel»), изданном в Лейпциге в 1839 г., историк высказал мысль о том, что военные походы литовцев подготовили почву для образования Литовского государства, а сокрушительный удар монгольских туменов по важнейшим центрам Руси, с одной стороны, и экспансия крестоносцев, с другой стороны, подготовили все необходимые условия для создания ВКЛ. Ученый дал характеристику первых этапов становления ВКЛ и описал деятельность его правителей. И. Лелевель, будучи профессором Виленского университета, прекрасно зная реалии Литвы и Беларуси, настойчиво проводил идею о том, что основные цивилизационные и культурные отличия восточных славян Литовской Руси от Московской Руси сфор-

[1] *Czacki T.* Czy prawo rzymskie było zasadą praw polskich i litewskich i czy z połnocnymi narodami mieliśmy wiele wspólnych praw i zwyczajów? Wilno, 1809; *Зашкильняк Л. А.* Польская историография // Историография истории южных и западных славян. М., 1987. С. 14–28.

[2] *Бандтке Е.* История государства Польского : в 2 т. СПб., 1830. Т. 1. С. 231.

[3] Там же. С. 233.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

мировались в результате того, что эти земли не знали монгольского ига и поэтому не подверглись влиянию азиатского деспотизма, характерного для московского самодержавия[1].

Одним из выдающихся исследователей XX в. является Х. Ловмяньский. Он внес большой вклад в изучение истории ВКЛ. В своих работах он подверг критике норманскую теорию происхождения славянского государства, а также подчеркнул наличие экономических, социальных и этнических предпосылок для создания государственности у славян[2]. Он детально проанализировал фактор военной активности литовцев в качестве одного из важнейших условий формирования нового государства[3]. Ловмяньский изучил основные этапы эволюции власти монарха, акцентировал внимание на значении дружинного фактора в процессе становления государства. В фундаментальных трудах историка были выделены основные этапы развития государственности в границах будущего ВКЛ, а также охарактеризованы способы упрочения власти его первыми правителями.

Отдельно нужно выделить работы О. Галецкого, обращавшегося к взаимоотношениям Польши и Литвы в эпоху развития ВКЛ, а также касавшегося проблемы эволюции государственности на польских землях и территории соседей. Одной из значимых его работ в контексте данного исследования является «Polska i Litwa wobec Rusi w jej epoce dzielnicowej», изданная в 1919 г.[4]

Большое внимание титулатуре первых правителей ВКЛ уделил польский историк и историограф Я. Адамус. В рамках данного исследования особенную ценность представляют его работа «Państwo litewskie w latach 1386–1398», вышедшая в 1935 г., а также статья «O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń», изданная в историческом квартальнике польского исторического общества во Львове в 1930 г.[5] и показывающая эволюцию титулов первых монархов формирующегося государства.

Важное значение имеют работы Х. Пашкевича, который начал свои исследования в междувоенный период в Варшаве и продолжил

[1] *Lelewel J.* Dzieje Litwy i Rusi: aż do unji z Polska w Lublinie 1569 zawartei. Poznan. 1844.

[2] *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 7.

[3] *Ловмяньский Х.* Русско-литовские отношения в XIV–XV вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М.,1972. С. 269–270.

[4] *Halecki O.* Polska i Litwa wobec Rusi w jej epoce dzielnicowej // Dzieje Unii Jagiellonskiej. Krakow, 1919. T. 1 : Wiekach Srednich.

[5] *Adamus J.* Państwo litewskie w latach 1386-1398 // Księga pamiątkowa ku uczczeniu 400. rocznicy wydania I Statutu Litewskiego. Wilno, 1935. S. 15–79; *Adamus J.* O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń // Kwartalnik historyczny. R. 44. T. 1. Zesz. 1. Lwów, 1930. S. 313–332.

Электронный архив Библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

после Второй мировой войны на эмиграции. Самой ранней его работой о Литве был доклад, представленный на V Съезде польских историков в 1930 г. В нем польский историк представил новый взгляд на характер литовско-русских отношений, полностью отличавшийся от подхода современной ему историографии. Его суть сводилась к тому, что литовские племена уже во втором десятилетии XIII в. угрожали русским землям и что договор 1219 г. с волынскими Романовичами поставил последних в зависимое положение от правителей Литвы[1]. В очередной работе, изданной в том же году, Х. Пашкевич попытался обосновать зависимость «русской политики» литовских правителей от политической ситуации в самой Литве и отношений между разными группами литовских вождей[2].

В послевоенный период увидела мир синтезная работа Х. Пашкевича «Начало Руси» («Początki Rusi»). В ней автор проанализировал летописные источники по истории Руси и ее эволюции в составе ВКЛ. Кроме того, он обратил внимание на роль языческой литовской дружины в становлении нового государства, а также подчеркнул симбиоз двух культур – языческой и христианской – в политическом развитии института власти на белорусских землях в XIII–XIV вв.[3]

Нельзя не отметить вклад польского литуаниста Е. Охманьского в исследования ранней истории ВКЛ, в том числе работы, касающиеся генеалогии Гедиминовичей, а также социально-экономического развития белорусских и литовских земель с XIV века[4]. Особенное значение в рамках данной работы имели его труды «Historia Litwy» (1981), а также «Dawna Litwa. Studia historyczne»[5].

Работы М. Космана «История Беларуси» («Historia Bialorusi») и «З гісторыі і культуры ВКЛ»[6] касаются ключевых моментов истории ВКЛ, в частности основных этапов его становления, внешнеполитических отношений литовско-белорусских земель в период активных государственных завоеваний. Исследование «Международные договоры Литвы в XIII в.» («Umowy międzynarodowe Litwy w XIII wieku») было

[1] *Paszkiewicz H.* Litwa przed Mendogiem // Pamiętnik V powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie. 28 listopada do 4 grudnia 1930 r. T.1. Lwów, 1930. S. 246–258. См. также дискуссию вокруг доклада Х. Пашкевича: Pamiętnik V powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie. 28 listopada do 4 grudnia 1930 r. T. 2. Lwów, 1931. S. 76–80.

[2] *Paszkiewicz H.* Z zagadnień ustrojowych Litwy przedchrześcijańskiej. Kunigasi a problem ekspansji litewskiej na Rusi w w. XIII // Kwartalnik Historyczny. R. 44. 1930. № 3. S. 301–312.

[3] *Paszkiewicz H.* Początki Rusi. Krakow, 1996. S. 97.

[4] *Охманьский Е.* Гедиминовичи — «правнуки Сколомендовы» // Польша и Русь. М., 1974. С. 358–364.

[5] *Ochmanski E.* Historia Litwy. 1981; *Ochmanski E.* Dawna Litwa. Studia historyczne. 1986.

[6] *Kosman M.* Historia Bialorusi. Wroclaw, 1979; *Косман М.* З гісторыі і культуры ВКЛ. Мн., 2010.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

посвящено международным, в первую очередь литовско-русским договорам указанного периода[1]. Кроме того, пристальное внимание автор уделял роли христианства в усилении власти монарха в процессе политогенеза. Особенно важной в этом отношении является его работа «От язычества до христианизации. Польша – Русь – Литва» («Od chrztu do chrystianizacji. Polska – Rus – Litwa»), вышедшая в 1992 г.[2]

В 2000 г. в «Энциклопедии Средневековья» вышел раздел, посвященный истории белорусских земель, написанный Ю. Бардахом. Автор остановился на проблеме образования ВКЛ, отмечая, что под натиском крестоносцев литовцы, которые находились на стадии формирования государства, осуществили экспансию на восток. Перед угрозой со стороны рыцарских орденов на севере и татар на востоке полоцкие князья искали союза с литовскими предводителями. Литовские князья, которые «сели» на белорусские земли, сами славянизировались, что проявилось в принятии ими христианства по восточному обряду. Славянский Новогрудок был выбран ими столицей. При этом автор характеризовал ВКЛ как литовско-белорусское государство. Эту же мысль исследователь проводит в ряде своих научных трудов, посвященных истории Беларуси и Литвы, в частности в «Штудыях з гісторыі ВКЛ»[3].

Среди новейших работ польских историков необходимо отметить исследования Г. Блащика, Л. Корчак и Я. Тенговского. Познаньский историк поставил себе за цель создать комплексный труд по истории польско-литовских отношений[4]. В свою очередь, краковская исследовательница описала образование, состав и компетенции великокняжеского совета в Литовском государстве в 1386–1492 гг.[5] и процесы формирования литовской государственности в XV веке[6]. Белостокский автор исследовал генеалогию первых поколений Гедиминовичей[7] и проблемы власти в Великом Княжестве Литовском в конце XIV века[8].

---

[1] *Kosman M*. Umowy międzynarodowe Litwy w XIII wieku // Przegląd Historyczny. R. 57. 1966. S. 213–234.

[2] *Kosman M*. Od chrztu do chrystianizacji. Warszawa, 1992.

[3] *Бардах Ю*. Штудыі з гісторыі ВКЛ. Мн., 2010. С. 15.

[4] *Błaszczyk G*. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 1: Trudne początki. Poznań, 1998; *Błaszczyk G*. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 2: Od Krewa do Lublina. Poznań, 2007.

[5] *Korczak L*. Litewska rada wielkoksiążęca w XV wieku. Kraków, 1998.

[6] *Korczak L*. Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim. Kraków, 2008.

[7] *Tęgowski J*. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań-Wrocław, 1999.

[8] *Tęgowski J*. Zagadnienie władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie między Unią Krewską a zgonem Skirgiełły (1385-1394) // Zapiski historyczne. T. 64. 2001. Z. 4. S. 7–18.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Таким образом, польская историография уделяет достаточно пристальное внимание вопросам генезиса ВКЛ. При этом можно отметить ряд отличительных особенностей, характерных для нее. Во-первых, это попытка вписать польский компонент в историю развития ВКЛ. Во-вторых, недооценивание ВКЛ как самостоятельного и независимого государственного объединения, показ развития государственности сквозь призму польских рецепций, которые с точки зрения большинства представителей польской историографии были определяющими.

Источники

Нарративные источники, представляющие интерес для изучения истории образования и развития ВКЛ, а также эволюции роли и функций правителя, достаточно ограничены. Степень полноты и достоверности сведений о ранних этапах его существования, содержащихся в различных летописях, неодинакова и зависит от нескольких факторов. Во-первых, она обусловлена характером нарратива, а также тем, чьи интересы он выражал. Во-вторых, степенью заинтересованности правительства того центра, в котором сложилась хроника или летопись, в литовских делах. В-третьих, редакцией, в которой источник дошел до наших дней, так как на разных этапах истории проблема политогенеза на литовско-белорусских землях приобретала различное значение, выступая и как фактор истории всей Руси, и как отражение тенденций политического развития отдельных ее земель.

К наиболее важным источникам по ранней истории ВКЛ относятся древнерусские летописи, немецкие и польские хроники. Необходимо отметить и собственно белорусско-литовское летописание. Кроме первоисточников, относящихся к XIII–XIV вв., существует большое количество позднейших компиляций, которые представляют определенный интерес для изучения поставленного вопроса, особенно учитывая тот факт, что многие из первоисточников не сохранились до наших дней.

Отдельные сведения о Литве и ее правителях появляются в разнообразных источниках начиная с XIII в., хотя более подробный обзор ранней истории ВКЛ прослеживается только в летописях конца XIV–XVI вв. Хроники и анналы Центральной и Восточной Европы,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

относящиеся к самой Литве, появились только в начале XV в. Самые ценные из них хранились в королевских судах, епископствах, городских учреждениях на территории Руси, Польши, Пруссии – Ливонии. Тем не менее сохранилось значительное число хроник более раннего периода, которые при описании иных государств или политических образований, например Немецкого ордена, касаются исторического развития соседних земель.

Русские летописи

Древнерусская летописная традиция предоставляет исследователю ряд очень важных источников по истории взаимоотношений восточных славян и балтов, процессов политогенеза на землях современной Беларуси и Литвы. Летописи, как ранние, так и более поздние, являются одним из первоочередных источников, по сведениям которых можно проследить эволюцию власти на белорусских землях на первых этапах формирования ВКЛ.

Наиболее ранние известия содержатся в «Повести временных лет», памятниках киевского, галицко-волынского, владимиро-суздальского, новгородского и псковского летописания.

Создававшаяся на протяжении XI века и отредактированная во втором десятилетии XII столетия «Повесть временных лет» стала составляющей частью всех основных ранних летописных сводов – Ипатьевского[1] и Лаврентьевского[2], а также Радзивилловской летописи[3]. Она охватывает период с древнейших времен до 1113–1117 г.[4] и позволяет говорить о достаточно хорошем знании летописцами этнической карты Прибалтики. Это касается в том числе и Литвы, ее составных частей. Текст «Повести» содержит информацию о ранней даннической зависимости литовских племен и ятвягов от Руси. Её известия посвящены походам русских князей на Литву, Ятвягию и Голядь, имевшим место в 983, 1038, 1040, 1044, 1058, 1112, 1113 гг.[5]

[1] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 1–285.

[2] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926–1928. С. 1–291.

[3] Радзивиловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 1–104; Радзивиловская летопись : в 2 т. Факсимильное воспроизведение рукописи. 1994.

[4] Разные редакции «Повести» имеют разную верхнюю хронологическую границу. См.: Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1–2. См. также: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 76–110.

[5] Ипатьевская летопись. Стб. 1–285; Лаврентьевская летопись. С. 82, 153, 155, 285.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Начиная со второго и третьего десятилетий XII века летописание в южных и северных русских землях пошло отдельными путями. В Южной Руси оно представлено в первую очередь «Киевской» и «Галицко-Волынской» летописями, вошедшими в состав «Ипатьевского летописного свода». В Северной Руси это «Суздальская летопись» в составе «Лаврентьевского летописного свода», новгородские и псковские летописи, а также памятники московского летописания.

«Киевская летопись» касается литовской тематики эпизодически, главным образом это упоминание об отдельных конфликтах русских князей с литовцами, как, например в 1159–1161 гг., 1180, 1190 или 1193 гг.[1] Как правило, эти сообщения не выходят за рамки лаконичных упоминаний об организации русских походов в Литву или участии литовцев в распрях Рюриковичей. Современные историки также обращают внимание на то, что в киевском летописании прослеживаются отрывки не дошедшей до нас «Полоцкой летописи». Сюжеты эти связаны с деятельностью Рогволода Всеславича и Володаря Глебовича, участием литовцев в качестве данников и союзников Полоцка в походах и войнах полоцких князей[2]. К началу XIII в. Литва на страницах летописей уже рисуется грозной силой, нападающей на Полоцкую, Черниговскую и Смоленскую земли[3].

Очень важным источником по ранней истории ВКЛ является «Галицко-Волынская летопись», называемая в современной историографии также «Галицко-Волынской хроникой» или «Хроникой Романовичей»[4]. Подробный рассказ в ней доведен до 1292 г.[5] Нарратив содержит важные сведения по истории первых этапов складывания ВКЛ, а также описание политики его первых лидеров. В частности, автору хорошо известны нападения литовских племен на Волынскую землю в конце первого десятилетия XIII века[6], волынско-литовский договор 1219 г. (летописец даже перечисляет по именам литовских

[1] Ипатьевская летопись. Стб. 498, 620, 672, 676–678.

[2] *Темушев С.Н.* Минское княжество и литва в XII – начале XIII в.: интерпретация летописных известий // Мінск і мінчане: 10 стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Соцыяльныя структуры і паўсядзённасць. Мн., 2012. С. 12–36.

[3] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 13–18; *Темушев С.Н.* Минское княжество и литва в XII – начале XIII в. С. 12–36.

[4] Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów); wyd., wstępem i przyp. opatrz. D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. Kraków–Warszawa, 2017.

[5] Там же. С. 639.

[6] Там же. С. 21–22. См. также: Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264. Kraków, 2011. S. 163.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вождей, участвовавших в переговорах)[1], контакты волынских Романовичей с литовцами в 1220-х гг.[2], а также о том, что в 1230-х гг. среди литовских князей лидирующие позиции занял Миндовг[3]. Летопись также содержит детальные сведения о ходе политической борьбы между государством Романовичей, Полоцким княжеством и государственными образованиями Жемойтской земли в 50–60-е гг. XIII в.[4], а также об отношениях волынских правителей с литовскими князьями во второй половине XIII в.[5] Оригинальная информация «Галицко-Волынской летописи» проливает свет не только на отношения русских князей с литовскими племенами, но и на внутриполитическую жизнь в Литве и на условия, в которых происходило формирование ВКЛ.

Владимиро-суздальское летописание представлено «Суздальской летописью», доведенной до 1305 г. и вошедшей в состав «Лаврентьевского летописного свода»[6]. По богатству материала, характеру его изложения владимиро-суздальское летописание значительно уступает галицко-волынскому. Интересующая нас в контексте данного исследования тематика изложена фрагментарно и главным образом сводится до упоминаний военных конфликтов русских князей с литовцами[7]. Тем не менее её информация позволяет прояснить отдельные моменты формирования и раннего этапа существования ВКЛ.

Большую ценность представляет «Радзивилловская летопись»[8]. Известная также под названием «Кёнингсбергская», она была создана предположительно в XV в. в одном из крупных восточнославянских культурных и политических центров и является копией более ранней летописи (вероятнее всего, XIII в.). Нарратив доводит изложение

[1] Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów). S. 71–75. См. также: *Янкаускас В.* Русско-литовский договор 2019 г. и внутриполитические отношения в Литве в первой четверти XIII века // Rus' and Central Europe from 11th to the 14th Century. Publikation after the 5th International Conference, Spišska kapitula, 16th–18th October, 2014. Krakow, 2015. С. 115–122.

[2] Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów). С. 83, 131.

[3] Там же. С. 201; Ипатьевская летопись. С. 610.

[4] Ипатьевская летопись. С. 610–613; Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów). S. 315–316, 320–326, 329–300, 361–362, 383, 387–389, 428–430, 437–439, 442–450. См. также: *Gudavičius E.* Polityczny problem Królestwa Litewskiego w połowie XIII w. // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefe Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Materiały z konferencji historyków radzieckich i polskich w Toruniu z r. 1988; red. M. Biskup. Toruń, 1990. S. 61–84.

[5] Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów). S. 455–456, 468–469, 488–489, 521–523, 541–542, 620–621, 649–651.

[6] Лаврентьевская летопись. С. 292–488; *Муравьева Л.Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. М., 1983. С. 52–83.

[7] Летописец Переяславля Суздальского (летописец русских князей) // ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. 43–44.

[8] Радзивиловская летопись. 1994.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

событий до 1206 г.[1] В их описании летопись практически не подает материала, который отличался бы по содержанию от упомянутых выше источников. Ценность летописи в другом – она содержит более 600 иллюстраций, особенно ценных для нашего исследования (об этом дальше).

Новгородские летописи также содержат ряд ценных сообщений по ранней истории ВКЛ – начиная с эпохи Миндовга и заканчивая правлением Витовта. Наиболее важные из них это «Новгородская I»[2] и «Новгородская IV»[3] летописи. Эта группа источников достаточно полно отражает политические и военные отношения литовских князей с Новгородом, а также Псковом и Полоцком[4].

Важные сведения о взаимоотношениях князей Псковской земли с правителями Великого Княжества Литовского, а также Полоцка и Великого Новгорода содержит «Псковский летописный свод» XIII в., а также более поздние псковские летописи, для которых он является протографом[5].

Существенный интерес представляют летописные источники, созданные в Московской Руси. В первую очередь речь идет о «Московском летописном своде конца XV века»[6]. Он содержит ряд интересных сюжетов, связанных с историей взаимоотношений между Литвой, Русью, Немецким орденом и Золотой Ордой[7].

В первой четверти XVI в. было создано «Сказание о князьях Владимирских», в котором содержатся сведения о происхождении литовских князей. В источнике, вместе со стремлением возвысить правящую московскую династию путем сочинения величественного родословия, прослеживается ярко выраженная тенденция принизить политического противника – династию великих князей литовских. По утверждению автора, великие князья литовские произошли от «Гегиминика» (Гедимина), который был рабом «Витенца» (Витеня) – мелко-

---

[1] Радзивиловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. См. также: *Севальнев А.* О списках Радзивиловской летописи // Ruthenica. Вып. 5. Киев, 2006. С. 128–150; *Никитин А. Л.* О Радзивиловской летописи // Герменевтика древнерусской литературы. Т. 11. М., 2004. С. 526–557; *Толочко А. П.* Как выглядел оригинал Галицко-Волынской летописи? // Rossica antiqua: Исследования и материалы. 2006 / отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб., 2006. С. 180–183.

[2] Новгородская первая летопись // ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1848. С. 1–114; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва-Ленинград, 1950.

[3] Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ, Т. 4. СПб. 1848. С. 1–145.

[4] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 46–58.

[5] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 58–63.

[6] Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. Л., 1949.

[7] Там же.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

го вассала смоленского князя Ростислава Мстиславовича[1]. Вся родословная литовских князей излагается в ее связи с событиями русской истории. Родоначальник литовских князей «Гегиминик» был посажен в западных русских землях правителем для сбора дани. Вместо этого он обогатился и обособился, воспользовавшись тем, что тверской князь был ослаблен и русские земли были разорены татарами. Сын «Гегиминика» Ольгерд впервые назвался князем после того, как тверской князь Михаил Александрович отдал за него замуж сестру свою Ульяну: *«И от того часа наречеся Ольгерд князем по жене своей великой княжне Ульяне»*[2]. Изложение родословия великих князей литовских кончается Сигизмундом. При этом делается вывод о том, что литовские князья обязаны своим княжеским родословием русским князьям, родство с которыми и дало им право называться князьями[3].

В целом же возникновение легенды о низком происхождении Гедимина многие исследователи, например Р.П. Дмитриева, относят к XV в. и связывают с деятельностью Немецкого ордена. Так, по мнению указанного историка, данная легенда могла возникнуть в его среде после Грюнвальдской битвы с целью принизить династию литовских князей[4].

Таким образом, древнерусское летописание хоть и содержит ценную информацию, касающуюся генезиса ВКЛ и процесса институционализации власти его первых монархов, отличается неоднородностью. Ко многим свойствам и оценкам летописцев нужно подходить с осторожностью. Вместе с тем для XIII в. русские летописи являются ключевым источником для изучения ранних этапов развития государственности в ВКЛ.

Белорусско-литовское летописание

Невозможно рассмотреть процесс политогенеза на литовско-белорусских землях в период формирования ВКЛ без изучения собственно белорусско-литовского летописания. Тем не менее, стоит учитывать, что оно представляет собой сложный феномен. Так, содержание и методика изложения событий в данных летописях берет свое начало в древнерусской традиции. Очевидна, например, прямая преемственность «Супрасльского» и «Никифоровского» списков и «Повести временных лет». В то же время разница между «Избранным летописани-

[1] *Щапов Я. Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 324.
[2] Там же. С. 86.
[3] *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі. С. 173.
[4] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М.–Л., 1955. С. 88.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ем, изданным коротко» и «Повестью» очевидна. Особое внимание в позднейших летописях уделялось княжеским междоусобицам и политике отдельных правителей. Авторы белорусско-литовских летописей пытались установить связь между киевским государством Рюриковичей, становлением Великого Княжества Московского и Великого Княжества Литовского, Руского и Жемойтского[1].

Ценным источником, содержащим данные по изучаемой проблеме, является «Летописец русских царей» (известный также под названием «Летописец Переяславля Суздальского») последней четверти XIV – начала XV в.[2] Несмотря на то что в историографии его обычно относят к памятникам русского летописания, он отражает самосознание и восприятие государства нашими предками, а не жителями Московской Руси, а поэтому его логично отнести к памятникам именно белорусско-литовского летописания. Для данного труда характерна острая полемика против латинников, подчеркивание большой разницы и древности государственной традиции русских земель ВКЛ по сравнению с литовскими. Автор источника указывает на вечную зависимость литовских племен от Руси. Главной его целью было подчеркнуть извечный более высокий государственный статус русских земель, которые вошли в ВКЛ, по сравнению с этнической Литвой.

Необходимо подчеркнуть, что этот памятник был хорошо известен в то время на белорусских землях. В первую очередь это касается «Архивного извода», в котором были помещены церковные уставы, в том числе «Устав князя Владимира». Он отличается рядом индивидуальных чтений. Таковы указания на соотношение денежных единиц Руси и единиц ВКЛ XIV–XV вв., а также сужение судебных прав епископа в пользу князя. Текст был помещен в «Никифоровском сборнике», который являлся собственностью минского Свято-Духова монастыря и был вывезен оттуда в Россию или в середине XVII в., или в начале XVIII в.[3]

---

[1] *Капыскі З. Ю.* Беларуска-літоўскія летапісы XV–XVI стст. як помнікі гістарычнай думкі // Весці АН БССР. 1986. № 4. С. 80–84.

[2] *Оболенский К. М.* Летописец Переяславо-Суздальский. М., 1851. С. 9; Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35.

[3] Я.Н. Щапов весьма однозначно высказался в отношении этого памятника, считая его не чем иным, как белорусским памятником: «Подобно Русской Правде, устав включается в состав летописных сводов как памятник того времени, о котором идет рассказ. В летописце русских царей – белорусском своде XV в. устав дается в виде завещания князя Владимира». См.: Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 11; *Марзалюк І. А.* Прыпіскі на старонках «Летописца русских царей» Нікіфараўскага зборніка як крыніца па гістарычнай самасвядомасці мінчан XVI–XVII стст. // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі : (да 940-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. Мн., 2008. С. 108.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Одним из важнейших источников по исследуемой проблематике является «Белорусско-литовская летопись 1446 г.» – компиляция, созданная на основе «Смоленской хроники», «Похвалы Витовту», продолжения «Летописца Великих князей Литовских» и дополненная короткими записями про события 1432–1445 гг.[1] В этой летописи отображены исторические взгляды православного русского нобилитета ВКЛ. Согласно их теории Русь представляла собой первичную форму государственности русинов ВКЛ. А Вильно, по мнению летописца, только переняло киевские традиции. Соответственно, ВКЛ представляется как легитимный правопреемник Руси. Необходимо отметить, что в данной летописи ничего не было сказано про первоначальный генезис ВКЛ и про завоевания литовских князей на территории современной Беларуси, а все события были выстроены в рамках формирования единого политического литовско-русинского народа[2]. Впоследствии именно эта концепция была положена в основу официальной белорусской историографии.

Среди источников XVI в., описывающих события из истории Великого Княжества Литовского и касающихся исследуемой проблемы, можно выделить «Летопись Рачинского»[3]. По сути, весь текст летописи был посвящен рассказу о действиях великих князей литовских. Главное внимание было уделено войнам, которые вели правители, а также междоусобной борьбе за великокняжеский престол. Интересно, что при рассказе о правителях ВКЛ автор попытался найти ответ на вопрос, каким образом наследники легендарного Палемона расширили свое влияние на Русь с ее давними традициями княжеской власти. Согласно созданной им версии Батый уничтожил всех князей на Руси, сжег и опустошил ее столицу Киев. Монтвил, который княжил в то время, узнав о том, что в государстве нет правителя, сам прибыл в Друцкую землю, а своего сына послал к Неману и за Неман. Сын построил Новогрудок и стал князем. Так же мирно утвердил свою власть великий князь литовский над ятвягами[4].

Для противостояния и московской, и польской концепциям исторической традиции ВКЛ на рубеже XV–XVI вв. была создана легендарная часть «Второго белорусско-литовского свода», в котором был

[1] ПСРЛ. М., 1980. Т. 35; *Чамярыцкі В.* Беларуска-літоўскі летапіс // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Мн., 1984. Т. 1. С. 335.

[2] Супрасльская Летопись // ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 61–67.

[3] Летопись Рачинского // ПСРЛ. Т. 35. М., 1980.

[4] *Капыскі З. Ю.* Беларуска-літоўскія летапісы XV–XVI стст. як помнікі гістарычнай думкі. С. 85–86.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

трансформирован миф о римском происхождении литовцев, а также подчеркнут более высокий статус литовских монархов и нобилей по сравнению с польской аристократией[1].

К данному типу летописания относится и «Хроника Быховца», или «Третий белорусско-литовский свод», написанная в середине XVI в.[2] Очевидно, что авторы этого свода пользовались сведениями из более ранних источников. И хотя имеются нестыковки в изложении некоторых событий, а ряд исследователей считают «Хронику» фальсификацией Т. Нарбута[3], она дает представление о настроениях, имевших место в общественной мысли того времени. Процесс включения земель в состав формирующегося государства ВКЛ здесь рассматривается не как добровольное явление, но основанное на силе принуждения. Вместе с тем отмечается важная роль Руси в военных успехах великих князей литовских[4]. Вступление в гербовые союзы характеризовалось хронистом не как процесс нобилитации литовской знати польской шляхтой, а как добровольное действие, направленное на укрепление союза между Литвой и Польской Короной. При этом автор противопоставлял образ легитимного правителя Литвы собирательному образу поляков. А призыв ими Ягайлы на престол у создателя хроники выступал как вынужденный шаг, обусловленный военными успехами Литвы в борьбе против соседей[5].

В целом в белорусско-литовских летописях, созданных в XVI в. и рассказывающих про походы великих князей литовских, большое значение придавалось обоснованию легитимности правления литовской династии над восточнославянскими землями княжества, а соответственно, и интересам православной знати государства, составляющей часть политического народа ВКЛ. В легендарной части хроник подчеркивалось, что присоединение территорий современной Беларуси осуществлялось мирным путем. Литовская династия пришла на эти земли после опустошения их монголами и выступала не как завоевательница, а как освободительница. Все летописи подчеркивали, что великие князья литовские завладели белорусскими землями, не встре-

[1] *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі. С. 176–177.

[2] Хроника Быховца / ред. М.Н. Тихомиров, ком. и пер. Н. Н. Улащик. М., 1966; Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. 32. М., 1975.

[3] *Ючас М. А.* Хроника Быховца // Летописи и хроники. М., 1974. С. 220–231.

[4] *Капыскі З. Ю.* Беларуска-літоўскія летапісы XV–XVI стст. як помнікі гістарычнай думкі. С. 87.

[5] *Марзалюк И. А.* Великое княжество Литовское в исторической памяти белорусов-русинов: от средневековья к модерну // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 487.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тив никакого отпора со стороны местного населения и даже с его поддержкой[1].

При этом особенно тщательно летописцами проводится идея о Гедимине как родоначальнике правящей династии Гедиминовичей, а также о легитимном характере его правления. Эта тенденция начинается с «Волынской краткой летописи», созданной предположительно в начале XVI в., в которой прослеживается четко выраженное обращение к нему как к основателю династии, несмотря на то что политика самого Гедимина практически не освящается[2]. Значительно же внимание к данному вопросу усиливается с конца XVI в. Если в «Летописце Великого княжества Литовского и Жемойтского», размещенного в «Летописи Красинского», содержится запись[3], аналогичная информации «Супрасльской летописи»[4], то уже в «Летописи Рачинского» внимание к Гедимину значительно расширено. В ней о великом князе говорится не только как о родоначальнике династии, но и о великом дипломате и правителе, законно сидящем на престоле, проводящем активную и успешную политику[5]. Кроме того, именно в этом своде содержатся записи о его успешной военной политике, часть из которых носит явно легендарный и гларификационный характер – победах над Немецким орденом, взятии Владимира и изгнании князя Станислава из Киева, а также об основании Гедимином Трок и Вильно[6].

Такая же позиция была характерна для «Третьего белорусско-литовского свода»[7]. Очевидно, что для летописцев, творивших на территории ВКЛ в это время, было необходимым подчеркнуть легитимность статуса родоначальника династии правителей, а также показать его достойным властителем своего народа. Нельзя не принимать во внимание идеологическое противостояние белорусско-литовской наррации «Третьего свода» московской и польской концепциям, подчеркивавшим худородность и зависимость властелинов Литвы от «Москвы» и «Короны».

Таким образом, белорусско-литовское летописание XVI в. было нацелено на противостояние польским и московским претензиям на историческое наследие ВКЛ и доказательство легитимности литовского начала в этом государстве.

[1] *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі. С. 178.
[2] Волынская краткая летопись // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 120.
[3] Летопись Красинского // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 132–133.
[4] Там же.
[5] Летопись Рачинского // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 151.
[6] Летопись Археологического общества // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 96–97.
[7] Румянцевская летопись // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 199–200.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Польские хроники

Своя концепция для обоснования претензий на земли ВКЛ возникла в Короне Польской.

Уже в XIV в. появляется «Великая хроника», дошедшая до нас в списках XV в. и объединившая в себе «Великопольскую хронику», «Хронику Янка з Чарнкова», многочисленные анналы, календари и др. Все материалы были объединены общим заглавием «Великая или пространная хроника поляков или лехитов» («Chronica magna seu longa polonorum seu lechitarum») и написаны на латинском языке. Хроника содержит достаточное количество сведений по истории своего соседа – Литвы, о ее взаимоотношениях с Польшей и Русью, а также о ее первых правителях[1]. В источнике указывается, что к середине XIII в. «племена жемайтов, аукшайтов и литвинов» были объединены в государство, во главе которого стал один из старейших князей Миндовг. Причем автор хроники называет великого литовского князя «королем», используя западноевропейскую терминологию[2]. Под пером хрониста основной причиной отказа Миндовга от католичества представляется агрессия крестоносцев, которые мечтали уничтожить новое государство и поработить Литву[3]. Хроника является одним из немногих нарративных памятников, свидетельствующих о крестовом походе 1261 г. против Литвы и ответе Миндовга в форме грандиозного нападения на Мазовию, Хелминскую землю, Пруссию (Померанию)[4].

Одним из первых вдохновителей обоснования претензий Короны на земли ВКЛ считают Яна Длугоша, создавшего «Анналы или хроники славного Польского королевства» («Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae»), состоявшие из 12 книг[5]. Именно в них получила оформление своеобразная «имперская» идеология, начало которой в польской исторической традиции положил Винцентий Кадлубек[6].

---

[1] «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / сост.: Л. М. Попова, Н. И. Щавелева ; под ред. В. Л. Янина. М., 1987. С. 43.

[2] Там же. С. 43.

[3] Там же. С. 186.

[4] Там же. С. 44.

[5] Латинское издание: *Ioannis Dlugossii* Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Lib. 1–12. Varsaviae, 1964–2005. Польский перевод: Jana Długosza Roczniki, czyli Kroniki Sławnego Królestwa Polskiego, ks. 1–12. Warszawa, 1961–2006. Русский перевод отдельных фрагментов: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). Текст, перевод, комментарий, под ред. и с допол. А. В. Назаренко. М., 2004.

[6] *Ходзін С. М.* Крыніцы гісторыі Беларусі. Мн., 1999. С. 17. В рамках данного исследования – Кн. 7–8, 1975. Кн. 9, 1978. Кн. 10–11, 1997.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

В своей работе Я. Длугош дал обоснование закономерности присоединения южнорусских земель к Польскому королевству[1].

Примечательным явилось то, что, помимо польской истории, автор считал необходимым касаться и характеристики развития других государств, в частности, Литвы. К числу его источников принадлежали литовские летописи, прусские, польские хроники и другие материалы[2]. Хронист активно использовал и русские летописи[3]. В этой же работе упоминалась легенда, по которой литовцы – народ латинского происхождения, который покинул Апеннинский полуостров во время гражданских войн в I в. до н.э. Руководил этим переселением князь Вилий, в честь которого и была названа столица – Вильно. Новую родину стали называть «Litalia» – «Литалия», которая позже трансформировалась в слово «Литва»[4]. Русские, и прежде всего киевские князья, обеспокоенные продвижением литовцев, *«принудили литовцев платить дань, однако жалкую и скромную, только в знак своей власти и господства; и литовцы платили много лет дань корой дубовых ветвей, ибо нельзя было взимать с них большего, вследствие бесплодия земли»*[5]. Эта легенда появилась во времена отстаивания ВКЛ своих прав на самостоятельность и была направлена против его балтизации. Я. Длугош писал, что предки литовцев, которые вышли из Италии, поселились на землях, принадлежавших русским князьям, и жили тысячу лет под их властью. Таким образом, раз русские – часть народа польского, то, значит, литовцы жили на польских землях. На работы Яна Длугоша опирались многие поколения хронистов и историков не только на белорусско-литовских землях, но и в Западной Европе.

Важнейшим источником по истории ВКЛ является труд Матея Стрыйковского «Хроника литовская, польская, жмудская и всея Руси», над которой он работал почти всю жизнь[6]. Тем не менее многие сведения, приведенные в хронике, имеют противоречивый характер. Если Я. Длугош, на работу которого опирался М. Стрыйковский, в основном использовал польские источники и в меньшей степени русские, то последний намного расширил свою источниковедческую

[1] *Длугош Я.* История Польши / под ред. Г. А. Стратановского, Б. В. Казанского, Л. В. Разумовской. М., 1962. С. 10.

[2] *Барбашев А. И.* Летописные источники для истории Литвы в средние века. С. 22–23.

[3] *Лимонов Ю. А.* Ян Длугош и русские летописи // Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках. Л., 1978. С. 6–96; *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). С. 40–52.

[4] Там же.

[5] *Длугош Я.* История Польши. С. 13–14.

[6] *Семянчук А.* Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. Гродна, 2000. С. 69–70.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

базу. Помимо известных источников, а также предполагаемых, были и те, что были связаны с фольклорными мотивами, а значит, не могут быть подтверждены. Он объединял идеи, заложенные в легенде о происхождении литовцев от римлян, с мыслью о культурном единстве балтов, проводил мысль об этническом единообразии ВКЛ, вместе с тем не отрицая национального дуализма этого государства. Хронист подчеркивал, что литовская государственность выросла из русской. М. Стрыйковский четко сформулировал мысль о том, что современное ему ВКЛ должно основываться на гармоничном сосуществовании литовцев и русинов, которое проистекает из исторических традиций[1]. В своем труде он делал акцент на большой древности восточнославянской государственной традиции, отмечал многочисленные победы восточнославянских князей над своими соседями – балтами[2].

Важным источником, созданным в XVI в. и характеризующим раннюю историю ВКЛ, явилась хроника польского историка Мартина Кромера под названием «О происхождении и деяниях поляков в 30 книгах» («De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX»).

MARTINI CROMERI
DE ORIGINE ET REBVS GESTIS PO-
LONORVM LIBRI XXX. TERTIVM AB AVTHORE
diligenter recogniti.
Funebris eiusdem autoris Oratio, SIGISMVNDI Regis uitam
compendiose complexa, & aliquoties
iam prius edita.
Accessit indicium Francisci Robertelli Vtinensis, de
authore & libro.
Cum gratia & priuilegio Cæs. Maiest. ad decem, & Regis
Galliarum ad nouem annos.
BASILEÆ. EX OFFICINÆ
Operinianæ. 1568.

Титульный лист «Хроники…» Мартина Кромера. Базель, 1568. *Библиотека Тюбингенского университета. Фото автора*

Несмотря на то что главное внимание автора было приковано к истории польского народа, в ней можно найди ценные сведения о политическом и социальном развитии его соседей, в частности ВКЛ. В отношении Литвы автор часто ссылается на Яна Длугоша, чей труд ему, как и другим хронистам того времени был хорошо известен, а также на ряд других источников (например, на «Хронику Венгрии» и др.). Сведений о начальном этапе развития ВКЛ не очень много, но они характеризуются определенной информативностью, в част-

[1] *Stryjkowski M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. 1. S. 19.

[2] Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час / уклад. В. А. Варонін. Смаленск, 2013. С. 548.

Электронный библиотека МГУ имени А.А. Кулешова

ности в плане изучения вопроса эволюции власти и политики первых правителей складывающегося государства. До середины XIII в. автор часто упоминает Литву в связке с Русью («Rusi&Lituani»), наверняка подчеркивая тесное взаимодействие литовских князей с соседними князьями Руси, в частности с правителями Полоцкого княжества[1]. Но уже со времен княжения Миндовга соседние земли представляются самостоятельной и достаточно сильной политией, чьи правители носят королевский титул. Кроме того, особое внимание уделяется событиям, связанным с христианизацией Литвы, например, коронацией и принятием христианства Миндовгом[2], обращением Гедимина к Папе Римскому с приглашением христианских миссий и др.[3]

SARMATIAE
EVROPEÆ DESCRIPTIO, QVAE REGNVM POLONIAE, LITVANIAM, SAMOGITIAM, RVSSIAM, MASSOVIAM, PRVSSIAM, POMERANIAM, LIVONIAM, ET MOSCHOVIAM, TARTARIAMQVE partem complectitur.
ALEXANDRI GVAGNINI Veronensis, Equitis Aurati, peditumque praefecti.
SPIRÆ.
CVM PRIVILEGIO IMPER. ET REGIS GALL.
LIPSI BERNARDVM ALBINVM.
M. D. LXXXI.

Титульный лист «Опыта описания Европейской Сарматии» Александра Гваньини.
Библиотека Тюбингенского университета. Фото автора

Схожую по своему характеру информацию можно найти в другом произведении того времени – «Хронике Польской» («Kronika Polska») Мартина Бельского[4].

В то же время появляется первое произведение по истории ВКЛ, предназначенное именно для западноевропейского читателя, – «Описание Европейской Сарматии» («Sarmatiae Europeae descriptio»), созданное на латинском языке в первой половине 1570-х гг. итальянцем, находившимся на службе при Польском королевском дворе – Александром Гваньини.

Автор описал Московскую Русь, Польшу, Литву, Ливонию и другие земли. Для написания произведения были использованы различные источники, в том числе белорусско-литовские, а также материалы,

[1] *Cromeri M.* De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basel, 1568.
[2] Там же. S. 154.
[3] Там же. S. 189.
[4] Kronika polska Marcina Bielskiego. T. 1. Sanok, 1856.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

собранные М. Стрыйковским, служившим под началом А. Гваньини. Впервые работа была опубликована в 1578 г. в Кракове, затем в 1581 г. в Спире (Германия) и уже в 1583 г. в Италии на итальянском языке. На украинских и белорусских землях она была известна краковским изданием 1611 г. на польском языке. В первой половине XVII в. работа была переведена на белорусский язык и позднее послужила источником для украинских и белорусских хроник и хронографов XVII–XVIII вв.[1]

Несмотря на то что значительная часть сведений, представленных Гваньини в отношении правителей складывающегося ВКЛ, носит скорее легендарный характер, большой интерес представляют иллюстрации, используемые автором для передачи образа того или иного правителя.

Одновременно с произведением А. Гваньини появилась «Хроника литовская, польская, жмудская и всея Руси» («Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystskiej Rusi») Матея Стрыйковского[2], предназначенная в первую очередь для польскоязычных читателей. В числе своих источников польский автор называл русские и литовские летописи. Помимо летописей Даниловича или Попова и «Хроники Быховца», М. Стрыйковский часто упоминал две «Летописи Ходкевича», главным предметом рассказа которых было княжение Миндовга[3]. Правда, существует мнение об их возможной тождественности с «Галицко-Волынской летописью», которая также подробно описывает княжение Миндовга[4].

Таким образом, для польских хроник XV–XVI вв. была характерна ярко выраженная политическая направленность и стремление обосновать присоединение белорусских, украинских и литовских земель к Короне Польской. Отдельное внимание хронистами уделялось процессу христианизации языческой Литвы, а также политике ее правителей на первых этапах государствообразования. Польские хроники ценны тем, что зачастую при их создании авторы опирались на тексты, хранившиеся на территории Короны и не дошедшие до наших дней, а значит, они содержат уникальную информацию, касающуюся ранних этапов политогенеза на территории ВКЛ.

---

[1] *Guagnini A.* Sarmatiae Europeae descriptio, quae Regnum Poloniae, Litvaniam, Samogitiam, Rvssiam, Massoviam, Prvssiam, Pomeraniam, Livoniam, et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. Spirae, 1581.

[2] *Stryjkowski M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystskiej Rusi. T. 1. Warszawa, 1846.

[3] *Барбашев А. И.* Летописные источники для истории Литвы в средние века. С. 3.

[4] Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów). 2017. С. 275, 315, 321.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Немецкие хроники

Для хроник, созданных на территории Немецкого ордена характерна особая тщательность при работе с деталями, обращение к редким документам, в том числе и дипломатическим, а также к более ранним нарративным источникам, многие из которых не дошли до наших дней. Их изучение является особенно актуальным в процессе исследования ранней истории ВКЛ, так как немецкие хронисты в своих повествованиях касались не только истории развития Ордена или событий, происходивших на его территориях, но и описывали основные вехи исторического развития соседних земель, в частности, белорусско-литовских.

Наиболее ранним из таких источников является «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского («Heinrici Cronicon Lyvoniae»), созданная предположительно в первой трети XIII в. христианским миссионером и описывающая события с 1180 по 1227 г. Несмотря на то что данная хроника не сохранилась до наших дней в оригинале и дошла в нескольких более поздних списках, она представляет огромный интерес для изучения предпосылок складывания ВКЛ, для анализа взаимоотношений Литвы и ее соседей, а также эволюции власти, происходившей накануне образования нового государства. Полный перевод источника на русский язык был осуществлен Е.В. Чешихиным-Ветринским в середине XIX в.[1] Текст с комментариями издавался также А.И. Цепковым в 1996 г.[2] «Хроника» состоит из четырех книг, из которых особого внимания заслуживают третья и четвертая, так как они содержат непосредственную информацию о первых правителях Литвы. Интересно, что Миндовг является не первым значимым вождем, названным автором хроники. Так, под 1209 г. впервые упоминается Даугерутэ, на дочери которого был женат король Герцике Всеволод. Очевидно, что такого упоминания был достоин не просто представитель знати складывающейся политии. Кроме того, факт родства с достаточно сильным соседом может также говорить о его принадлежности именно к властной, правящей структуре. Более того, именно он в 1213 г. заключил союз с новгородским «королем» (именно такой титул правителя Новгорода упоминается в хронике), что может служить

[1] *Чешихин-Ветринский Е. В.* Хроника Ливонии Генриха Латвийского // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876. Т. 1. С. 65–285.

[2] *Латвийский Г.* Хроника Ливонии // Славянские хроники. Походы, битвы, знать Древней Руси до 1240 года / сост. А. И. Цепков. СПб., 1996. С. 196–321.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

дополнительным доказательством высокого авторитета Даугерутэ в обществе. И несмотря на то, что привычного для нас титула князя или правителя в хронике нет, можно предположить, что он являлся одним из старших князей, управлявших существовавшим в то время политическим образованием. Разумеется, говорить о нем как о могущественном правителе Литвы преждевременно. Тем не менее данное упоминание хрониста свидетельствует о плавной эволюции власти в складывающемся государстве, а также отсутствии резкого скачка или перехода от управления политии съездом вождей или князей к единоличному правлению Миндовга. Очевидно, что и в предыдущий период времени в среде данных князей выделялись сильные правители, способные взять контроль над территориями и обществом хотя бы на какое-то время, а также признаваемые, что немаловажно, своими западноевропейскими соседями (пусть и враждебно настроенными) именно как правители[1].

Одним из самых известных источников, упоминающих о первых правителях ВКЛ, является «Ливонская рифмованная хроника» («Livlandische Reimchronik»), написанная в конце XIII в. И хотя полного перевода хроники на русский язык нет, отрывки из произведения были изданы В.И. Матузовой[2]. Кроме того, в 1977 г. вышло англоязычное издание полного текста летописи с комментариями американского исследователя Джерри Смита (Jerry C. Smith)[3]. Данное исследование проводилось с использованием немецкого издания 1844 г. Франца Пфайфера[4]. Хроника дает описание событий, происходящих на литовских землях в первой половине XIII в., а также уделяет довольно пристальное внимание личности Миндовга. Кроме того, она содержит интересные сведения о военных конфликтах, имевших место на приграничных территориях. Источник интересен также тем, что, в отличие от некоторых других европейских нарративов, касающихся XIII в. и упоминающих в основном Миндовга как первого литовского короля, он дает характеристику сложной внутриполитической обстановке, сложившейся накануне и после его убийства и описывает политику, проводимую его последователями[5]. В целом она

[1] *Lettus Henricus* Livländische Chronik // Scriptores rerum Livonicarum / ed. A. Hansen. Riga – Leipzig, 1853. – S. 113–115.

[2] *Матузова В. И.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. : тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

[3] *Smith J. C.* Livonian rhymed chronicle. Indiana, 1977.

[4] Livländische Reimchronik / ed. by Franz Pfeiffer. Stuttgart, 1844.

[5] Там же. S. 172–178.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

дает характеристику событий до конца XIII в. Хронист, являвшийся современником многих важных для ранней истории ВКЛ событий и правителей, придавал особое внимание деталям, касающимся политической и военной истории. Не случайно именно данный источник использовали в последующем многие более поздние хронисты и исследователи в своих работах, касающихся не только истории Немецкого ордена, но и соседних земель, в частности польских и литовских.

Еще одним важным источником является «Хроника земли Прусской» («Cronica terrae Prussiae») Петра из Дусбурга (Peter von Dusburg), написанная в 1326 г. на латинском языке. В ней не только был отражен процесс оседания немецких рыцарей в Пруссии и дано оправдание их экспансии, но и затрагивалась история соседних государств, в частности Великого Княжества Литовского, а также политика его первых правителей[1]. «Хроника» была издана в XIX в. в сборнике «Scriptores rerum Prussicarum»[2]. Кроме того, в 1997 г. появилось ее русскоязычное издание «Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской» в переводе В.И. Матузовой[3], в 2004 г. польское издание С. Вышомирского[4].

Гравюра из «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга. Издание 1679 г.
Библиотека Тюбингенского университета. Фото автора

Автор хроники, доводящей события до 1326 г., разделяет ее на четыре смысловые части, наиболее важной из которых в контексте данного исследования является третья. В ней дается описание политики, в том числе и внешней, Немецкого ордена. Что является еще более важным в процессе изучения институционализации власти первых правителей ВКЛ, так это то, что

[1] *Dusburg Petri* Chronicon terrae Prussiae, in quo Ordinis Teutonici Origo, nec non Resab ejusdem Ordinis Magiftris ab An. MCCXXVI. usque An. MCCCXXVI. Francofurti, Lipsiae, 1679.

[2] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae // Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. B. 1.

[3] *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской / под ред. В. И. Матузовой. М., 1997.

[4] *Piotr z Dusburga* Kronika ziemi pruskiej / wyd. S. Wyszomirski. Toruń, 2004.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

данный источник считается практически единственным достоверным упоминанием великого князя Пукувера Букидита, являвшегося, вероятнее всего, отцом Витеня и, по мнению ряда исследователей Гедимина. Ценность источника обусловливается также доступом ее автора, служившего официальным хронистом, к архиву великого магистра в Мариенбурге, а значит, способного оперировать редчайшими документами того времени. Правда, «Хроника» не лишена ошибок, в том числе хронологических и фактологических, о чем упоминал и сам автор и что подчеркивали некоторые позднейшие исследователи[1]. Тем не менее важные материалы, которыми пользовался хронист в процессе ее написания, а также внимание к деталям делает данный источник в глазах исследователя ранней истории ВКЛ бесценным.

Первым издателем «Хроники» явился прусский хронист Христоф Харткнох (Christoph Hartknoch), дополнивший ее своими комментариями, сносками к трудам Матея Стрыйковского и Альберта Виюк-Кояловича и опубликовавший книгу в 1679 г. А значит, изучение данного издания отражает не только идеи немецких хронистов XIV в., но знакомит нас с исторической мыслью более позднего периода. Правда, события, касающиеся литовских земель до середины XIII в., описываются Петром из Дусбурга довольно скудно. Первым значительным упоминанием является запись, относящаяся к 1260 г. в связи с именем Миндовга[2]. Зато гораздо больше внимания уделяется последующим событиям. Правда, это скорее отдельные упоминания, которые тем не менее могут быть очень важны в анализе представлений о правителях того времени.

Примечательно, что до XIV в. правители Литвы зачастую упоминаются хронистом без имени, а как, например, «Rex Lethovvinorum» с привязкой к конкретному событию или дате, по которой можно сделать вывод о его принадлежности. Но уже начиная с Витеня Петр из Дусбурга уделяет больше внимания литовским монархам и их политике, что, несомненно, может говорить об усилении их влияния и консолидировании государства. А Гедимина хронист называет королем Литвы и довольно часто упоминает проводимую им политику[3].

На труд Петра из Дусбурга опирались многие немецкие историки последующих столетий. Ссылки на его «Хронику» можно найти,

[1] *Dusburg Petri* Chronicon Prussiae. S. 20.
[2] Там же. S. 186.
[3] Там же. S. 386, 387, 406; *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 386, 387, 406.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

например, в обширном труде («Chronik oder älteste Livländische Geschichte») лифляндского историка конца XVI – начала XVII в. Морица Брандиса[1]. А в 1592 г. в Цербсте вышел многотомный труд Каспара Шютца (Caspar Shutz) «Historia Rerum Prussicarum», в котором исследователь отобразил историю Пруссии до 1525 г., уделив достаточно пристальное внимание соседним землям и государствам. Помимо работы Петра из Дусбурга, создатель привлекал труд Яна Длугоша, а также немецкие хроники и дипломатические документы. Несмотря на яркую политическую направленность работы, она представляет определенный интерес с точки зрения отражения ранней истории ВКЛ в европейских, и в частности немецких, источниках, а также в плане изучения международной политики первых правителей государства. Первые упоминания о складывающейся государственности в ВКЛ относятся к 1247 г. в связи с именем Миндовга, который называется «fürsten»[2]. Но уже после коронации Миндовга и принятия им христианства Литве уделяется гораздо больше внимания, а ее правитель уже именуется королем[3]. Необходимо отметить, что в «Хронике» особо пристальное внимание уделено ВКЛ именно в период княжения Миндовга, хотя и последующие правители упоминаются Каспаром Шютцом в связи с наиболее важными политическими событиями.

Ряд вопросов вызывает датировка событий, а также их связь с определенными историческими фигурами. Тем не менее хроника является ценнейшим источником по ранней истории ВКЛ, а также позволяет проследить развитие отношений западноевропейских государств с великими князьями литовскими в контексте европейской международной политики[4].

Ценным, но, к сожалению, практически неизвестным в отечественной историографии источником, является «Старшая Оливская хроника» («Die alteste Chronik von Oliva»), написанная на латинском языке предположительно в середине XIV в. на территории Оливского монастыря на землях Немецкого ордена и охватывающая события с 1190 по 1350 г. Главное внимание авторы уделяли истории Немецкого

[1] *Brandis M.* Chronik oder älteste Livländische Geschichte // Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsatzen, welche zur Erlauterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland`s dienen / ed. by C. J. A. Paucker . Riga–Leipzig, 1840.

[2] *Schütz C.* Historia Rerum Prussicarum. Zerbst, 1592. S. 27.

[3] Там же. S. 35.

[4] Там же. S. 35–54.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ордена в Пруссии, но касались, как и многие их последователи, истории соседних земель. Первое упоминание о литовцах относится примерно к 1236 г. в связи с убийством ими брата Фольквина[1].

Но вот Миндовга автор «Хроники» не упоминает вовсе, что, в общем, не характерно для источников подобного толка, которые, как правило, выделяли его как первого значимого литовского правителя, короля, принявшего христианство и короновавшегося по западному образцу. Здесь же первым правителем Литвы, выделенным хронистом, является Витень, упомянутый после 1310 г. в связи с походом на Пруссию[2]. Нет также упоминаний о Гедимине, что является еще одной интересной характеристикой орденских хроник, создатели которых, судя по всему, неоднозначно относились к данному политическому деятелю и предпочитали умалчивать даже факт его существования. Следующее упоминание о Литве относится лишь к 1345 г. в связи с объединенным походом рыцарей на литовские земли[3]. Особое же внимание правителям Литвы «Старшая Оливская хроника» начинает уделять только с 1347 г., упоминая короля Литвы Ольгерда и его брата Кейстута в связи с очередными военными событиями[4].

Несмотря на отсутствие упоминаний о некоторых правителях ВКЛ середины XIII – середины XIV в. или лишь косвенные ссылки на них и их внешнеполитическую деятельность, «Старшая Оливская хроника» является одним из важнейших источников по ранней истории складывающегося государства.

Еще одним немаловажным источником для изучения данной проблематики является труд под названием «Хроника Ливонии» («Chronicon Livoniae»), написанный вестфальским священником, членом Немецкого ордена Германом из Вартберга (Hermann von Wartberge) во второй половине XIV в. Автор, неоднократно участвовавший в походах в качестве клирика против язычников на захваченных Орденом землях, а также, возможно, принимавший участие в дипломатических миссиях на территории ВКЛ в конце XIV в., несомненно, хорошо знал земли, о которых писал. Сведения, пусть и сжатые, достаточно информативны. При описании событий предшествующего его жиз-

[1] Die Chroniken von Oliva und Bruchstucke aelterer Chroniken. Die aeltere Chronik von Oliva nach der neuaufgefundenen v. Pawlikowskischen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig, 1874. B. 5. S. 599.

[2] Там же. S. 606.

[3] Там же. S. 615.

[4] Там же. S. 617.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

ни периода Герман из Вартберга использовал материалы «Хроники» Генриха Латвийского, «Ливонской рифмованной хроники» и других, а само повествование начал с 1143 г. и довел до 1378 г. Первые сведения о Литве относятся к коронации Миндовга, которые характеризуются автором как важное событие, подарившее Литве короля[1]. Кроме того, достаточно пристальное внимание уделяется теме христианизации, что обусловлено, несомненно, принадлежностью автора к самому Ордену. Автор неоднократно упоминает «языческих» соседей, необходимость отречения от языческих божеств, в частности Перуна, в пользу святой Марии и христианства[2]. Разумеется, следует относиться весьма скептически к рассуждениям священника о «правых» и «плохих» деяниях соседей. Тем не менее, хроника дает представление о мировоззрении соседей ВКЛ периода времени, приближенного к рассматриваемому, а также позволяет составить картину внешнеполитической обстановки, в которой проходил первый этап существования ВКЛ, роль первых правителей в его укреплении, а также их признание и отношение с соседними государствами, в том числе с Немецким орденом.

В контексте изучения вопроса об институционализации власти в складывающемся ВКЛ необходимо отметить написанную в конце XIV – начале XV в. в рифмованной форме на средневерхненемецком языке «Новую прусскую хронику» («Chronica nova Pruthenica») Виганда из Марбурга (Wigands von Marburg). Ряд исследователей склоняется к мнению о том, что она могла быть написана в 1394 г. в Кёнингсберге[3]. Не дошедшая до наших дней в оригинале, она сохранилась в латинском переводе, созданном по просьбе Яна Длугоша в XV в. Сам перевод был найден в 1821 г. К. Лукасом в библиотеке монастыря бернардинцев в Торуни и впервые издан немецким историком Иоганном Войгтом и польским меценатом графом Эдвардом Рачинским в 1842 г. в Познани на латинском языке[4]. Несмотря на то что до сих пор ведутся споры о происхождении автора «Хроники» и его настоящем имени, абсолютно очевидна принадлежность хрониста к немецкой исторической традиции.

[1] *Hermann de Wartberge* Die Chronicon Livoniae // Scriptores rerum Prussicarum / ed. by Ernst Strehlke. Leipzig, 1863. S. 38–42.

[2] Там же. S. 45.

[3] *Виганд из Марбурга*. Новая прусская хроника (1394) / ред. И.А. Настенко, ком. Н.Н. Малишевский. М., 2014. С. 5.

[4] Там же. С. 5.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Автор, описывающий события из истории Ордена с конца XIII в. по 1394 г., по всей видимости, не был знаком с трудом Петра из Дусбурга, который активно использовали многие европейские хронисты при создании своих нарративов. Вместе с тем Виганд из Марбурга активно использовал сведения «Старшей Оливской хроники» и работу Германа из Вартберга. Будучи герольдом Немецкого ордена, он имел доступ ко многим дипломатическим документам своего времени (включая несохранившиеся рукописные источники, дорожные записи, орденские некрологи и др.), что отложило своеобразный отпечаток на характер работы[1].

Одним из первых в восточноевропейской историографии на хронику обратил внимание А.И. Барбашев, который в конце XIX в. в своей работе «Летописные источники для истории Литвы в средние века» отметил ее в качестве одного из значимых источников по изучению ранней истории ВКЛ[2]. Далее на долгое время хроника практически ускользнула из поля зрения представителей отечественной историографии. Новый виток интереса к ней возник уже в начале XX в. Об этом говорит не только привлечение труда Виганада из Марбурга в качестве источника для трудов по средневековой истории Центральной и Восточной Европы, но и ее переиздание в Москве в 2014 г. и в Торуни в 2017 г.[3] Особенно хотелось бы отметить значение последнего издания, которое характеризуется глубокой степенью проработки, наличием обширного предисловия и содержательных комментариев, которые могут значительно облегчить работу с текстом. Вместе с тем, до сих пор в отечественной историографии данному нарративному источнику не уделяется должного внимания, хотя он содержит ценнейшие сведения по ранней истории ВКЛ.

Большое значение данная хроника имеет благодаря подробному описанию процессов, происходивших на соседних Ордену территориях, в том числе литовско-белорусских землях. Помимо информации о военных походах, описания военных приспособлений, используемых различными армиями, или характеристики деятельности Немецкого ордена на указанных территориях, «Хроника» Виганда из Марбурга содержит важные сведения о политике, проводимой первыми правителями ВКЛ, в частности Витенем, Гедимином и Кейстутом.

[1] *Барбашев А.И.* Летописные источники для истории Литвы в средние века. С. 13.

[2] Там же. С.13.

[3] *Wigand von Marburg* Nowa kronika pruska / opr. Slawomir Zonenberg, Krzysztof Kwiatkowski. Torun, 2017.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Малоизвестным в отечественной историографии, но небезынтересным с точки зрения изучения ранней политики ВКЛ является труд юриста Тевтонского ордена Лаврентия Блюменау под названием «История Ордена Тевтонских крестоносцев» («Historia de Ordine Theutonieorum Crucifecorum»), созданный в середине XV в. и описывающий события, касающиеся истории самого Ордена и соседних земель с 1226 по 1449 г. Первым значимым правителем, упоминаемым автором, является Витень. Хронист характеризует его как «свирепого» полководца, войной пошедшего на праведных христиан (то есть на земли Пруссии)[1]. Правда, несмотря на яркую отрицательную характеристику, которой награждает автор правителя ВКЛ, он не отрицает его высокого политического статуса, называя «королем». Интересной может показаться титулатура в отношении Ягайло, которого автор называет сначала «верховным князем Литвы» (под 1362 г.), а затем – «королем Ягайло, некогда великим князем Литвы», вероятно, с целью подчеркнуть эволюцию роли и функций данного правителя. Правда, использовать данные Лаврентия Блюменау стоит с определенной осторожностью, ведь в некоторых событиях хронист допускает ошибки, причем зачастую весьма существенные. Так, он значительно преувеличивает количество участников военных сражений между язычниками и христианами, а также путает имена правителей, связанных с тем или иным событием. Например, под тем же 1362 г. он описывает пленение Ягайло и тайное спасение его из темницы, переодетого в другое платье, не только ошибаясь годом, но и участником, так как данное событие связывают с именем другого князя, а именно Витовта, в 1361 г.[2] Встречаются и другие неточности, связанные с периодом правления или причастности того или иного правителя к определенным событиям.

Более поздней, но значимой с точки зрения изучения первых правителей ВКЛ является работа ливонского хрониста второй половины XVI в. Бальтазара Руссова «Хроника провинции Ливонии» (Balthasar Russowen, «Chronica der Provintz Lyffland»), написанная во время Ливонской войны и изданная в 1578 и 1584 гг. Несмотря на то что особое значение источник имеет именно для освещения данной военной кампании, так как ее создатель, будучи очевидцем событий и имея доступ ко многим документам, особенно тщательно осветил

[1] *Blumenau L.* Historia de ordine Theutonicorum cruciferorum // Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig, 1870. B. 4. S. 387.

[2] Там же. S. 519.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

военные действия, обращался он и к более раннему периоду. Так, он упоминал короля Миндовга («konig Mendow»), владеющего бургом – замком, в котором он жил со своими людьми в 1240-х гг.[1] Кроме того, он уделил достаточно пристальное внимание литовскому правителю под 1255 г., описав его коронацию и принятие христианства вместе с женой Мартой (датировка, правда, не совсем понятна, возможно, имеется в виду сноска на более раннее событие или имеет место хронологическая ошибка)[2]. А вот личностям Витеня и Гедимина автор не придает никакого значения, не упоминая их вовсе. Несмотря на то что сама Литва периодически всплывает в связи с теми или иными политическими событиями в истории Ливонии, имен вышеупомянутых правителей нет, а первыми значительными лидерами ВКЛ выступают уже Ягайло и Витовт[3].

В качестве дополнительных источников по изучению эволюции власти в складывающемся ВКЛ можно отметить хроники Семена Грюнау[4] и Лукаша Давида[5], посвященные истории Пруссии, но обращающиеся к событиям, происходящим на землях складывающегося ВКЛ.

Также необходимо выделить неизвестное в белорусской историографии созданное в XVI в. рифмованное латиноязычное сочинение «Aulaeum Dunaidum...» ливонского автора Августина Эукаэдия (Augustino Eucaedio), дающее описательную характеристику отдельным правителям раннего ВКЛ (таким, как Миндовг, Витень или Гедимин)[6].

Для изучения ранней истории ВКЛ, а в частности эволюции власти в процессе государствообразования, хроники, созданные на территории Немецкого ордена или Пруссии, имеют большое значение. Они достаточно подробно описывают происходящие события, позволяют проследить эволюцию титулатуры первых литовских правителей, дать оценку их позиций внутри государства и в европейском сообществе, а также сделать вывод об изменении политической мысли в хроно-

[1] *Russowen B.* Chronica von Provintz Lyffland // Scriptores Rerum Livonicarum. Riga–Leipzig, 1853. B. 2. S. 18.

[2] Там же. S. 18.

[3] Там же. S. 32.

[4] *Grunau S.* Preussische Chronik. Leipzig, 1875.

[5] *Lucas D.* Preussische Chronik // Preussische Chronik Hrsg. von Ernst Hennig. Königsberg, 1814. B. 4.

[6] *Eucaedius A.* Aulaeum Dunaidum, continens seriem ac successiones archiepiscoporum Rigensium in Livonia, scriptum ad reverendissimum ac illustrissimum principem ac dominum dominum Sigismundum Augustum, archiepiscopum Rigensem designatum, ducem Megapolensem, principem Vandalorum, comitem Suerinaeum, ac Stargatiorum dominum, etc. // Scriptores Rerum Livonicarum. Riga–Leipzig, 1853. B. 2. S. 408, 411.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

логической перспективе (с XIII по XVI в.) в связи с изменениями в социально-политическом устройстве самих западноевропейских государств, а также под влиянием развития внешнеполитических отношений с ВКЛ.

Ряд хроник (например, «Ливонская Рифмованная хроника», «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского) достаточно хорошо изучены историками и даже имеют русскоязычные переводы, что облегчает работу с текстом. Они являются, по сути, основополагающими признанными источниками по данной проблематике. Вместе с тем остается ряд трудов, написанных на территории Немецкого ордена, Пруссии, которые до сих пор не получили должного освещения в белорусской историографии. Хотя они порой содержат ценную, пусть и немногочисленную, информацию о раннем периоде образования ВКЛ, о его первых правителях, а также являются одним из основополагающих элементов для проведения компаративистского историографического исследования, направленного на изучение места первых правителей ВКЛ не только внутри складывающегося государства или своего социума, но также анализа их позиций в контексте европейской политической истории.

В отличие от белорусско-литовского летописания, в котором первые позиции на раннем этапе существования ВКЛ отдаются Гедимину как создателю прочного государства, хроники, созданные на территории Немецкого ордена, выделяют, прежде всего, именно Витеня как могущественного правителя и военного лидера. Но самое главное, они не ставят под сомнение существование ВКЛ как полноценного государства, воспринимаемого хронистами наряду с другими европейскими монархиями даже на первых этапах его формирования.

Актовые источники и дипломатическая переписка

Ценным источником по исследованию данной темы являются письма, дипломатические документы, акты и пр., изданные в эпоху правления того или иного государя.

Самым ранним документом, который соотносят с предпосылками формирования ВКЛ и который является свидетельством развития процесса государствообразования на землях этнической Литвы, можно считать договор 1219 г. между волынскими Романовичами и

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

князьями Литвы, Дяволтвы и Жемайтии, в котором среди пяти старших литовских князей упоминается Миндовг[1]. Здесь необходимо отметить, что оригинал договора не сохранился, но его запись можно найти в «Галицко-Волынской летописи»[2]. Несмотря на то что помимо Миндовга в нем упомянуты многие литовские князья, именно этот договор можно считать одним из ключевых источников для изучения структуры и организации власти в Литве накануне образования нового государства.

Большую ценность представляют документы, вышедшие из канцелярии того или иного правителя. Одни из первых документов, соотносимых с созданием ВКЛ, относятся к периоду правления Миндовга и представляют собой грамоты, изданные от лица правителя. Среди них можно выделить в том числе документы на земельные дарения, выданные от имени Миндовга, а также позволение жителям Риги на некоторые права (например, свободную торговлю)[3].

Информация о коронации Миндовга содержится в рукописи-свидетельстве географического характера «Описание земель» («Incipiunt descriptions terrarium»), созданной примерно между 1255 и 1260 г. и впервые изданной только в 1979 г.[4] Как следует из текста, её автор лично присутствовал во время этой торжественной церемонии[5].

Широчайший круг данных можно найти у францисканских монахов[6]. Очевидцы событий оставили свои заметки о событиях 1323 г. в Литве в швейцарских записях францисканцев в 1340 г. Священники в Испании и Ирландии включали Литву в географические трактаты. В самой же Литве францисканцы выполняли функции великокняжеских писцов на протяжении XIV в.[7]

Гораздо более известным источником подобного плана являются так называемые «письма Гедимина», которые позволяют не только детально рассмотреть вопрос о титулатуре правителя ВКЛ, но и сделать

[1] Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów). 2017. S. 71–72.

[2] Там же. S. 71–74.

[3] *Груша А. И.* Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Мн., 2015. С. 26; Міндаў, кароль Літовіі, у дакумэнтах і сьведчаньнях = Mindowe, rex Lithowiae, in litteris et testimonies / пад рэд. А. Жлуткі. 2005.

[4] *Colker M. L.* America rediscovered in the thirteenth century? // «Speculum». 1979. P. 712–726.

[5] Там же; *Мартынюк А. В.* Герб Литвы: взгляд из Европы XIV века // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Мн.,2009. Вып. 2. С. 28.

[6] *Rowell S. C.* Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994. P. 28.

[7] Там же. Более подробно о канцелярии правителей раннего ВКЛ см.: *Kosman M.* Orzeł i Pogon. Z dziejow polsko-litewskich XIV–XX w. S. 102–105; *Lowmianski H.* Z zagadnień spornych społeczeństwa litewskiego w wiekach średnich. S. 106.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вывод о широкой и гибкой внешней и экономической политике, проводимой в эпоху его правления[1].

В контексте исследования уместно отметить грамоты Ольгерда, Кейстута, Ягайлы и адресованные восточнорусским князьям и митрополиту, изданные между 1354 и 1389 г., а также такие документы, как Островские акты княгини Анны, жалованные грамоты полоцких князей (Андрея Полоцкого, Семена Лугвеня) и др.[2]

Отдельно необходимо выделить документы Полоцкой канцелярии, которые могут помочь раскрыть вопрос места и роли полоцких правителей в иерархии власти складывающегося ВКЛ. К ним относятся не только упомянутые выше жалованные грамоты, написанные от лица полоцких правителей, но и торговые договоры, письма торговым партнерам и др. Кроме того, внимания заслуживают письма Витовта, отправленные рижанам с целью подчеркнуть ликвидацию автономии Полоцка[3].

Тем не менее для канцелярии первых правителей ВКЛ нехарактерно наличие широкого разнообразия юридических и дипломатических документов, относящихся к периоду XIII–XIV вв. С одной стороны, это было связано с неразвитостью традиции канцелярии. С другой – может объясняться существованием неписьменных институтов регуляции правовых отношений, закрепляемых по обычаю не документами, а ритуалами и обрядами[4]. В достаточном количестве актовые материалы из великокняжеской канцелярии появляются только с 70–80-х гг. XIV в., что может свидетельствовать о достижении определенного уровня институционализации структуры верховной власти и административного аппарата[5]. Вместе с тем имеющиеся дипломатические документы и актовые источники позволяют глубже проанализировать эволюцию роли правителя в процессе усиления ВКЛ. Особенно это касается вопросов идентификации и самоидентификации правителей, используемой ими титулатуры и признания их авторитета со стороны соседей и самого социума.

---

[1] Послания Гедимина / сост.: В. Т. Пашуто, И. В. Шталь. Вильнюс, 1966; Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Gedimino laiškai / ed. by S. C. Rowell. Vilnius, 2003.

[2] *Груша А. И.* Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Мн., 2015. С. 28; Гагуа Р. Б. Островские акты княгини Анны // Актуальные проблемы источниковедения : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. к 420-летию дарования Витебску Магдебургского права, Витебск, 20–21 апр. 2017 г. С. 145–148; Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.: в 2 т. / под ред. А. Хорошкевич. М., 2015.

[3] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.: в 2 т. / под ред. А. Хорошкевич. М., 2015. (Далее: ПГ).

[4] *Груша А. И.* Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). С. 33.

[5] *Kosman M.* Orzeł i Pogon. Z dziejow polsko-litewskich XIV–XX w. S. 102–103.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Нумизматические и сфрагистические источники

Исследуя процессы государствообразования, а также занимаясь изучением вопросов, связанных с институционализацией власти в ранних государствах, историки зачастую ограничиваются анализом нарративных источников и имеющихся в них сведений, разрозненных и противоречивых. Особенно это касается ранних этапов становления государств, в том числе ВКЛ, история которого в XIII–XIV вв. черпается из различных летописных традиций и представляет собой весьма разрозненные по структуре, оригинальности и времени создания нарративы. Вместе с тем пристальное внимание при изучении вопросов, связанных с титулатурой первых правителей ВКЛ, а также их идентификацией и самоидентификацией в обществе, заслуживают сфрагистические материалы, являющиеся непосредственным отражением процессов, происходивших в изучаемую эпоху. Изучая вопрос идентификации первых правителей ВКЛ, нашедшей отражение в сфрагистических источниках, необходимо отметить наличие двух исторических традиций. С одной стороны, сохранялись местные традиции геральдических знаков, с другой – имело место привлечение европейских элементов[1]. Если в древнерусский период на белорусских землях активно использовались элементы византийской традиции, то после принятия правителями ВКЛ католичества появились западноевропейские элементы и латинский шрифт на печатях.

Печать с оригинала грамоты короля Миндовга о дарении Селонии, октябрь 1255 г.

Первая печать, известная в историографии, относится еще ко времени правления Миндовга и была найдена на дарованной грамоте Немецкому ордену.

Несмотря на то что ее подлинность вызывает сомнения исследователей, даже возможная подделка ярко свидетельствует о

[1] *Цітоў А.* Сфрагістыка і геральдыка Беларусі. Мн., 1999. С. 13.

Электронная библиотека МГУ имени А.А. Кулешова

наличии подобного атрибута власти у первого правителя ВКЛ, а также о том, что соседние государства признавали легитимность главы данного государственного образования, а также подтверждает принципиальное наличие у него такого символа власти. Так, на печати изображен Миндовг, сидящий на троне с регалиями, характерными для правителя той эпохи[1]. Неоспоримым является наличие подобных знаков отличия для правителей ВКЛ последующего периода. Так, в рамках исследуемой тематики были проанализированы печати Гедимина, Ольгерда, Свидригайло, Кейстута, Ягайло, Витовта, полоцких правителей Наримонта Гедиминовича, Семена Лугвеня, Андрея Ольгердовича и др.[2] При этом внимание акцентировалось не только на наличии или отсутствии такого знака легитимности монарха, как печать, или на легенде, характеризующей статус правителя, но также анализировалось развитие геральдических символов одного и того же монарха в хронологической перспективе, выделялись различия между печатями различного функционала (личная, тронная, т.д.). Так, у Витовта известно три типа только малой конной печати, каждая из которых имеет свои особенности, что будет более подробно рассмотрено в соответствующем разделе[3].

Не менее информативными в контексте исследований, касающихся легитимизации власти монарха, являются нумизматические памятники – монеты, выпущенные в эпоху правления того или иного правителя. Зачастую выпуск собственных монет фактически не являлся предметом острой экономической необходимости, но представлял собой вопрос престижа и авторитета монарха. Отчеканенная по византийскому или западноевропейскому образцу монета являлась, по сути, символическим отражением авторитета и суверенитета правителя, подчеркивающим его высокий статус и прочное положение в государстве.

[1] *Цітоў А.* Сфрагістыка і геральдыка Беларусі. Мн., 1999. С. 10; Міндаў, кароль Літовіі, у дакумэнтах і сьведчаньнях / пад. рэд. А. Жлуткі. Мн., 2005.

[2] *Сідаровіч В.М.* Пячатка князя Глеба Нарымонта XIV ст. з в. Стары Капыль // Беларуская даўніна. Мн., 2016. Вып. 3. С. 45–47; *Полехов С.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 142; *Цітоў А.* Пячаткі старажытнай Беларусі : нарысы сфрагістыкі. Мн., 1993. С. 34; *Цітоў А.* Сфрагістыка і геральдыка Беларусі. С. 141; *Хорошкевич А.* Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. С. 128–146.

[3] *Полехов С. В.* Несохранившаяся печать князя Александра Патрикеевича Стародубского // Средневековая нумизматика Восточной Европы. 2017. № 6. С. 237–240; *Полехов С. В.* Последние завещания Василия I и печати Витовта // Средневековая Русь; ред. А. А. Горский (отв. ред.) [и др.]. М., 2016. Вып. 12. С. 195; *Дзярновіч А. І.* Тытул Вялікіх князей Літоўскіх: дзе месца рускай традыцыі? // Ukraina Lithuanica. 2013. Т. 11. С. 61–81; *Шаланда А.* Генезіс «Пагоні» – дзяржаўнага герба Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага // Bialoruskie zeszyty historyczne. Bialystok, 2001. № 16. S. 152–158; *Шаланда А.* Гербавыя пячаткі вялікага князя літоўскага Вітаўта: палітычная праграма ў адлюстраванні геральдыкі // Беларус. гіст. час. 2017. № 7. С. 7–13.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Так, в рамках исследуемой темы были изучены символика и легенды на монетах Ольгерда, Витовта, Ягайло в хронологической перспективе, проанализированы отчеканенные на них гербы правителей, а также их эволюция[1].

Таким образом, сфрагистические и нумизматические источники являются одним из немаловажных средств, способствующих более глубокому пониманию политических процессов, происходивших на землях ВКЛ в процессе становления государственности. Также они могут пролить свет на вопрос о самоидентификации и идентификации его первых правителей. Особо пристальное внимание при этом следует уделять геральдической традиции, нашедшей отражение на тех или иных печатях или монетах.

Иллюстративные материалы

Одним из важнейших материальных источников, которые зачастую игнорируются исследователями в рамках изучения политогенеза, а в данном случае – в ходе анализа процесса легитимизации власти первых правителей ВКЛ, является иллюстративный материал хроник и летописей, созданных как на его территории, так и на землях соседних государств.

При этом особую ценность представляет «Радзивилловская» или «Кенигсбергская» летопись[2], которая включает в себя более 600 иллюстраций. Часть из них, по мнению специалистов, была скопирована с оригинальных источников XI–XIII вв., а часть – создана в эпоху написания хроники, то есть в XV в. Это значит, что при изображении полоцких и других правителей иллюстраторы опирались на существующие в их эпоху реалии. То есть в процессе детального изучения данных иллюстраций можно не только проследить трансформацию костюма, регалий правителей, но и проанализировать вопрос восприятия и перцепции правителя ВКЛ с точки зрения создававшего их летописца, сделать вывод о царивших в его эпоху представлениях о монархе.

[1] *Ремецас Э.* Монеты Великого княжества Литовского типа ПЕЧАТЬ / лев, плетенка // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мн., 2008. С. 133–137; *Юргенсон В. А.* Монеты Ягайло и Витовта // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст. саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі: да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы. Мн., 2011. С. 182–185.

[2] Радзивиловская летопись : в 2 т. Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб.–М., 1994; Радзивиловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. 1989.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Всеслав Брячиславович на киевском престоле. Миниатюра Радзивилловской летописи

Детальный анализ иллюстраций свидетельствует о том, что художник изображал героев древнерусской истории и представителей княжеской власти в сфере реалий и традиций, характерных для ВКЛ XV в. Это нашло отражение как в вооружении, так и в одежде персонажей (костюме). При этом особого внимания заслуживают изображения регалий правителей, в которых можно также найти черты готического западноевропейского костюма XIII–XIV вв.[1] Наиболее показательными в этом отношении являются иллюстрации в сюжетах «Месть Рогнеды» и «Переправа полоцкого князя Всеслава по дороге на переговоры с киевским князьями»[2].

На основе изучения данного источника можно сделать вывод о том, что во время создания «Радзивилловской летописи» и работы над иллюстрациями, а именно в XV в., существовало устойчивое представление о таких обязательных атрибутах власти верховного правителя, как корона и мантия, являющихся, по сути, символом суверенности, что будет детально проанализировано в разделе, посвященном вопросам символики власти[3].

Весьма показателен образ ВКЛ и его правителей, нашедший отражение в «Лицевом летописном своде», созданном в Московской

[1] *Барвенава Г. А.* Тэкстыль сярэднявечча на землях Беларусі. Мн., 2008. С. 49.
[2] Радзивиловская летопись. 1994. С. 97, 163.
[3] *Барвенава Г. А.* Тэкстыль сярэднявечча на землях Беларусі. С. 64.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Убийство Миндовга 1263 г. Иллюстрация Лицевого летописного свода XVI в.

Руси в третьей четверти XVI в., детальный анализ миниатюр которого также предоставляет возможность изучить атрибуты монарха как верховного правителя, а также проследить эволюцию такой легитимности[1].

Кроме того, в процессе работы над тематикой исследования были изучены иллюстрации европейских хроник. Одним из наиболее важных в данном отношении источников является хроника «Описание Европейской Сарматии» А. Гваньини, содержащая не только геральдические символы Литвы, но и портреты монархов – правителей ВКЛ[2].

Отдельного внимания также заслуживает иллюстрированная хроника «История императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке середины XV в., содержащая интереснейшие иллюстрации, касающиеся в том числе литовских правителей и представляющие собой перцепцию европейского сознания в отношении ВКЛ и его монархов[3].

Нельзя упускать из вида и такой важный источник, как иконографический материал. При этом особенно пристальное внимание следует уделить фрескам и росписям храмов, содержащим сюжеты из культурной и политической жизни ВКЛ, а также изображения литовских правителей. Отдельного упоминания заслуживает анализ надгробий правителей, в частности, сохранившейся могильной плиты Ягайло на Краковском Вавеле. Правда, последний пример изобразительного

[1] Лицевой летописный свод XVI века. Русь (1411–1432 гг. от В.Х.) : в 27 т. / под ред. Г. Стерлингова. М., 2014. Т. 12; *Мартынюк А. В.* История Великого княжества в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века // Lietuvos pilys. 2011. № 6. С. 149–163.

[2] *Guagnini A.* Sarmatiae Europeae descriptio.

[3] Более подробно о хронике см.: *Наумов Н. Н.* «Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра // Петербур. ист. журн.: исслед. по рос. и всеобщ. истории. 2016. № 1(09). С. 65–83; *Наумов Н.* Политический язык Эберхарда Виндеке // Vox medii aevi. 2018. № 1. Т. 2. С. 46–70.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

материала в меньшей степени относится к периоду генезиса ВКЛ, а также его первым правителям, так как большинство из них до смерти своей оставались язычниками и были погребены по «поганскому» обычаю, и, более того, местоположение погребений большинства из них до сих пор неизвестно. Вместе с тем с точки зрения методологической и теоретической перспективы подобный источник является немаловажным свидетельством легитимности правления монарха и отражением его восприятия социумом.

Иллюстрация из «Истории императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке. Середина XV в.

Разумеется, иллюстративный материал является не единственным отражением властных характеристик литовских правителей. И его нельзя изучать в отрыве от данных письменных источников. Тем не менее он представляет собой важное свидетельство легитимности власти первых правителей на белорусских землях в эпоху складывания ВКЛ, позволяющее изучить не только конкретные регалии и атрибуты монархов, но и исследовать вопрос о восприятии монарха со стороны общества.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

2. ГОСУДАРЬ И ГОСУДАРСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в.

Государь и государство в политическом дискурсе восточнославянской средневековой традиции

В наше время трудно говорить о точном значении и смысловом наполнении соционимов, характерных для эпохи средневековья на восточнославянских землях. В частности, это касается представлений о правителе и государстве в восприятии их современников. Трудности интерпретации и анализа возникают главным образом из-за преимущественно устной традиции передачи информации, а также ввиду немногочисленности сохранившихся источников. Однако отражение (как и отсутствие) в памятниках определенного явления может свидетельствовать о степени его зрелости, а также о том значении, которое придавало ему общественное сознание[1]. Существует большая разница между восприятием государя и государства рядовым населением государственного образования (социумом), его отражением в текстах хронистов, международного сообщества, а также самоидентификацией самого монарха в качестве суверена.

Наиболее сложным в этом отношении является анализ представлений о правителе глазами жителя формирующегося ВКЛ. Анализ сведений хронистов позволяет сделать вывод о выразительной разнице между представлениями «своего», восточнославянского летописца с территории формирующегося ВКЛ и «чужого» европейского хрониста, а также помогает проследить эволюцию таких воззрений.

Хотелось бы обратить внимание на то, что Русь, чьи политические традиции были типичными для государственных центров на белорусских землях в XIII в., не знала такого понятия, как «княжество». В древнерусских источниках фигурирует, прежде всего, понятие «княжения», то есть власти того или иного князя[2]. Очевидно, что главным в восприятии летописцев в ту пору являлся вопрос о взаимоотноше-

[1] *Кром М. М.* «Старина» как категория средневекового менталитета (по материалам Великого княжества Литовского XIV – начала XVII вв.) // Mediavalia ucrainica: ментальність та історія ідей. Киев, 1994. Т. 3. С. 69.

[2] *Дворниченко А.* А существовало ли государство Киевская Русь? // Родина. 2012. № 9. С. 79; *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998; *Лукин П. В.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – XIII вв. // Средневековая Русь. СПб., 2003. Вып. 6. С. 371–402.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ниях между обществом и властью. При этом на территории Московской Руси летописцы часто использовали термин «люди» для обозначения народа. Этот термин часто совпадал с обозначением населения отдельных земель – «полочане», «смоляне» и т. п.[1] Слово «государь» встречается в «Русской правде» и означает там собственника кого-либо или чего-либо, хозяина[2]. То же значение в «Судебнике» 1550 г., или «Домострое». Кроме того, это же слово могло включаться в титул представителей высшего духовенства. Челобитчики называли «государем» представителей власти. В-третьих, так именовали верховного правителя (например, Ивана III)[3].

Таким образом, для эпохи Руси и Московской Руси XIV–XVI вв. государство – это не только сама власть государя над тем, что ему принадлежит, но и владения правителя, то, что ему подвластно (прежде всего, земли и люди, их населяющие)[4].

Подобная тенденция в определенной мере была характерна для белорусских земель эпохи складывания ВКЛ. В источниках, относящихся к данному периоду, на первый план выдвигается понятие «земли» в значении «владений» правителя.

Термин «земля» был самым первым понятием, использовавшимся для обозначения «государства» в ВКЛ. В значении «государство» был характерен для древнерусской и древнепольской традиции. Изредка в XV в. для обозначения понятия «государство» использовали термины «господарство» и «держава». Эти термины с аналогичным смысловым наполнением также происходят из лексикона древнерусского языка[5].

Так, слово «земля» применительно ко времени государствообразующих процессов в ВКЛ встречается в «Летописце Великого княжества Литовского и Жемойтского» вплоть до эпохи правления Витовта: *«И князь великии Витовт повоевал много земли Литовское...»*[6].

---

[1] *Дворниченко А. А* существовало ли государство Киевская Русь? С. 80.

[2] *Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999; *Толстиков А. В.* Представления о государе и государстве в России во второй половине XVI – первой половине XVII вв. // Одиссей: человек в истории. 2002. № 1. С. 294.

[3] *Толстиков А. В.* Представления о государе и государстве в России во второй половине XVI – первой половине XVII в. С. 294.

[4] Там же. С. 296.

[5] *Воронин В. А.* Термины, использовавшиеся для обозначения понятия «государство» в Великом княжестве Литовском в XIV – XVI вв. // Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bojariškoji visuomenė: straipsnių rinkinys / sud.: I. Valikonytė, L. Steponavičienė. Vilnius, 2015. С. 236–238, 242.

[6] Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час. 2013. С. 299.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

«И сожалився князь великыи Скиргаило, поиде с братию своею, со великымь князеь Витовтомъ и Констентиномъ, и с Корибутомъ, и со Семеном Лыенгвенемъ. И поменуша слово божие, еже рече: «В ноже мѣру человекь мерить, отмирится ему, а что посееть, то и пожьнеть. Мы, рекоша, никоего зла ему не сотворихомь, а онь с нами в докончани буда, переступив крестное целование и докончание, нашю землю воюеть и кров хрестяньскую проливаеть»[1]. Схожая терминология используется и в «Хронике Литовской и Жемойтской»: *«И дал листи мистровы Гендрикови крижаков прусских, в которых пишет, иж от крижаков помочик в речах великих от них вспоможен был, а за тое держави земли своей, мяновите Жъмонт, Ятвяги, Куров, Вязму и всю землю Литовскую...»*[2].

То есть для летописцев этого периода понятие государства часто ассоциировалось с названием земли. Термин «Литовская земля», синонимичный понятию «государство», начинает появляться в документах, созданных на территории ВКЛ, с конца XIV в. В источниках, написанных в конце XIV – XV в., данное понятие употребляется в широком смысле слова и тождественно термину «Великое Княжество Литовское». В ряде случаев термин «Литовская земля» нельзя интерпретировать как определенный географическо-территориальный регион ВКЛ. Он выступает в том числе и как понятие государственно-политическое, обозначая государство в целом[3]. Так, в подавляющем количестве источников, относящихся к ранней истории ВКЛ, преобладающим термином по отношению к складывающемуся государству является понятие «Литва»[4]. Кроме того, именно Литвой, Литовской землей раннее ВКЛ именуется у немецких хронистов, например в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга: *«…fratres domus Theutonice predicti contra gentem illam potentem et durissime cervicis exercitatamque in bello, que fuit viinior terre Prussie, ultra flumen Memele in terra Lethowie habitans...»*[5].

Вместе с тем необходимо отметить, что сам термин «земля» имеет более широкое значение и может относиться также к опреде-

[1] Супрасльская летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980 С. 64.

[2] Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час. 2013. С. 422.

[3] *Воронин В. А.* Термины, использовавшиеся для обозначения понятия «государство» в Великом княжестве Литовском в XIV – XVI вв. С. 237–238.

[4] Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час. 2013. С. 427.

[5] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussica. 1861. S. 146. Перевод здесь и далее по: *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской / пер., ред. В. И. Матузова. М., 1997: *«… братья дома Тевтонского начали войну с тем народом, могучим и упрямым и закаленным в сражениях, который был ближайшим к земле Прусской и жил за рекой Мемелем в земле Литовской…».*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ленной территории. Поэтому апеллируя к данному понятию, нужно учитывать социополитические условия создания источника, а также хронологические рамки описываемого события. Так, и в более ранних источниках, например, в «Ливонской рифмованной хронике» при описании событий догосударственного периода также используется термин «земли» (*«...in Littouwen lant» – «...в Литовской земле...»*)[1], но уже в ином контексте.

Кроме того, отрывочные сведения, сохранившиеся в летописях, позволяют судить о том, что для средневекового жителя ВКЛ на первых этапах становления государственности не было значимым официальное название его государства. Можно также высказать сомнение о сформированности такого понимания для белорусско-литовских земель накануне XV в. Очевидно, что гораздо более значимым явлением для жителя государства была принадлежность к той или иной земле, к владению своего правителя. Это утверждение находит отражение в мировосприятии средневекового человека, в его отношении к монарху, часто основанному на личном повиновении и службе.

Обращаясь к месту правителя в средневековом обществе, проживавшем на белорусско-литовских землях в указанное время, будет уместно подчеркнуть личностный характер взаимоотношений представителей верховной власти и социума. Это была в первую очередь не власть монарха над государством как территориальной целостностью, а над населением, над людьми. Понятие «земля» было равнозначно понятиям «страна» и «люди». В летописях неоднократно упоминается, что «земля» идет в военный поход[2]. Естественно, что под так называемыми «людьми» нужно понимать определенную группу социума – военно-служилое население, боярство, военных слуг. Именно эта группа позднее окончательно сконсолидируется в политический класс, «политическую нацию»[3]. Иерархические отношения между правителем и рядовым населением можно охарактеризовать как соглашение между двумя лицами – «сеньором» и коллективным «вассалом».

В целом можно выделить две категории отношений, встречающиеся в источниках. С одной стороны, это прямое подчинение, ос-

[1] Livländische Reimchronik. 1844. S. 74.

[2] Супрасльская летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 64.

[3] *Воронин В. А.* Термины, использовавшиеся для обозначения понятия «государство» в Великом княжестве Литовском в XIV – XVI вв. С. 238–241.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

нованное на исторически сложившихся отношениях между монархом и его подданными. С другой стороны, в хрониках постоянно звучит упоминание «дружбы», обусловленной общими интересами и подкрепляемой действиями или дарами. Причем эта «дружба» не противоречила подчинению, а скорее дополняла его. Установив подобную связь, дополняющую отношение подданства, можно было сохранить и укрепить политическую стабильность в обществе[1].

Личные отношения между правителем и подданными получили свое начало еще в эпоху вождеств, когда последний личным авторитетом и примером, а часто и силой, ориентировал свое население в том или ином направлении. При разрыве подобной личной связи нарушалась цепь взаимодействия между правителем и обществом, которое неизменно призывала себе нового вождя. Ведь он являлся не только сакральной фигурой, облаченной властью, но в первую очередь – гарантом стабильности и безопасности населения.

Сохранилась данная традиция и после образования ВКЛ. Вместе с тем очевидно, что образ и роль правителя в эпоху Миндовга и в период правления Витовта сильно отличались, что будет более подробно рассмотрено в следующей главе.

Вместе с тем в процессе эволюции государственности ВКЛ правитель неизбежно оставался залогом стабильности жизни общества, гарантом его благополучия и оплотом внутреннего правопорядка. Долгое время сохранялась и личная связь между правителем и социумом, которая начала ослабевать по мере разрастания территорий и институционализации аппарата административного управления. Этот процесс нашел свое отражение в том числе в титулатуре правителей складывающегося государства, упоминающейся в летописях и служащей не только свидетельством их самоидентификации, но позволяющей также судить о степени признания и авторитета правителя в глазах населения. Поэтому рассмотрение эволюции титулатуры правителей складывающегося ВКЛ видится целесообразным начать с древнерусской традиции употребления терминологии в отношении правителей. Ведь именно она во многом определила направление идентификации правителей на литовско-белорусских землях в XIII–XV вв.

Здесь необходимо сразу отметить, что в исторической науке до сих пор нет однозначной точки зрения касательно титулатуры древ-

[1] *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства. С. 95–116.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

нерусских правителей. Во многом титул правителя зависел от условий и времени происхождения источника, зафиксировавшего тот или иной термин. В скандинавских источниках встречается информация о «конунгах Руси», в частности в период правления Владимира Святославовича и Ярослава Мудрого. Вероятно, это было связано с прочными и разнообразными связями Руси и Скандинавии, характерными для того времени[1]. Все князья в сагах названы словом «конунг» («konung»), которым в древнеисландском языке обозначались как верховные, так и мелкие правители. При этом правители, имеющие конкретные имена в сагах о древних временах, лишь изредка соотносимы с известными по русским летописям историческими деятелями[2].

Вместе с тем самым привычным и часто употребимым термином в отношении титулатуры правителей Древней Руси является «князь». Производное от слова «князь» встречается в договоре Руси с греками от 944 г. В договоре, начинающемся с подробного описания послов, сказано, что они прибыли от *«ѿ Игорѧ . великого кнѧзѧ Рускаго . и ѿ всѧкоѥ кнѧжьѥ и ѿ всѣхъ людии Рускиѥ землѧ»*[3]. Правда, положение этого «княжья» до сих пор остается не совсем понятным. Так, еще С.М. Соловьев считал их представителями княжеского семейства, поскольку только они, по мнению историка, могли именоваться «князьями»[4]. А вот Б.Д. Греков, напротив, был уверен, что речь шла о местных князьях, вступивших в отношения подчинения к киевскому князю[5]. В целом взгляды историков на происхождение упомянутых правителей разделились на поддерживающих первое и второе объяснение соответственно[6]. Но, как справедливо отметил А.А. Горский, дискуссия по этому поводу не имеет большого значения, поскольку в

---

[1] *Глазырина Г. В.* Сведения о «конунгах Руси» в сагах о древних временах // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Политическая структура Древнерусского государства: VIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1996. С. 14.

[2] Там же. С. 15.

[3] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. 1908. С. 36; Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. 1962. С. 47. См. также: *Назаренко А. В.* Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Политическая структура Древнерусского государства : VIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1996. С. 58.

[4] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–2. Москва, 1959. С. 147, 149.

[5] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. 1953. С. 298–299.

[6] Более детально см.: *Назаренко А. В.* Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства. С. 59; *Стефанович П. С.* Правящая верхушка Руси по русско-византийский договорам X века // Труды Института российской истории РАН. Вып. 11. М., 2013. С. 28–32.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

тексте явно этикетная формула, призванная подчеркнуть «общегосударственный» характер договора[1].

Характерен титул «князь» и для более позднего периода времени, в частности эпохи правления Владимира Святославовича или других древнерусских правителей. Тем не менее «князь» и понятие «княжение» являются не единственными терминами, характерными для правителей Киевской Руси. В летописных источниках можно встретить также понятия «царство», «царь».

Исследование данного феномена началось еще в XIX в. Тогда И.И. Срезневский издал комментарий на колофон рукописного Евангелия киевского князя Мстислава (1125–1132), в котором тот назван «царем». Исследователь предположил, что данный титул должен интерпретироваться как «независимый властелин», придавая тем самым определенный политический смысл данному термину[2]. Гораздо позже Б.А. Рыбаков также отстаивал подобную точку зрения. Изучив текст Ипатьевской летописи, в которой титул «царь» применяется к киевским князьям XII в., а также надписи из собора Святой Софии в Киеве, в которых Ярослав Мудрый назван «царем», автор пришел к выводу, что последний, став после смерти Мстислава Черниговского единовластным правителем древнерусской земли, принял царский титул[3]. Таким образом великий князь Руси приравнивался к византийским правителям. Данная точка зрения нашла отражение и у других исследователей, в частности Я.Н. Щапова. Последний тем не менее подчеркивал, что использование титула «царь» не являлось прерогативой только киевских князей, а встречалось и у других правителей[4]. Изучение Я.Н. Щаповым применения царского титула к русским князьям до XVI в. показало, что его официальное принятие готовилось на протяжении нескольких столетий, но до указанного времени данный термин не имел ни юридического, ни государственного значения. Слова, связанные с достоинством и титулом царя, часто встречались в панегириках, посвященных древнерусским князьям. Делалось это для их возвеличивания, придания им большего авторитета в глазах социума[5].

[1] *Горский А. А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Т. 10. М., 2012. С. 29.

[2] *Срезневский И. И.* Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю. 1130 г. // Известия Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1860. Т. VIII. Вып. V. Стб. 337–360.

[3] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII – XIII веков. 1982. С. 419. О титулатуре древнерусских правителей см. также: *Галкина Е. С.* Тайны русского каганата. М., 2002; *Чернявский М.* Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. Т. 2. С. 442–457.

[4] *Щапов Я. Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 323.

[5] *Щапов Я. Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 143.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Теория о близости княжеской и царской власти, которая оформилась в среде образованных книжников, нашла свое отражение и в «Мериле Праведном», компилятивном своде юридического характера, сложившемся в Твери в XIV в. В этой работе можно найти фразу из «Послания Святого Петра», в которой греческому василевсу соответствует «цезарь», однако сам текст озаглавлен *«От бчелы избрано о княженьи»*[1]. Чуть ниже термин «василевс» вновь передан словом «князь», на этот раз во фрагменте из Агапита. Более того, в конце XIV в. тождество между «царем» и «князем» в законодательной сфере было подчеркнуто митрополитом Киприаном в послании Пскову от 1395 г. Там в связи с грамотой, изданной Александром Невским и выданной городу в XIII в., было написано: *«в том волен всякий царь в своем царстве или князь в своем вняженьи, всякая дела управливаеть и грамоты записываеть»*[2].

Эти примеры доказывают, что для средневекового жителя Руси на первых этапах развития государственности не было принципиальной разницы между институтом княжества и царской властью. Правда, если в XI в. термин «князь» чаще всего использовался для обозначения монарха в общем, слово «царь» начало употребляться аналогичным образом уже со следующего столетия.

Необходимо также подчеркнуть временное совпадение между моментом, когда титул «царь» повсеместно начинает применяться в отношении русских князей, и эпохой распространения концепции о наделении князя церковной властью. Его вряд ли можно рассматривать как случайность. В данном явлении можно увидеть еще одно доказательство того, что природу, а главное фундаментальные основания царской власти, следует искать не только в политической, но также в религиозной и церковной сферах[3].

Вместе с тем тот факт, что на Руси за образец правителя брался василевс, не означал, что русские князья также признавали над собой его суверенитет. Зачастую они, напротив, выступали с подчеркиванием своего особого статуса. Именно поэтому можно увидеть изображение отдельных правителей в виде византийских аристократов или в одеянии с императорскими регалиями. На древнерусских монетах, которые были отчеканены по византийскому образцу, русский князь

[1] *Водов В.* Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. Т. 2. С. 528.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 538.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

занимает место василевса. Кроме того, очень часто имя русского князя заменяло императорское в диптихах (поминальных перечнях)[1].

В «Летописце русских царей», произведении, возникшем в XIV – 1-й половине XV вв. и отражающем тенденции «русского» летописания Волынской земли, бывшей составной части древнерусского государства в составе Великого Княжества Литовского, царский титул неоднократно используется применительно к Руси как государству (*«н(а)ча ц(а)рствовати Русская земля»*) и к древнерусским князьям вообще (*«поищемъ собѣ князя и поставимъ над собою ц(а)рствовати»*)[2]. Для источника характерна острая политическая направленность, важной целью автора было подчеркнуть высший статус восточнославянских земель бывшей Руси, вошедших в состав ВКЛ, в сравнении с этнической Литвой. Осуществлению данного замысла должна была способствовать используемая титулатура правителей, которую употреблял летописец в отношении к Рюриковичам, – «царь», «царство» – в противовес «князь» для литовских правителей[3].

Данное произведение хорошо было известно на белорусских землях ВКЛ, находилось в составе «Никифоровского сборника», активно использовалось и комментировалось качестве источника в XVI – первой половине XVII в. В нем нашли отражение представления о преемственности власти древнерусских князей как богоизбранных на все времена, сакральных правителей, супрематоров – наследников византийской императорской традиции, являвшихся носителями истинного, православного христианства. Данная терминология ярко подчеркивает важнейшую функцию правителя с точки зрения духовенства – насаждение, защиту и упрочение христианской веры. Царь – это обязательно сакральный монарх, защита, меч и устроитель земной церкви[4].

Что касается тезиса о принятии византийской идеологии «один царь во вселенной» древнерусскими, а затем московскими царями, Н.В. Синицына в своих исследованиях отмечала, что он относится только ко времени Филофея Псковского, назвавшего Василия II «единым царем всех христиан»[5]. Исследователь также подчеркивала, вслед

[1] *Чернявский М.* Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории. С. 444.

[2] Летописец русских царей // ПСРЛ. Т. 41. 1995. С. 7–8; См. также: *Щапов Я. Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археографии. С. 143.

[3] *Марзалюк И. А.* Великое княжество Литовское в исторической памяти белорусов-русинов: от средневековья к модерну // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 485–491.

[4] *Успенский Б. А.* Крест и круг (Из истории христианской символики). М., 2006. С. 68.

[5] *Синицына Н. В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI вв.). С. 82.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

за В. Водовым, что и в памятниках XIV–XV вв., и в нарративах более позднего времени неизменное внимание уделялось именно конфессиональной функции правителя, царя: *«Святой царь занимает высокое место в церкви; он не то, что другие, поместные князья и государи. Цари в начале упрочили и утвердили благочестие во всей вселено; цари собирали вселенские Соборы; они же подтвердили своими законами соблюдение того, что говорят божественные и священные каноны о правых догмах и о благоустройстве христианской жизни…»*[1].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что царский титул правителя не сопровождался определением его державы как царства, а носил значение именно правления. Кроме того, образ идеального правителя часто завершался образом царского венца – символом его власти, крещения и сакральной защиты. В «Похвале Симеона» Митрополит Петр отмечал: *«святыми своими молитвами из своего гроба… вразумив тя и научи, и страхом утвердивъ положенныи ти венецъ на главъ твоеи, князь великие Василие, истинныя православныя веры греческия»*[2]. То есть сакральная сущность правления монарха закреплялась институтом положения венца на голову (в западной традиции – коронацией), легитимизируя таким образом его власть – не только духовную, но и светскую.

Интересно, что эта же традиция была характерна и для тех правителей складывающегося ВКЛ, которые реально претендовали на верховный суверенитет над всеми восточнославянскими землями Руси, а также на управление и контроль над церковной православной иерархией Киевской митрополии. Показательно, что данные представления были отражены в попытках амбициозных «самопровозглашенных» титулатур великого князя Ольгерда и Витовта.

Так, Ольгерд в переписке с константинопольским патриархом на предмет возможности создания в ВКЛ своей митрополии, отдельной от Москвы, именует себя «царем»[3]. Примечательно, что вкладывает он этот титул в пересказ речи московского митрополита Алексия, ко-

[1] РИБ. Т. 6. С. 272; *Синицына Н. В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI вв.). С. 82.

[2] Там же. С. 82.

[3] *Голубев О. Е.* Великий князь литовский Ольгерд: князь или царь? // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Мн., 2008. Вып. 1. С. 27–28; См. текст: Грамота литовского князя Ольгерда к патриарху Филофею, с жалобами на митрополита Алексия и с просьбою поставить особого митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосиля, Твери и Нижнего Новгорода // *Протоирей Иоанн Мейндорф.* Византия и Московская Русь. Очерки культурных связей в XIV веке. 1990. С. 805.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

торый якобы так его величает: *«митрополит жалуется тебе на меня, говорит так: «царь Ольгерд напал на нас»*[1]. Вместе с тем из других источников хорошо известно, что патриарх Филофей, которому было адресовано данное послание и который не мог не заметить притязаний правителя ВКЛ на царский титул и высокое признание, называет его *«великим князем»* или даже просто *«князем»*[2].

Таким образом, нельзя не согласиться, что перед нами уникальный пример самовыдвижения правителя ВКЛ на «царство». Это можно объяснить целенаправленным стремлением Ольгерда повысить международный авторитет своего государства, а также расширить его территории, в том числе за счет древнерусских земель, находившихся за периметром его государства. Необходимо помнить и те геополитические реалии, в которых это происходило. В 1363 г. Ольгерд победил татар в битве на Синих Водах (земли современной Украины). Междуречье Днестра и Южного Буга отошло под его контроль. Вскоре Ольгерд посадил своего сына Владимира на княжеский стол в Киеве. Сакральная столица Руси стала принадлежать ВКЛ[3]. Статус в таком случае мог сыграть положительную роль для реализации данной стратегии. Титул царя позволял правителю ВКЛ отождествить себя с византийским базилевсом, независимым монархом, обладавшим неограниченной властью[4]. Сам термин, произошедший от латинского «caesar», понимался как «монарх, верховный правитель земли, народа и государства» и использовался византийскими императорами для подчеркивания преемственности их власти от римских правителей. Кроме того, «царь» в славянской традиции являлся аналогом греческого «базилевс». Поэтому, применяя к себе титул «царя», правитель ВКЛ, и в частности Ольгерд, не только подчеркивал свой легитимный статус, но приравнивал себя к великим правителям Византии[5].

Царский титул во времена правления Ольгерда свидетельствовал о независимости правителя, его высоком международном статусе. Кроме того, царь, император, находился по положению выше, чем патриарх, который был вынужден считаться с его властью и волей. Поэтому со стороны правителя ВКЛ применять такую титулатуру по отношению к себе было действительно смело. Особенно если учесть

[1] Грамота литовского князя Ольгерда к патриарху Филофею. С. 805.

[2] *Голубев О. Е.* Великий князь литовский Ольгерд: князь или царь? С. 27–28.

[3] *Насевіч В. Л.* Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. Смаленск, 2015. С. 310.

[4] *Беспалов Р. А.* О письме Ольгерда патриарху Филофею // Древняя Русь. 2015. № 2 (60). С. 61.

[5] *Голубев О. Е.* Великий князь литовский Ольгерд: князь или царь? С. 30.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

то обстоятельство, что реальное венчание его на царство было невозможно в те времена по причине того, что он был язычником[1]. Вместе с тем нельзя не отметить, что Ольгерд неслучайно выбрал такое направление притязаний. Он использовал политическую терминологию, характерную для православных князей, и тот метаязык, те смысловые метафоры, которые были хорошо известны и понятны светской и церковной элите как православного населения ВКЛ, так и Московской Руси. Показательно, что в ряде поздних источников православное крещение приписывается самому Ольгерду. Он фигурирует в поминальном списке православных князей – Киевско-Печерском патерике, начатом в 1483 г., как крещенный в православную веру под именем Димитрий[2]. Чудовская повесть, созданная в конце XV в., утверждала, что будто бы перед смертью, по настоянию жены, Ольгерд принял православное крещение. Эти известия повторяют и другие поздние источники. Правда, ряд достоверных свидетельств эпохи не подтверждают эту версию, говоря, что князь жил и умер язычником. Однако нельзя не согласиться с В.Л. Носевичем в том, что сам факт рождения данной версии свидетельствует о том, что объединительная деятельность Ольгерда, во всяком случае на территории части Руси, воспринималась положительно и вызывала идеализацию воспоминаний о нем как «своем» властителе[3].

Витовт. Изображение начала XVI в.

Наиболее ярко стремление к идеологическому оформлению и обоснованию верховного суверенитета монарха проявилось в эпоху правления Витовта.

Главным доказательством желания князя не только соответствовать авторитету древних императоров Византийской им-

[1] *Голубев О. Е.* Великий князь литовский Ольгерд: князь или царь? С. 31.

[2] См. текст: Киево-Печерский патерик / подготовка текста Л.А. Ольшевский, пер. Л.А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. С. 296–495.

[3] *Насевіч В. Л.* Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. С. 311.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

перии, но и создать подобный образ в глазах современников необходимо считать «Похвалу Витовту», созданную еще при жизни правителя[1]. С самого начала произведения автор акцентирует внимание читателя на выдающихся способностях Витовта, приравнивая при этом правителя ВКЛ к цезарю, императору: *«Сии князь велики Витовт, бяше же ему дръжаще Великое Княжение Литовськое и Руское, иныи многыи земли, спроста реку вся Руская земля. Не токмо же Руская, но еще господарь Угоръскои земли, зовемыи цесарь римьскии, у великой любви живяще с нимь. <...> Некогда сущу тому славному господарю, бывшю ему у своем граде в Луцку у Великомь и послал послы свои королю угорьскому, цесарю римьскому, и повеле ему быти к собе. Он же беза всякого ослушания ускоре приехаль к нему и своею каролицею, и честь велику и дары многы подаваша имь; оттоле же в ниых утвердися велико любовь. Како не почюдимся чти великаго господаря, иж которыи земли на устоце или на западе приходяче поклоняються славному господарю, иж есть царь надо всею землею, и тои пришед поклонися славному царю великому князю Александру. Еще же и турецькии царь честь велику и дары многы подаваше»*[2].

Витовт представляется верховным правителем, равным римскому и византийскому императорам, обладателем и носителем абсолютной суверенной власти. Необходимо подчеркнуть, что данный образ государя ВКЛ сложился не сразу и во многом был обусловлен процессом христианизации. Можно даже говорить о том, что именно в период правления Витовта правитель ВКЛ обрел все черты государя, облаченного властью, данной традицией, богоизбранного и легитимного монарха. Но образ первых языческих правителей резко контрастировал с христианским правителем единого государства. И потребовалось почти двести лет, чтобы данный образ верховного правителя закрепился в исторической памяти и традиции.

Таким образом, представления о правителе и государстве на белорусских землях прошли длительную эволюцию, соединив в себе несколько традиций. На развитие политических институтов ВКЛ во многом оказали влияние византийские правовые традиции, сохранявшиеся на всем протяжении существования Древней Руси и пришедшие в новое государственное образование благодаря прочным традициям уважения «старины», существовавших на белорусских землях

[1] *Дзермант А.* Arcana Imperii Alias. Casus Lithvaniae // Сівер : альманах вялікай поўначы. Мн., 2013. С. 103.

[2] Слуцкая летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 75.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

к моменту создания нового государства. Тем не менее византийский, или, точнее, древнерусский компонент не был единственным среди факторов, оказавших влияние на эволюцию политической власти первых правителей ВКЛ. Значительную роль сыграли нормы и обычаи, существовавшие у литовских племен. Кроме того, нельзя недооценивать влияние западноевропейского (латинского) мира, который находился по соседству с формирующимся государственным образованием и, несомненно, внес свой вклад в построение того общества и того восприятия правителя и власти в целом, которое сложилось в ВКЛ к началу XV в.

На первом этапе существования ВКЛ государство являлось условным термином, появившимся, скорее всего, уже в более поздней летописной традиции. Более типичным для данного периода является понятие земли как владения правителя, как принадлежности подданного к той или иной этнической общности. Только во второй половине XIV – начале XV в. можно говорить о восприятии ВКЛ как государства с его политическими нормами, основанными на традиции.

Идентификация и самоидентификация правителя на белорусских землях в эпоху складывания ВКЛ

Одним из наиболее ярких средств, которые позволяют проследить место и роль правителя в обществе, является его титулатура, встречающаяся в летописных источниках и представляющая собой отражение мировосприятия его современников. Она является немаловажным фактором при исследовании вопроса о формировании государственности на определенной территории. Вместе с тем необходимо учитывать, что титул одного и того же правителя в нескольких источниках может отличаться. Поэтому при изучении подобного феномена можно отметить три типа титулатуры, анализ каждого из которых позволяет сложить мозаику представлений о монархе в единое целое. Так, можно выделить титул, который использовался монархом в документах его канцелярии, а значит, отражал его самоидентификацию; титул, который использовался в международной переписке по отношению к правителю, а значит, мог свидетельствовать о его международном признании, авторитете и т.п., а кроме того, титул, используемый в нарративных источниках и выражающий не только отношение к нему

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

социума, но и являющийся отражением социополитических условий, в которых он был создан[1].

На развитие государственности на белорусских землях в XIII–XIV вв. во многом оказали влияние экзогенные факторы, которые проявились как в организации управления, так и в языковых заимствованиях для обозначения более высокого политического ранга правителя и обоснования легитимности его правления. Термины, менявшиеся с течением времени и отличавшиеся на различных территориях, имеют немаловажное значение в исследовании политической структуры раннего государства. Эта тенденция характерна не только для Полоцкого княжества или ВКЛ, но и для других государственных образований на восточнославянских землях. Так, например, многие титулы происходили от германских, латинских или туранских терминов: русский «царь» – от римского «cesar», польский «krol» – от имени Карла Великого, «knyaz» – «князь» – от старогерманского «kuningaz», «дружина» – возможно, от готского «dringan»[2].

Необходимо учитывать и то, что в процессе государствообразования титулы правителей менялись, и в источниках разных стран и периодов они могли звучать по-разному. Наиболее традиционным титулом, встречающимся в отношении правителей белорусских земель в XIII в., является «князь», заимствованный, несомненно, с древнерусской традиции.

Обращаясь к титулатуре первых правителей будущего ВКЛ, сложившегося на литовско-белорусских землях, необходимо отметить, что первые упоминания о более или менее значимых литовских вождях относится к середине XIII в. Это могло свидетельствовать об ограниченности их власти и авторитета до указанного периода времени. О наличии князей на изучаемой территории в XII–XIII вв. указывал известный литовский историк Э. Гудавичюс, отмечая, что в данный период времени это были в первую очередь региональные правители, контролировавшие небольшие территории[3]. Но уже с начала XIII в. выделились «старшие» князья, которые играли значительную роль в политической и военной жизни формирующегося политического образования[4].

Правителем, чье имя связывают с образованием ВКЛ, является Миндовг, известный с первой четверти XIII в. как один из старших ли-

[1] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М.,1959. С. 30.
[2] *Андерсон П.* Переходы от античности к феодализму. М., 2007. С. 224.
[3] *Гудавичус Э.* История Литвы. С. 36.
[4] Там же. С. 43.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

товских князей и усиливший свое влияние к середине столетия. Одним из первых свидетельств о существовании и политической активности данного правителя является его упоминание в «Галицко-Волынской летописи», в списке старших «литовских князей»: *«Бѧхѫ ж[е] имена литов[ь]ских[ъ] кнѧзей се: стар[ь]шїй, Живиньбоуд[ъ], Довьѧтъ, Довьспроуйнк, брат[ъ] его Мидогъ, брат[ъ] Довьѧловъ Виликаиль»*[1]. Трудно сказать, как точно развивалась история его возвышения, но очевидно, что к 40-м гг. XIII в. Миндовг объединил под своим влиянием литовские земли и стал сильным правителем. Уже под 1244–1246 гг. «Ливонская рифмованная хроника», созданная в конце XIII в., называет Миндовга богатым великим князем литовским («*Myndowe, hoeste konic, der Littowen kunic rich*»)[2], что свидетельствует о консолидации обозначенных территорий, а также говорит об изменениях в структуре политического устройства. В 1251 г. для достижения своих амбициозных целей правитель принимает христианство по римскому образцу, а через два года коронуется. После этого события в европейских источниках он выступает уже как король Литвы[3]. Именно этот титул – «Милостью Божей король Литвы» («Dei gracia rex Letthowie») или «король литовцев» («rex Litwinorum») – можно встретить в документах его канцелярии в период с 1253 по 1261 г., а также в немецких хрониках[4].

Миндовг. *Иллюстрация из «Опыта описания Европейской Сарматии» Александра Гваньини*

Правда, существует ряд вопросов, касающихся канцелярии Миндовга. До сих пор нет четкой уверенности в том, была ли она при дворе правителя либо он пользовался сторонними услугами при необходимости. Но большинство исследователей сходятся во мнении, что при литовском князе могли находиться латинские монахи, которые вели переписку с представителями других

[1] Kronika halicko-wolynska (Kronika Romanowiczow). 2017. S. 71–72.

[2] Livländische Reimchronik.1844. S. 97.

[3] *Баранаускас Т.* Месца каранацыі Міндоўга // Спадчына. 2002. № 5–6. С. 26–31.

[4] *Adamus J.* O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń. S. 330; *Дзярновіч А. І.* АВ OVO: Што з'явілася спачатку – Вялікі князь Літоўскі ці Вялікае княства Літоўскае? С. 30

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

государств, а также составляли государственные акты[1]. Естественно, будучи знакомыми со структурой западноевропейской канцелярии, логично, что они могли вести документацию по ее образцу.

Обращаясь к хроникам, по которым можно проследить эволюцию титулатуры правителей будущего ВКЛ, необходимо отметить «Ливонскую рифмованную хронику». В частности, автор называет Миндовга «der Littouwen kunic rich Mindowen»[2]. Данная фраза – «richen kunec Myndouwen» – повторяется в источнике не один раз, хотя в подавляющем количестве случаев он все же называется хронистом просто «kunic Mindowe»[3]. Очевидно, что для хрониста большое значение имел не только высокий статус, который Миндовг занимал в политической иерархии литовского общества того времени, но и его материальное положение, которое, возможно, и позволило ему возвыситься среди других старших князей.

Здесь следует отметить, что для западноевропейских источников, особенно созданных на территории Немецкого Ордена, в принципе характерна западноевропейская титулатура в отношении правителей ВКЛ, которые называются ими «королями», в отличие от «великого князя», встречающегося в восточнославянском, а в частности – белорусско-литовском летописании. Так, польский историк первой половины XX в. Ян Адамус, а вслед за ним белорусский историк О.И. Дернович подчеркивали, что до Кревской унии в 1385 г. для литовских правителей в западноевропейских источниках был характерен титул «король литовцев», который соотносился с «великим князем» в восточнославянской традиции[4]. То есть они были синонимичны. С данным тезисом можно согласиться. Представители западноевропейского мира признавали понятный и принятый в их дипломатии королевский титул Миндовга и непосредственно таким образом обращались к нему в переписке. Так, римские папы Иннокентий IV и Александр IV обращались к литовскому правителю как к «наияснейшему королю Литвы» («illustri rege Lithowie / illustri rege Lethovie / illustri rege Lectovie»)[5]. Правда, как отмечалось выше, западноевропейский титул не смог утвердиться в отношении правителей литовско-белорусских зе-

[1] *Kosman M.* Orzeł i Pogon. S. 105; *Lowmianski H.* Z zagadmien spornych społeczeństwa litewskiego w wiekach srednich. S. 106.

[2] Livländische Reimchronik. 1844. S. 67.

[3] Там же. S. 94, 97.

[4] *Adamus J.* O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń. S. 321, 327; *Дзярновіч А. І.* АВ ОVO: Што з'явілася спачатку – Вялікі князь Літоўскі ці Вялікае княства Літоўскае? С. 31.

[5] Документы канцелярии Миндовга см.: Міндаў, кароль Літовіі, у дакумэнтах і сьведчаньнях = Mindowe, rex Lithowiae, in litteris et testimonies / пад рэд. А. Жлуткі. Мн., 2005.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

мель, и именно «князь» стал окончательным титулом, закрепившимся за правителем ВКЛ к началу XV в.[1]

Возвращаясь к Миндовгу, нужно подчеркнуть, что титул короля в обращении к нему встречается и до его официальной коронации, что может в очередной раз подчеркнуть аналогию между «князем» в восточнославянской традиции и «королем» в западноевропейской. Но крещение и принятие христианства, несомненно, способствовало его признанию со стороны европейского политического сообщества.

Именно в связи с крещением и коронацией он впервые упоминается в подавляющем большинстве источников. Это говорит о значимости данных событий в глазах европейского общества. Первым «королем земли литовцев» называется он и в «Описании земель» («Incipiunt Descriptiones Terrarum»), автор которого упоминал его в связи с принятием христианства и коронацией, на которой он присутствовал[2].

Упоминание о Миндовге можно также найти в письме Гедимина папе Иоанну XXII от 1322 г., в котором говорится о том, что его предшественник *«король Миндовг со всем своим королевством был обращен в христианскую веру»* («predecessor noster rex Myndowe cum toto suo regno ad fidem Christi fuit conversus»)[3].

Коронация Миндовга.
Иллюстрация из: Makauskas B. Lietuvos Istorija

[1] *Adamus J.* O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń. S.330, 332.

[2] Incipiunt Descriptiones Terrarum. S. 24; *Дзярновіч А. І.* АВ OVO: Што з'явілася спачатку – Вялікі князь Літоўскі ці Вялікае княства Літоўскае? С. 32.

[3] Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Gedimino laiškai / ed. by S. C. Rowell. Vilnius, 2003. S. 38.

Электронная библиотека МГУ имени А. А. Кулешова

Еще одним небезынтересным свидетельством, отображающим титулатуру первого правителя ВКЛ, являются грамоты Миндовга, возможно, подделанные крестоносцами ради своих интересов, так как согласно им король даровал Ордену часть земель ВКЛ. Тем не менее на печатях, скрепляющих копии документов 1392 и 1393 гг., имеются легенды «Миндовг, милостью Божией король Литвы» («MYNDOWE DEI GRA REX LETTOWIE» и «MYNDOUWE DEI GRA REX LITOWIE»)[1].

Что касается древнерусского летописания, то в «Галицко-Волынской летописи» Миндовг после коронации называется «великим князем»: *«великый кнѧз[ь] литов[ь]скый Мин[ь]довг ь, самодрь|жец[ь] быв[ъ] всей земли литов[ь]ской»*[2].

Подобная титулатура была характерна и для последующих правителей складывающегося ВКЛ в восточнославянской летописной традиции. Правда, до конца XIII в. литовско-белорусские земли раздирались внутренними противоречиями и борьбой за власть. Достаточной консолидации политический режим достиг при Витене, правившем в государстве предположительно с 1295 по 1316 г. Талантливый военачальник и достаточно успешный дипломат, он вошел в историю, описанную в европейских хрониках, как один из самых выдающихся правителей того времени, могущественный правитель Литвы. Примечательно, что в собственно белорусско-литовском летописании, его позиции отодвинуты назад, центральное место в данных источниках отдано Гедимину как настоящему основателю государственности на литовско-белорусских землях.

Одним из наиболее ранних нарративов, упоминающих Витеня, является «Старшая Оливская хроника». Упомянутый после 1310 г. в связи с походом на Пруссию, в ходе которого было убито «много верующих», он назван «rex Letwinorum nomine Vyten»[3]. Под пером хрониста Витень представлен достойным, сильным противником и выдающимся полководцем. Хронист показывает величественного предводителя, облаченного королевской властью. Такой образ «короля Витеня» был создан ливонцами неслучайно. Подобные характеристики типичны для многих латиноязычных сочинений. Так, в рифмованном труде ливонского автора Augustino Eucaedio «Aulaeum Dunaidum...», написанном на латинском языке в XVI в., Витень называется «во-

[1] Міндаў, кароль Літовіі, у дакумэнтах і сьведчаньнях = Mindowe, rex Lithowiae, in litteris et testimonies. С. 45.

[2] Kronika Halicko-Wolynska. 2017. S. 437.

[3] Die aeltere Chronik von Oliva. 1874. S. 606.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

енным лидером» и «героем Литвы» («Vithines belli doctor, Lituanius Heros»), а также «агрессором, атакующим соседние земли» («agressus Vithinem»)[1].

В «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга Витень также является первым литовским монархом, политике которого хронист уделил пристальное внимание, называя его «Витень, король Литвы» («Vithenus Rex Lethovia») и ставя, таким образом, по титулатуре, вровень с другими монархами Европы[2]. Знакомство с Витенем начинается с сообщения, датированного 1291 г. Король Литвы (вполне вероятно, что им был Пукувер) послал огромное войско на польские земли, причинив им огромный ущерб[3]. Участвовал в этом походе и сын его Витень. К слову, «Хроника земли Прусской» является единственным достоверным источником, упоминающим этого легендарного правителя ВКЛ.

Примечательным является описание событий 1294 г., когда Витень разорил Ленчицкую землю, захватив город. По словам хрониста, воины правителя убили более 400 человек, еще больше взяли в плен[4]. Но главное, предводитель Литвы представляется заклятым язычником, сжигающим костелы и творящим святотатства. Естественно, такое описание вполне соответствовало направленности текста нарратива, составленного хронистом Немецкого ордена. Вместе с тем практически аналогично данный поход описывается в «Хронике Литовской и Жемойтской». Витень, имея с собой 1800 воинов (а не 800, как это было в «Хронике» Петра из Дусбурга), *«тихо през лесы, в землю Ленчискую выедишь, кляшторы, костелы побурили, людей духовного и свецкаго стану, преложных и посполитых в неволю забрали, потым села и местечки огнем и мечем сплюндровали»*[5]. Возле Сохачева Витенем был дан бой войску князя Казимира. При этом великий князь по обычаю ехал впереди своей дружины, показывая пример своей храбростью. Таким образом, автор представляет его мужественным предводителем войска и талантливым полководцем.

На труд Петра из Дусбурга опирались многие немецкие историки последующих столетий. Но только титул его и образ уже соответствует политическим реалиям того времени. Так, в хронике Каспара

[1] *Eucaedius A*. Aulaeum Dunaidum… 342. S. 409, 411.

[2] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 163.

[3] Там же.

[4] Там же. S. 159.

[5] Хроника Литовская и Жемойтская // Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час. С. 434.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Шютца «Historia Rerum Prussicarum», изданной в Цербсте в 1592 г., автор называет Витеня «Великий князь Литовский Витень» («Littawen Großfurst Vithenes»)[1].

Уделяется внимание эпохе правления Витеня в «Хронике Ливонии», написанной во второй половине XIV в. членом Немецкого ордена, вестфальским священником Германом из Вартберга. Несмотря на то что имени Витеня в хронике нет, дается описание событий, произошедших в период его правления, а сам правитель называется «rex Letwinorum»[2].

Еще одним важным источником конца XIV – XV в. является написанная в рифмованной форме на средневерхненемецком языке «Новая прусская хроника» Виганда из Марбурга. Особое внимание автор уделил событиям 1311 г. – походу Витеня и его союзников русинов в земли Пруссии, сопровождающемуся грабежами и разорениями. Несмотря на негативную окраску событий, автор тем не менее называет его «королем литовцев» – «Wytan rex Lithwanorum»[3].

Небезынтересным трудом может также показаться работа юриста Немецкого ордена Лаврентия Блюменау «История Ордена Тевтонских крестоносцев» середины XV в., который также характеризовал Витеня как «свирепого» полководца, войной пошедшего на праведных христиан (то есть земли Пруссии). И вновь, несмотря на яркую отрицательную характеристику правителя ВКЛ, Блюменау не отрицает его высокого политического статуса, называя «королем»[4]. Подобное описание фигуры Витеня содержится и в «Хронике Пруссии» Симона Грюнау, написанной в первой четверти XVI в. Он также упоминает Витеня как одного из наиболее воинственных и активных правителей раннего периода существования ВКЛ и называет его «королем» («konig Witteno»)[5].

Таким образом, Витень представляет значительный интерес в глазах немецких хронистов XIV–XVI вв., являясь для них одной из наиболее ярких и могущественных фигур раннего периода существования ВКЛ. Примечательно, что зачастую он упоминается чаще, чем Гедимин или Миндовг. В подавляющем числе случаев его имя связано прежде всего с удачной и очень активной внешней политикой. Несмо-

[1] *Schütz C.* Historia Rerum Prussicarum. S. 56.

[2] *Hermann de Wartberge* Die Chronicon Livoniae. S. 56.

[3] *Wigand von Marburg* Nowa kronika pruska. 2017. S. 128.

[4] *Blumenau L.* Historia de ordine Theutonicorum cruciferorum // Scriptores rerum Prussicarum. 1870. B. 4. S. 113.

[5] *Grunau S.* Preussische Chronik. S. 454.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тря на то что христианские хронисты Ордена дают Витеню характеристику свирепого и коварного язычника, они не отрицают его мужества и успешной военной политики, а также признают его высокий статус правителя ВКЛ, называя при этом по западноевропейской традиции королем. Кроме того, для авторов немецких хроник был неоспоримым, на наш взгляд, и факт существования суверенной государственности ВКЛ в период его правления, которая могла быть сопоставима с иными европейскими государственными традициями.

Еще одной значимой фигурой в политической жизни раннего ВКЛ является Гедимин, которого называют родоначальником династии Гедиминовичей, основателем сложившегося государства ВКЛ, одним из сильнейших и наиболее успешных правителей первого этапа развития данного государства, с чьим именем связывают завершение процесса институционализации власти правителя.

Однако до сих пор остается открытым вопрос о причинах различий в представлении правителя летописцами и хронистами в белорусско-литовских и европейских, в частности польских и немецких, нарративных источниках. Если белорусско-литовские летописи действительно уделяют Гедимину значительное внимание, то в польской и немецкой нарративной традиции он зачастую практически игнорируется или упоминается наряду с другими правителями ВКЛ, никак особенно не выделяясь на их фоне. Более того, даже белорусско-литовские летописи отличаются неоднородностью отношения к Гедимину как к правителю. Различие четко прослеживается в первом и втором белорусско-литовском летописных сводах, что позволяет предположить определенную эволюцию воззрений на его статус и роль в становлении ВКЛ в зависимости от времени и контекста создания источников.

Объяснение данному феномену можно найти в политических реалиях, в условиях которых появилась та или иная наррация. Изучение белорусско-литовских сводов позволяет сделать вывод о том, что пристальное внимание к Гедимину не только как к родоначальнику династии Гедиминовичей, но как к великому политику и военачальнику начинает проявляться только с конца XVI в. Первые же сведения о нем как об основателе рода относятся только к эпохе правления Витовта.

Анализируя данные, содержащиеся в нарративных источниках, принадлежащих к белорусско-литовскому летописанию, можно обнаружить интересную закономерность.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Так, в «Никифоровской летописи» нет никаких сведений о Гедимине или его правлении[1], впрочем, как и в основной части «Супрасльской летописи»[2]. Первым значимым правителем ВКЛ, политике которого в данных источниках уделяется значительное внимание, является Ольгерд, упомянутый под 1350 г. в связи с отправкой его послов к великому князю Семену Ивановичу[3]. Тем не менее в «Летописце великих князей литовских», составной части «Супрасльской летописи» содержится запись о Гедимине как основателе княжеского рода: *«Великого князя Кедмина литовского было сынов 7: старейши Монвид, потомь Наримонт, Олигоръд, королев отець, потом Евнутеи, потом Кестути, отец великого князя Витовта, потом корнят, седмыи Люборт»*[4]. Аналогичные сведения можно найти в «Академической летописи», созданной предположительно в 30–40-е гг. XVI в. Как и два предыдущих нарративных источника, она не описывает деятельность Гедимина, а обращается только к политике Ольгерда[5].

Но уже в «Волынской краткой летописи», созданной предположительно в начале XVI в., прослеживается четко выраженное обращение к нему как к основателю династии. Несмотря на то что политике самого Гедимина не уделяется должного внимания, для источника характерно устойчивое определение его сыновей как «Гедиминовичей». Так, под 1377 г. содержится запись о смерти Ольгерда Гедиминовича, а под 1381 г. – об убийстве Кейстута Гедиминовича[6].

Кардинальные изменения в ситуации можно обнаружить с конца XVI в. Если в «Летописце Великого княжества Литовского и Жемойтского», размещенного в «Летописи Красинского», содержится запись[7], аналогичная с информацией «Супрасльской летописи», то уже в «Летописи Рачинского» внимание к Гедимину значительно расширено. В ней о великом князе говорится не только как о родоначальнике династии, но и как о великом дипломате и правителе, законно сидящем на престоле, проводящем активную и успешную политику: *«Будучы великому князю Кгидимину по смерти отца своего Витеня на Великом князстве Литовском, Руском и Жомойтском, и седечи на*

[1] Никифоровская летопись // ПСРЛ. 1980. Т. 35. С. 27–28.
[2] Супрасльская летопись // ПСРЛ. 1980. Т. 35. С. 45–46.
[3] Никифоровская летопись // ПСРЛ. 1980. Т. 35. С. 28; Супрасльская летопись // ПСРЛ. 1980. Т. 35. С. 46.
[4] Супрасльская летопись // ПСРЛ. 1980. Т. 35. С. 61.
[5] Академическая летопись // ПСРЛ. 1980. Т. 35. С. 103.
[6] Волынская краткая летопись // ПСРЛ. 1980. Т. 35. С. 120.
[7] Летопись Красинского // ПСРЛ. 1980. Т. 35. С. 132–133.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

стольцы отца своего на Кернове […] И кнежыл князь велики Кгидимин много лет на князстве Литовском, Руском и Жомоитском, и был справедливыи, и много вальк мевал, и завъжды зыскивал, и пановал фортунливе, оли ж до великое старости свое»[1]. Кроме того, именно в этом своде содержатся записи о его успешной военной политике, часть из которых носит явно легендарный и гларификационный характер – победах над Немецким орденом, взятии Владимира и изгнании князя Станислава из Киева, а также об основании им Трок и Вильно[2]. Необходимо отметить, что отныне он упоминается в белорусско-литовских летописях исключительно как правитель Литвы, «великий князь Литовский…».

Именно такая позиция характерна для Третьего белорусско-литовского свода[3]. Очевидно, что для летописцев, проживавших на территории ВКЛ в это время, было необходимым подчеркнуть легитимность статуса родоначальника династии правителей, а также показать его достойным властителем своего народа. И «Хроника Литовская и Жемойтская», и «Хроника Быховца» обращают внимание на законный статус Гедимина, акцентируя внимание на легитимности его правления[4]. В «Хронике Литовской и Жемойтской» Гедимин называется полноправным преемником Витеня, его сыном, воцарившимся на престоле после смерти отца и проводившим выдающуюся политику, направленную на усиление ВКЛ и расширение его границ: *«Гедимин, сын великого князя Витеня, сел на князстве отца своего Литовском, Жомойтском и Руском, а скоро осел на столицы»*[5]. Подчеркивается его легитимность и в упомянутой выше «Хронике Быховца»: *«Начало княжения великого князя Гедимина в княжестве Литовском. Стал Гедимин великим князем после смерти отца своего Витеня в Великом княжестве Литовском, Жемойтском и Русском» («Naczało kniażenia welikoho kniazia Gidymina na kniastwie Litowskom, Żmuydzkom y Ruskom. Buduczy welikomu kniaziu Gidyminu po smerty otca swoieho Witenia na Welikom kniazstwe Litowskom, Żomoyckom i Ruskom»)*[6].

[1] Летопись Рачинского // ПСРЛ. 1980. Т. 35. С. 151.

[2] Летопись Археологического общества // ПСРЛ. 1980. Т. 35. С. 96–97.

[3] ПСРЛ. 1980. Т.35. С. 199–200.

[4] Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного // ПСРЛ. 1975. Т. 32. С. 14; *Stryjkowski M*. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. 1; *Stryjkowski M*. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszyskiey Rusi Macieja Stryjkowskiego. Warszawa, 1985.

[5] Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного // ПСРЛ. 1975. Т. 32. С. 14.

[6] Там же. С. 23.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Вместе с тем в европейской, в частности польской, нарративной традиции Гедимин может называться узурпатором престола, а его политике зачастую не уделяется пристального внимания. Это находит отражение и в титулатуре правителя. Одной из причин такого различия может явиться версия о его происхождении, согласно которой Гедимин являлся не сыном или братом Витеня, получившим престол согласно принципу наследования после его смерти, а конюшим, завладевшим троном в результате заговора. Об этом, например, упоминали такие хронисты, как Ян Длугош[1] и Мартин Кромер[2]. Данная версия вполне логически вписывается в политические реалии того времени, связанные с необходимостью оспорить законность правящей в ВКЛ династии.

Большого внимания удостаивают Гедимина такие польские произведения, как «Описание Европейской Сарматии» Александра Гваньини или «Хроника Польская» Мартина Бельского[3]. Но и в них литовский правитель представляется пусть сильным, но коварным правителем, язычником, использующим религию в своих политических целях.

В целом можно отметить, что польские источники указанного периода достаточно критически относятся к языческим правителям Литвы, не желающим принять христианство. Вместе с тем они не оспаривают его статуса как правителя ВКЛ. Об этом свидетельствуют хотя бы сведения о женитьбе дочери Гедимина на сыне польского короля Локетка, Казимире III[4], о чем более подробно пойдет речь в следующей главе.

Очень интересную информацию по данному вопросу содержат хроники, созданные в XIV в. на территории Немецкого ордена, а также позднейшие немецкие нарративы. Одним из старейших источников подобного толка является «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга, написанная в 1326 г., то есть еще при жизни Гедимина.

---

[1] *Ioannis Dlugossii* Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Lib. 1–12. Varsaviae, 1964–2005. Польский перевод: Jana Długosza Roczniki, czyli Kroniki Sławnego Królestwa Polskiego, ks. 1–12. Warszawa, 1961–2006. Русский перевод: *Длугош Я.* История Польши; ред. Г. А. Стратановский. М., 1962. С. 216.

[2] *Cromeri Martini* De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basel, 1568.

[3] *Guagnini A*. Sarmatiae Europeae descriptio, quae Regnum Poloniae, Litvaniam, Samogitiam, Rvssiam, Massoviam, Prvssiam, Pomeraniam, Livoniam, et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. Spirae, 1581. S. 119; Kronika Polska *Marcina Bielskiego*. Sanok, 1856. T. 1.

[4] *Peter von Dusburg* Chronicon Terrae Prussiae // Scriptores Rerum Prussicarum. Bd. 1. Leipzig, 1861. S. 193; *Rowell S. C.* Lithuania Ascending: A Pagan Empire Within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994. P. 87.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Примечательно, что в отличие от предыдущих авторов данный хронист уделяет достаточно пристальное внимание политике правителя ВКЛ, называя Гедимина *«Gedeminum Regem Lethowinorum»*, и описывает, пусть и довольно сжато, основные вехи начального этапа его правления[1]. Особенно он подчеркивает желание Гедимина принять христианство, а также союз его с польским королем, достигнутый путем женитьбы сына Владислава Локетка на его дочери. Кроме того, выделяется и союз литовского правителя с Ригой, направленный на ослабление Немецкого ордена[2]. В «Хронике» говорится о том, что *«легаты послали официальных гонцов к Гедимину, королю литвинов, чтобы предложить ему дело, порученное им апостольским престолом, и тщательно разузнать, не собирается ли он с народом королевства своего принять благодать крещения, и, порвав с идолопоклонством, смиренно почитать имя Господа нашего Иисуса Христа»*[3].

Примечательно, что до XIV в. правители Литвы зачастую упоминаются хронистом без имени, а как, например, *«Rex Lethowinorum»* с привязкой к конкретному событию или дате, по которой можно сделать вывод о его принадлежности. Но уже начиная с Витеня Петр из Дусбурга уделяет больше внимания литовским монархам и их политике, что, несомненно, может говорить об усилении их влияния и консолидировании государства[4].

Необходимо еще раз отметить, что на труд Петра из Дусбурга опиралось множество более поздних хронистов и исследователей, а значит, именно эти данные были взяты за основу другими авторами.

К ранним источникам, упоминающим Гедимина, необходимо отнести упомянутую выше «Старшую Оливскую хронику», созданную в середине XIV в. и повествующую о событиях с 1190 по 1350 г. Так, хроника упоминает Витеня в связи с походом на Пруссию, называя его *«rex Letwinorum nomine Vyten»* и представляя сильным и могущественным противником Ордена[5]. А вот упоминания о Гедимине отсутствуют при описании событий, происходивших на соседних зем-

[1] *Peter von Dusburg* Chronicon Terrae Prussiae, in quo Ordinis Teutonici Origo, nec non Resab ejusdem Ordinis Magiftris ab An. MCCXXVI. usque An. MCCCXXVI; ed. Ch. Hartknoch. Francofurti, 1679. S. 386–387, 409; *Peter von Dusburg* Chronicon Terrae Prussiae.1861. S. 193.

[2] *Peter von Dusburg* Chronicon Terrae Prussiae.1861. S. 386–387, 409.

[3] Там же. S. 184.

[4] Там же. S. 156.

[5] Die aeltere Chronik von Oliva. 1874. S. 606.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лях в указанный период времени, равно как и описание Литвы эпохи его правления. Следующая информация о Литве относится только к 1345 г., в связи с походом рыцарей на литовские земли[1].

Важным источником является труд конца XIV – начала XV в. – «Новая прусская хроника», принадлежащий перу Виганда из Марбурга[2]. Описывая события, связанные с историей Литвы эпохи правления Гедимина, хронист называет последнего *«regis paganis»* и *«rex»*, подчеркивая его стремление проводить политику, направленную на борьбу с Орденом[3].

Нельзя не отметить, что автор хроники, упоминая Гедимина наряду с другими европейскими правителями и не отрицая факта его правления и власти, которой он обладал в обществе, лишает его титула «короля», наверняка, чтобы подчеркнуть его более низкий легитимный статус: *«Tres reges erant hostes ordinis, Lokut rex Polonie, Gedemyn Lithwanie paganus et rex Ungariae» («Три короля поочередно враждовали между собой – Локеток, король Польши, язычник Гедимин Литовский и король Венгрии»)*[4]. Вместе с тем при описании событий, связанных непосредственно с его политикой, титул «король» присутствует. Тем не менее сведений о нем категорически мало, и здесь, немногочисленные упоминания Гедимина носят скорее констатирующий характер.

Что касается более поздних хроник, созданных на территории Немецкого ордена, то они уделяют еще меньше внимания личности Гедимина. В работе конца XVI в. Каспара Шютца «История Древней Пруссии» есть сведения и по истории соседних земель, в частности ВКЛ, особенно периода правления Миндовга. Но в период правления Гедимина сам правитель практически не упоминается, а все события данного времени связаны лишь с обобщенным названием «Littawen», хотя и Витень, и Ольгерд не только упоминаются автором, но и записаны со всеми соответствующими титулами, в частности великого князя – *«Littawen Großfürst Vithenes», «Olgerdus Großfürst in Littawen»*[5]. Трудно сказать, с чем было связано такое желание историка обойти стороной личность Гедимина, ведь сам пери-

[1] Там же. S. 617.

[2] *Wigand von Marburg* Nowa kronika pruska. 2017. S. 28–31.

[3] Die Chronik *Wigands von Marburg* // SRP. Bd. 5. Leipzig, 1863. S. 471. См. новое издание: *Wigand von Marburg* Nowa kronika pruska. 2017. S. 150, 152.

[4] *Wigand von Marburg* Nowa kronika pruska. S. 156.

[5] *Schütz C.* Historia Rerum Prussicarum. Zerbst, 1592. S. 56, 74.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

од его правления описан достаточно подробно. Возможно, это было связано с жесткой политикой Гедимина, направленной на противостояние Немецкому ордену, либо с уже упомянутым дискуссионным вопросом о происхождении Гедимина, а значит, легитимностью его власти в качестве правителя.

Таким образом, хроники, созданные на территории Немецкого ордена, выделяют, прежде всего, именно Витеня в качестве могущественного правителя и военного агрессора. Фигура Гедимина же зачастую замалчивается или не освещается. Это, возможно, связано в том числе с вопросом легитимности его правления, являющимся крайне важным для европейских дипломатов и хронистов того времени.

В целом образ Гедимина в летописях и хрониках многогранен и неоднороден. Оценки литовского князя разнятся в зависимости от контекста источников, среды и времени их создания – пройдя путь от образа языческого правителя, обманом захватившего престол, до легитимного родоначальника династии, отважного и мудрого правителя, военачальника, дипломата. Разумеется, во многом это было связано со стремлением летописцев таким образом подчеркнуть легитимность правящей династии, а также обосновать ее притязания на великокняжеский престол, равно как и доказать древность принципа престолонаследия в ВКЛ.

Сегодня образ Гедимина неотделим от национальной мифологии и исторического нарратива современных белорусской и литовской наций. Преемственность между наррацией Третьего белорусско-литовского свода, созданного в конце XVI в., а также современным «прочтением» его в качестве национального героя в белорусском и литовском гуманитарном дискурсе и повседневности, представляется очевидной.

Портрет Гедимина.
Портретная галерея замка Красицких в Красичине. Фото автора

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Кроме того, нельзя не обратить внимание на такой тип источников, как дипломатическая переписка, которая зачастую служила основой для создания хроник более позднего периода.

Одним из таких документов может служить грамота рижского совета к Гедимину от 24 ноября 1322 г., в которой говорится о необходимости заключить мир с Тевтонским орденом при участии совета. В документе Гедимин называется литовским правителем по Божьей благодати, а также братом и преемником Витеня: *«Illustri principi, domino Gedemynde, Dei gratia Lethwinorum Ruthenorumque regi, consules civitatis Rigensis salutem in Domino. Noveritis, nos litteram vestram breviter destinatam ecepisse, in qua percepimus, quod pacem et treugas nobiscum contrahere essetis parati, eicut Vithene, bonae memoriae frater vester et antecessor...»*[1]. В то же время необходимо принимать во внимание заинтересованность рижан в подобном союзе, а значит, возможное написание подобного послания с целью подчеркнуть почтение и признание будущего союзника как полноправного суверена.

В актах, написанных от его имени, он часто упоминается как «король литовцев и русинов» *(«Lethwinorum Ruthenorumque rex»*[2] (1323 г.); *«Lethowinorum Ruthenorumque rex»* (1325 г.)[3]. Хотя в титуле также встречается термин *«dux»* («правитель»): *«rex sive dux eidem Litwanie – prefatus dux»*[4]. Правда, ведение канцелярии Гедимина по латинскому образцу, а также использование западноевропейской титулатуры с большой долей вероятности можно объяснить тем, что в канцелярии великого князя служили францисканские и доминиканские монахи, которые вели документооборот привычным и хорошо знакомым для себя образом. Что касается обратного обращения, то к Гедимину часто обращались как к «правителю литовцев и русинов» (*«Ulustri principi domino Gedemynde Dei gratia Lethwinorum Ruthenorumque regi»* – «Послание Рижской городской думы», 1322 г.)[5]. В не-

[1] Перевод: *«Прославленный властелин, господин Гедимин, по милости Божией правитель Литвы и Руси, старейшинам города Риги с приветствием в Господе. Да будет Вам известно, что мы получили Ваше краткое письмо, из которого узнали, что Вы готовы заключить договор о перемирии и мире, во имя вечной памяти Витеня – вашего брата и предшественника...».* См.: Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Gedimino laiškai. 2003. S. 34.

[2] Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Gedimino laiškai. 2003. S. 46.

[3] Там же. S. 107.

[4] Там же. S. 92.

[5] Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Gedimino laiškai. 2003. S. 42.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

мецко- и латиноязычной корреспонденции Гедимин часто встречается и просто как «король литовцев» или «правитель литовцев» *(«konig van Lettouen»* (1323 г.), *«Regis Letwinorum»* (1324 г.)[1].

Анализ текста хроник и документов позволяет сделать вывод о том, что европейские хронисты пользовались принятой в их политическом сообществе титулатурой в отношении князей ВКЛ, и титул «король» в этих источниках является синонимичным восточнославянскому термину «великий князь». Но к концу XIV – началу XV в. ситуация меняется. Правители данного государства в западноевропейских хрониках получают принятый в восточнославянской традиции титул «великого князя литовского»[2].

Правда, необходимо подчеркнуть, что даже в восточнославянской летописной традиции термин «великий князь» в отношении правителей ВКЛ использовался не всегда и также мог замещаться. Во многом конкретная титулатура зависела от обстоятельств, в которых создавался тот или иной источник. Так, в «Супрасльской летописи» под 1350 г. автор упоминает послов, присланных *«от литовсъского князя Олирда къ великому князю Семену Ивановичу со многими дарами, прося мира и живота своей братьи»*[3]. Через два года *«князь великыи Семень Ивановичь поиде ратию к Смоленску, и доиде до Вышегорода, ту стретоша послеве литовъского князя Олгирда о миру о Смоленску князи. Князь же велики Семень не остави Олгирдовы прозбы, послы его отпусти со честию...»*[4]. Из этого отрывка очевидно, что, несмотря на то что литовский князь Ольгерд, несомненно, пользовался авторитетом в глазах смоленского князя, в задачу летописца входило показать превосходство христианского правителя. Именно поэтому он подчеркивает его титул «великого князя», оставляя литовскому правителю княжеский титул. Тем не менее уже начиная с Ягайлы литовские правители удостаиваются под пером летописца более высокого статуса «великого князя», что напрямую связано в мировосприятии книжника с принятием ими христианства: *«... Князь великыи Ягайло Олгирдовичь литовъскыи ехаль женитися во Угорскую землю ко королю, и тамо женивъся и крестивъся в латинскую веру. Оттоле Литва крестися в латыньску веру»*[5].

[1] Там же. S. 62.
[2] *Adamus J.* O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń. S. 330.
[3] Супрасльская летопись // ПСРЛ. 1980. Т. 35. С. 47.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 51.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Во время правления Витовта титул «великого князя» был монополизирован. Кроме того, именно при нем произошло изменение административно-политической структуры ВКЛ, а самого правителя оправданно называют олицетворением сложившейся монархии в ВКЛ. В течение 1392–1395 гг. были ликвидированы удельные владения Ольгердовичей, сведенных со своих княжений: Дмитрий-Корибута – из Новгородка, Свидригайло – из Витебска, Скиргайло – из Полоцка и Менска, Федора Любартовича – из Владимира Волынского и Новгорода-Северского, Владимира Ольгердовича – из Киева. После смерти его соперника, Скиргайлы, Витовту удалось сконцентрировать всю власть в своих руках и он начал именоваться «великим князем»[1]. Так, в «Супрасльской летописи» говорится, что *«жениться князь великы Василеи Дмитреивичь, поня за себе дыщерь Витовтову, князя великого Витовта, Софиею»*[2]. Более того, данный титул закрепляется и в европейской нарративной традиции.

Все вышеперечисленное позволяет говорить не только о завершении процесса складывания государства, формирования стройной системы легитимизации правителя, но и признании самого ВКЛ с его «традицией» со стороны соседних государств. Уже к концу XIV – началу XV в. можно говорить также об установленном представлении о правителе ВКЛ, основанном на традиции[3].

Неразрывно было связано представление о правителе и с понятием «государь» (или «господарь»), также встречающемся в летописных источниках. Данный титул связан с древнерусским наследием, сохраненным правителями белорусских княжеств в XIII в. и прослеживающимся в политической традиции ВКЛ к началу XV в. Слово «господарь» в древнерусском языке означало «хозяин, владелец»[4]. А. Золтан высказал предположение о том, что на появление этого титула повлиял синтез славянских и латинских языков и дипломатических традиций, а его самого можно рассматривать как перевод латинского термина «dominus» – «хозяин, господин», пришедшего

[1] *Полехов С. В.* Литовская Русь в XV в.: единая или разделенная? : (на материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром) // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. – С. 74.

[2] Супрасльская летопись // ПСРЛ. 1980. Т. 35. С. 51.

[3] *Кром М. М.* «Старина» как категория средневекового менталитета (по материалам Великого княжества Литовского XIV – начала XVII вв.). С. 70.

[4] *Воронин В. А.* Термины, использовавшиеся для обозначения понятия «государство» в Великом княжестве Литовском в XIV – XVI вв. 2015. С. 241.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

из западноевропейской канцелярии и ассимилированного местными правителями[1].

С XIV в. термин «господарь» в ВКЛ стал обозначать титул монарха[2]. Считается, что употребление слова «господарь» как перевод латинского «dominus» в титулатуре великих князей литовских имело галицко-волынское происхождение и пришло в дипломатический язык ВКЛ в результате соединения литовской канцелярии с польской во время правления Ягайло. Так, подобный термин можно найти в его жалованной грамоте Скиргайле на Трокское, Менское и Полоцкое княжения от 1387 г.: *«Владисла, Б(ож)ье м(и)л(о)сти король полскии, литовски, руски, иных земль г(о)с(по)д(а)рь»*[3], что также соотвествует латиноязычной грамоте, изданной от его же лица в 1415 г.: *«Nos Vladislaus, Rex Poloniae ac Lithvaniae, Russiae et aliarum plurimarum terrarum Dominus»*[4]. Сохранилась данная тенденция и после передачи власти в Литве Витовту. Хотя он сохранял за собой титул великого князя и именно такой титул встречается в русских грамотах и источниках, в грамотах, вышедших из его канцелярии также добавляется титул и «господаря»: *«... по смерти нашего великого князя Витовта. Не искати ми иных господаревъ мимо наше милого господаря кроля Владислава Польского»* или *«князь велики Витовтъ литовьскии, наш господарь»*[5]. Тем не менее изучение «Похвалы Витовту» показывает, что термин «господарь» мог применяться не только в отношении великих князей, но и монархов в целом: *«Таину цареву таити добро есть, а дела великого господаря поведати добро же есть. Хочю вамь поведати о великомь князи Олександре Витовтъ литовскомь и руськомьб иных многих земли господари. ...Сии князь велики Витовт, бяше же ему дръжаще великое княжение Литовьское и Руское, иныи многыи земли, спроста реку вся Руская земля. Не токмо же русская, но еще господарь Угоръской земли, зовемый цесарь римьскии у великой любви живяще с нимь...»*[6]. Кроме того, именно с эпохи правления Витовта, который стоял во главе ВКЛ на протяжении длительного времени, на-

[1] *Золтан А.* К предыстории русского «государь» // Из истории русской культуры / сост.: А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. Т. 2. С. 560–561.

[2] *Воронин В. А.* Термины, использовавшиеся для обозначения понятия «государство» в Великом княжестве Литовском в XIV – XVI вв. 2015. С. 241.

[3] ПГ. 2015. Т. 1. С. 82.

[4] Supplementum ad Historica Russiae monumenta. 1848. № CLXV. S. 454. См. также: *Золтан А.* К предыстории русского «государь». С. 568.

[5] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. №10. С. 6. О термине «господарь» в эпоху Витовта см. также: *Золтан А.* К предыстории русского «государь». С. 570–571.

[6] Слуцкая летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 75.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

чинается проникновение термина «господарь» и в великорусские документы. О незавершенности процесса институционализации власти и ее титулатуры в ВКЛ до эпохи правления Витовта, кроме того, может свидетельствовать постоянная борьба за власть, а также диархия – совместное правление Ольгерда и Кейстута[1].

Таким образом, очевидно, что самоидентификация правителя ВКЛ как единоличного монарха сложилась не сразу. Общепринятый в современной историографии титул «великий князь» в отношении верховного правителя ВКЛ прошел долгий путь эволюции. На первых этапах существования данного государственного образования можно говорить о параллельном использовании титулов «король» и «великий князь» в зависимости от конкретной летописной традиции или канцелярии. Только в начале XV в., после посажения Витовта на великокняжеский престол, начинается полномасштабное восприятие правителя ВКЛ как единоличного монарха, закрепляется термин «великий князь», отражающий не только его самоидентификацию, но, что более важно, его идентификацию в качестве легитимной в обеих летописных традициях – восточнославянской и западноевропейской, православной и католической.

Полоцкое княжество и Литва в XIII – первой трети XV в.

Полоцк всегда занимал особое место в истории белорусских земель. К сожалению, события XII – начала XIII в. ослабили Полоцкое княжество, отодвинув его на второй план на политической арене. До наших дней дошло мало достоверных сведений о данной политии и ее правителях в XIII в. Территория Руси к этому времени представляла собой конгломерат разрозненных княжеств, теряющих свои территории и могущество. Тем не менее данные летописей указывают на то, что даже в смутное время Полоцк представлял собой особое образование, характеризуемое большой политической силой и авторитетом, сохранившимся даже после образования ВКЛ.

В контексте данного исследования видится целесообразным рассмотреть феномен Полоцка в эпоху складывания ВКЛ, а также проанализировать роль его правителей в иерархии великокняжеской власти.

[1] *Бохан Ю.* Ваяры Грунвальдскай бітвы. 2010. С. 26.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Для полного понимания процессов, имевших место в Полоцкой земле во время ее вхождения ВКЛ, необходимо обратить внимание на предыдущее столетие и проанализировать, как развивались взаимоотношения между Полоцком и Литвой накануне создания нового государства. Известно, что такие контакты существовали на протяжении длительного времени.

Еще с середины XII в. полоцкие князья привлекали литовцев для совместных походов[1]. Правители княжества обладали значительным авторитетом в глазах европейского сообщества. Так, одним из информативных источников в контексте анализа роли полоцких правителей и эволюции их взаимоотношений с будущими правителями Литвы накануне образования ВКЛ является «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского (лат. «Heinrici Cronicon Lyvoniae»)[2]. При этом наиболее яркой фигурой указанного времени является полоцкий князь Владимир, личности которого автор уделяет большое внимание, характеризуя его как мудрого и справедливого правителя, талантливого полководца.

Под 1206 г. хронист рассказывает о том, что епископ, *«желая снискать дружбу и расположение Владимира, короля полоцкого, какие тот проявлял к его предшественнику, епископу Мейнарду, послал ему через аббата Теодериха боевого коня с вооружением, но по дороге литовцы-разбойники ограбили аббата»*[3]. Данная фраза свидетельствует об авторитете, который имел полоцкий правитель в глазах европейского христианского сообщества. Как видно, в тексте подчеркивается высокий статус полоцкого князя, в отношении которого хронист применяет европейскую королевскую титулатуру. С точки зрения Генриха Латвийского, статус полоцкого сюзерена равен статусу западноевропейских монархов – сюзеренов – королей.

Кроме того, в источнике содержатся красноречивые свидетельства о данической зависимости ливов от Полоцка. Особенно показательно в данном случае описание визита в Полоцк епископа и его людей на переговоры с князем Владимиром. Немцы, вступив в город, застали там ливов, тайно посланных их старейшинами, *«которые, стараясь склонить короля к изгнанию тевтонов из Ливонии, в льстивых и лживых словах сообщали ему все, что только могли коварно*

[1] *Александров Д. Н.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. 1994. С. 18.

[2] *Lettus Henricus* Livländische Chronik. 1853. Перевод здесь и далее по: *Генрих Латвийский* Хроника Ливонии // Славянские хроники. Походы, битвы, знать Древней Руси до 1240 года. 1996. С. 196–321. См. также русскоязычное изд. с коммент.: *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии / редкол.: С. А. Аннинский [и др.]. 1938.

[3] *Lettus Henricus* Livländische Chronik. 1853. S. 95.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

придумать или сказать против епископа и его людей... Относясь к их словам с излишней доверчивостью, король велел всем находящимся в его королевстве как можно скорее готовиться к походу, чтобы, взяв необходимое на дорогу, на корабле или на плотах из бревен по течению реки Двины быстро и удобно подойти к Риге. Оттого и вышло так, что тевтонские послы, не зная ни о внушениях ливов, ни о намерениях короля, получили приказ явиться пред лицо короля, а там их, при ливах, спросили, какова причина их прихода. Они объяснили, что пришли ради мира и дружбы, а в это время ливы наоборот заявили, что тевтоны и не хотят и не соблюдают мира»[1].

Из контекста источника очевидно, что полоцкие князья в данное время выступали в военных походах на стороне ливов, оказывая им покровительство как своим данникам. В подтверждение этому можно привести следующую фразу из хроники: *«Позднее кое-кто из ливов, упорствуя в коварстве, известили короля полоцкого через гонцов об уроне, понесенном своими, и просили придти на помощь им против тевтонов, пользуясь в особенности временем, пока в Риге оставалось немного людей, а другие уехали с епископом. Слушаясь их зова и советов, король собрал войско со всех концов своего королевства, а также от соседних королей, своих друзей, и с великой храбростью спустился вниз по Двине на корабле. При высадке у Икесколы многие из них были ранены балистариями рыцаря Конрада...»*[2].

После поражения в сражении в 1208 г. *«король послал великому королю Владимиру лучших тевтонских коней, баллисты, панцири и тому подобное, а вместе с тем просил и советовал собрать войско как можно скорее и идти брать Ригу, где, сообщал он, осталось мало народу, причем лучшие убиты им, а прочие ушли с епископом. Услышав об этом, Владимир с излишней доверчивостью созывает всех своих друзей и людей своего королевства»*[3]. Между тем епископ, узнав о событиях, произошедших в Риге, созвал снова войско, состоящее частично из собственных сил, частично из наемников, и вернулся туда, чтобы *«стать стеной за дом господень». «Когда русские услышали, что тевтоны и ливы собрались в Риге, они, боясь за себя и за свой замок, зная, что поступили дурно, и не смея дожидаться прихода рижан в замке, собрали свое имущество, поделили между собой коней*

[1] *Lettus Henricus* Livländische Chronik. 1853. S. 96. Здесь и далее русскоязычная версия (перевод) хроники по: *Генрих Латвийский* Хроника Ливонии / введ., пер. и ком. С. А. Аннинского. 1938.

[2] Там же. S. 103.

[3] Там же. S. 112.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

и оружие тевтонов, подожгли замок Кукенойс и побежали каждый своей дорогой»[1].

Разумеется, автор хроники имел свои цели при описании данных событий. В частности, он хотел показать, что ливонская церковь в те времена находилась среди большого количества языческих племен и, как следствие, терпела немало бедствий, так как все они имели одну цель, а именно – ее уничтожение. Тем не менее уважительное отношение, которое хронист проявляет к полоцкому правителю, можно объяснить господством христианства на белорусских землях, а значит – и признание легитимности князя Полоцка как христианского правителя.

В этой связи вполне логично рассмотреть следующее сообщение Генриха Латвийского, согласно которому *«Арнольд, брат-рыцарь, был послан с товарищами к королю полоцкому узнать, не согласится ли он на мир и не откроет ли рижским купцам доступ в свои владения»*[2]. Князь Владимир, принимая их, высказал радость по поводу мира и успокоения, а также послал с ними в Ригу Лудольфа, по всей видимости, знатного представителя смоленского нобилитета, чтобы обсудить ряд важных политических и экономических вопросов: *«Когда они прибыли в Ригу и изложили желание короля, рижане согласились, и тогда в первый раз был заключен вечный мир между ними и королем, с тем однако, чтобы королю ежегодно платилась должная дань ливами или за них епископом»*[3]. Разумеется, что достигнуто данное соглашение было не только для обеспечения мира на данных землях, но было обусловлено более глубокими дипломатическими интересами.

Так, из этой же хроники следует, что полоцкий король *«послал епископу приглашение прибыть для свидания с ним у Герцикэ, чтобы дать ответ о ливах, бывших данниках короля; чтобы тут же совместно договориться о безопасном плавании купцов по Двине и, возобновив мир, тем легче противостоять литовцам. Во время переговоров две стороны обсуждали не только экономические и дипломатические вопросы, но также проблему христианизации ливов. Епископ, взяв с собой своих людей и короля Владимира, с братьями- рыцарями и старейшинами ливов и лэттов, отправился навстречу королю. С ним шли и купцы на своих кораблях, причем все надели доспехи, остерегаясь литовских засад по обоим берегам Двины»*[4].

[1] *Lettus Henricus* Livländische Chronik. 1853. S. 112.
[2] Там же. S. 137.
[3] Там же. S. 158.
[4] Там же. S. 180.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Данная цитата позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые совместные походы, вызванные общими военно-политическими целями, к началу XIII в. литовцы представляли значительную угрозу не только для Ордена, но и для самого Полоцка. Насколько видно из текста хроники, Полоцк и Орден видели необходимость в соединении сил для совместного противостояния воинственным соседям. Таким образом, вероятно, что в первые десятилетия указанного столетия между Полоцком и Литвой не было никаких договорных отношений, а их военные миссии носили скорее ситуативный характер[1]. Более того, источник красноречиво свидетельствует о боевых столкновениях между дружиной полоцкого князя и литовскими отрядами. Вместе с тем обращает на себя внимание высокий статус, который получает правитель Полоцка со стороны немецкого хрониста. Последний ставит его на равную ступень с другими европейскими монархами, таким образом полностью признавая легитимность правления полоцкого князя и суверенность самого княжения.

Тем не менее полного консенсуса в дипломатических переговорах с епископом Ордена достичь не удалось. В частности, по таким вопросам, как традиционный сбор дани с ливов в пользу Полоцка. Именно поэтому четыре года спустя полоцкий князь Владимир в союзе с литовцами предпринял поход на Ригу. Хронист сообщает, что 10 апреля 1216 г. эсты послали Владимиру просьбу принять участие в походе на Ригу: *«И понравился королю замысел вероломных, так как он всегда стремился разорить ливонскую церковь, и послал он в Руссию и Литву и созвал большое войско из русских и литовцев»*[2]. Как известно, когда уже было все готово к походу, князь Владимир внезапно умер. Коалиционное войско разошлось, поход так и не состоялся.

Весьма показательны в этом отношении сведения источника о том, что именно князь Владимир выступал инициатором создания совместных союзных сил, состоящих из его дружины, восточных славян-полочан, а также балтов-литовцев. Это, несомненно, может означать то, что он обладал не только высоким международным авторитетом и статусом суверенного правителя, но и проводил довольно активную внешнюю политику.

[1] *Заяц Ю.* История белорусских земель X – 1-й пол. XIII в. в отображении летописей и хроник ВКЛ // Праблемы беларускай гістарыяграфіі, крыніцазнаўства і археаграфіі. Мн., 1997. С. 224–225.

[2] *Lettus Henricus* Livländische Chronik. S. 180.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Таким образом, в начале XIII в. Полоцк в немецких хрониках видится более значимой и организованной силой, чем литовцы[1]. Кроме того, он имеет сильного правителя, настоящего предводителя, «господаря» своей земли. Литовцы же представляют скорее разрозненные военные отряды, нанимаемые время от времени для совершения военных походов полоцким князем. Полоцкое княжество под пером хрониста рисуется как сильное государство, которое благодаря своей военной мощи и городам-колониям на территории Латвии контролирует значительную часть балтских земель. Правители Полоцкой земли имеют авторитет, в том числе и международный, и с ними не могут не считаться соседи.

Но к середине XIII в. ситуация коренным образом изменилась. Внезапная смерть Владимира в 1216 г. вызвала очередную борьбу за полоцкий престол и, как следствие, ослабление его позиций. В 1223 г. Полоцк был захвачен смолянами («*генваря въ 17, при князе Борисе и Глебе*»), и там, скорее всего, стал княжить старший сын Мстислава-Бориса Старого – Святослав Мстиславич[2]. Во всяком случае именно он с полочанами захватил Полоцк в 1232 г.[3] Учитывая тот факт, что смоленские, владимиро-суздальские и витебские князья находились в тесных родственных связях, А. Кузьмин предположил, что князья Борис и Глеб могли являться представителями другой линии полоцких князей – минской или друцкой[4].

30-е гг. XIII в. можно охарактеризовать относительной стабильностью в политической жизни Полоцка, что было связано с посажением на престол Брячислава около 1232 г. В это время летописи больше не фиксируют междуусобиц. Хотя Полоцк на некоторое время вообще практически исчезает с их страниц[5].

С 1240-х гг. князья литовского происхождения все чаще находились на княжеском престоле в Полоцке. 60-е гг. XIII в. характеризовались определенной политической нестабильностью, а также попытками включить Полоцк в борьбу за власть в формирующемся государстве.

---

[1] *Володихин Д. М.* Еще раз о княжеской власти в средневековом Полоцке // Вопр. истории. 2000. № 4–5. С. 173–174.

[2] Новгородская летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. 1950. Т. 3. С. 263; *Кузьмин А. В.* Правители Полоцкой земли во второй половине XII – начале XIV века : (актуальные проблемы хронологии и генеалогии) // Ломоносов-2003 : материалы Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых по фундамент. наукам / под ред. В. Н. Сидоренко. М., 2003. С. 5–14.

[3] Новгородская летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. 1950. Т. 3. С. 72.

[4] *Кузьмин А. В.* Правители Полоцкой земли во второй половине XII – начале XIV века. С. 5–14.

[5] Там же.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Во время борьбы Миндовга за власть в Литве, а также во время его правления князем Полоцка с некоторыми перерывами является Товтивил. Он упоминается как князь Полоцкий в 1262 г., но можно предположить, что он впервые занял эту должность раньше, около 1248 г.

Наверняка его призвание туда не было случайным. Полоцк, который к тому времени потерял Нижнее Подвинье, ощущал свое ослабление и был вынужден укреплять свои позиции в новом государстве. Поэтому полочане взяли себе Товтивила, который в случае захвата им Литвы также мог стать законным правителем. Важное значение имел также тот факт, что Товтивил имел значительное влияние в Литве. Призвав Товтивила князем, Полоцк получал его военную поддержку. Об этом может свидетельствовать поход полочан совместно с Литвой на Смоленск или совместный поход под Юрьев для помощи Новгороду и Пскову[1]. Кроме того, Товтивил стал союзником Войшелка, который после убийства Миндовга имел претензии на литовский престол.

Однако данный союз мог вызывать опасения у Тройняты, который занял престол после заговора. Он не мог чувствовать себя спокойно, зная, что в Полоцке и Новогрудке правят Товтивил и Войшелк – претенденты на Литву. Поэтому очевидно, что он решил расправиться с ними. Однако Товтивил, которого он вызвал якобы для передела наследия Миндовга и которого он собирался убить, прибыл с той же целью – избавиться от своего противника[2]. Неслучайно его сопровождал целый «полк» полоцких бояр, которые, несомненно, ощущали всю серьезность момента. Однако из-за предательства своего боярина Прокопа Товтивил был убит Тройнятой[3]. Бояре были захвачены в плен, и, чтобы освободить их, Полоцк был вынужден принять ставленника Тройняты. Сын Товтивила со своей дружиной нашел убежище в Новгороде. Это означало, что Полоцк проиграл эту битву за Литву, хотя окончательно уничтожен не был[4].

Войшелк, который пришел к власти в ВКЛ, начал расправу над кровными врагами. Это принудило часть литовских князей, в том числе Довмонта, с дружинами бежать в Псков. Последний фигурировал в заговоре против Миндовга. Он получил псковский престол в 1266 г. Его недовольство и агрессивную политику против Полоцка можно

[1] Древняя Беларусь. С. 322; НПЛ. С. 24.
[2] Ипатьевская летопись. С. 860–861.
[3] Там же. С. 861.
[4] Старажытная Беларусь. С. 323.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

объяснить тем, что Войшелк передал Нальшаны Герденю, в то время как Довмонт сам на них претендовал.

Гораздо меньше сведений о Полоцке данного периода времени можно найти в европейских источниках. После нашествия монгольских туменов Бату-Хана на первый план в хрониках выдвигаются литовцы и их правители. После 1250 г. первоочередное внимание хронистами уделяется уже Миндовгу, в конце XIII в. – Витеню[1]. Полоцк как самостоятельный политический субъект исчезает со страниц западноевропейских хроник. Так, в «Ливонской рифмованной хронике» сведения о Полоцке второй половины XIII в. относятся только к 1264 г.[2]

Кроме того, ценнейшим памятником, который позволяет проследить историю взаимоотношений Полоцка и Литвы середины – конца XIII в., а также сделать вывод о статусе полоцких правителей, являются так называемые «Полоцкие грамоты»[3]. С помощью содержащихся в них документов можно в значительной мере изучить положение полоцких правителей по отношению к центральной власти складывающегося государства, а также проследить главные направления развития Полоцка в данный период времени.

Так, в грамоте Герденя от 1263 г. о его договоре с магистром Конрадом фон Мандерном и городами Ригой, Полоцком и Витебском Полоцк показан важным политическим субъектом. И, несмотря на то что и Полоцк, и Витебск признают верховный сюзеренитет Герденя над данными образованиями, налицо их большая политическая самостоятельность[4]. Правда, Гердень не называет по имени ни полоцкого, ни витебского князей, что может означать их отсутствие. Кроме того, до сих пор в историографии нет единого мнения, являлся ли Гердень на самом деле полоцким князем в это время или нет. Высказывается также предположение о том, что между 1264 и 1267 г. в разное время в Полоцке могли княжить и Гердень, и Изяслав. В то же время подчеркивалось значение самого города как некой важной силы, а сама Полоцкая земля названа Русской землей: *«Верху того, про ту пакость, што сѧ в ро|змирьи створило, какъ имъ wт wбою сторону wтсту|пити, што Рускаѧ землѧ словеть Полочькаѧ, wт тое зе|мли местерю и брат(ь) и его wтступит(и) с всею правдою»*[5]. Интересно, что Полоцкая земля

[1] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 178.
[2] Ливонская старшая рифмованная хроника. С. 14.
[3] ПГ. 2015. Т. 1, 2.
[4] ПГ. Т. 2. С. 9.
[5] ПГ. Т. 1. С. 58.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

выступает как территориальная целостность, подчеркивается, что ее владения неприкосновенны для Ордена[1].

Сохраняется данная традиция и в начале XIV в. В послании великого князя Гедимина «дерптскому епископу, наместнику г. Ревеля, совету Риги ...» от 1325 г. содержится жалоба на разорение земель государства, причиняемые Орденом. Полоцкая же земля выделяется в отдельную административную единицу, имеющую четкие территориальные границы: *«Item terram Ploscensem hostiliter vasta|verunt, hominess et equos rapientes deduxerunt…»* (*«Далее, они вражески разорили Полоцкую землю, захватили и увели людей и коней...»*)[2].

После убийства Товтивила в Полоцке стал княжить упомянутый ранее Гердень. Именно он фигирирует в документах 1264 г. Так, Гердень выступает посредником при заключении договора между ливонским магистром и Ригой, с одной стороны, и Полоцком и Витебском – с другой: «*Кнѧз(ь) Гердень кланѧетьс(ѧ) всем темь, кто видить сую | грамот(у) …»*[3]. Договор подтверждал передачу земель на востоке Латгалии немцам в обмен на гарантии безопасности, регулировал правила торговли и рассмотрения судеьбных дел между двумя сторонами[4].

Вторая половина 60-х гг. XIII в. прошла для Герденя в борьбе с Довмонтом. Закрепившись в Пскове, он организовал два похода на Полоцк в 1266 г., в результате первого из которых он захватил жену Герденя[5]. Полоцкий князь собрал войско из 700 человек и начал погоню за Довмонтом, но попал в засаду и был вынужден отступить. В 1267 г. Довмонт организовал второй поход совместно с псковичами и новгородцами, в результате которого Гердень был убит.

В целом действия Довмонта импонировали псковичам, а в 1267 и 1268 г. уже и новгородцы поддержали Довмонта в его походах на полоцкие земли, стремясь ослабить своего потенциального противника. Переход Полоцка в 1270-х гг. под власть Рижского бискупа на четверть столетия вывел город из-под контроля Литвы и снизил напряжение в пограничных полоцко-новгородско-тверских землях вплоть до XIV в.[6]

Таким образом, отношения полоцких князей и Литвы в XIII в. прошли определенную политическую эволюцию. Они изменялись в зависимости от военно-политических обстоятельств. Очевидно, что

[1] ПГ. Т. 1. С. 59.
[2] Там же. С. 65.
[3] Там же. С. 58.
[4] Там же.
[5] НПЛ // ПСРЛ. 1950. Т. 3. С. 180–181.
[6] *Левко О. Н.* Древнейшие города Беларуси: Полоцк. 2012. С. 66.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

в начале XIII в. сильных конфликтов между этими двумя силами не было. Постепенно бывшие данники и сюзерены поменялись местами. Если в начале столетия полоцкие князья использовали воинственных литовцев в своем войске во время военных конфликтов, то в конце XIII в., после образования ВКЛ, уже литовские князья использовали силы последних.

С середины XIII в. начинается новый этап в истории Полоцка, связанный с появлением первого литовского князя. Полоцк становится важным центром на карте формирующегося государства, при помощи которого литовские правители распространяли свое влияние на соседние зимли, а также вели борьбу с Ливонским орденом[1]. В последней трети XIII в. власть в Полоцке часто менялась.

Свое отражение полоцко-литовские отношения нашли и в грамоте полоцкого князя Изяслава, написанной между 1264 и 1267 г., состоящей из двух частей и представляющей собой, по сути, княжеский проект, характеризующий ливонско-литовско-полоцко-витебские взаимоотношения и содержащий некоторые предложения относительно территориальных вопросов, торговых связей[2]. Нужно отметить, что грамота написана также от лица правителя Полоцкой земли, который именует себя «князем полоцким» и самостоятельно определяет основные направления торговой и административной политики: *«Слов(о) Изѧслав(а), княз(ѧ) полочько(о), къ еп(иско)пу и къ местерю, и къ все|мь вельневицем, и ратъманом, всемъ горожаном. Полоте|скъ Видьбескъ одно есть. А воли есми Б(о)жии и въ | Молшелгове. А Изѧславъ со мною однъ»*[3]. Его высокий статус в обществе подтверждается и требованием целовать крест – древней традицией полоцких князей, использовавшейся не только при интронизации правителя, но и при принесении присяги на верность, а также при заключении договоров: *«На семъ къ мне целовати кр(е)стъ въ правду, любовь имъти и миръ, какъ было при первывхъ княз(е)хъ полочьских»*[4].

В конце XIII в. источники упоминают на княжении в Полоцке Ярослава Изяславовича, а в первой половине XIV в. – Андрея Даниловича. Первый из князей, по всей видимости, был отцом Марии, первой жены Ольгерда Гедиминовича. По причине позднего свидетельства

[1] *Воронин В.А.* Полоцк в составе Великого княжества Литовского // Древнейшие города Беларуси : Полоцк / Г. Б. Штыхов [и др.] ; под ред. О. Н. Левко. Мн., 2012. С. 219.

[2] ПГ. Т. 2. С. 11.

[3] ПГ. Т. 1. С. 59.

[4] Там же.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

«Хроники Быховца» его ошибочно называют Ярославом Васильевичем. Время перехода Ярослава Изаславовича на княжение из Полоцка в Витебск неизвестно. Однако, по мнению А. Кузьмина, должно было произойти до 1309 г.[1]

Примерно на рубеже XIII–XIV вв. вокруг Полоцка развернулись события, которые были связаны с наступлением рыцарей Ордена в данный регион. По всей вероятности, они на некоторое время смогли укрепиться в Полоцке, но под натиском полочан и литовцев были вынуждены покинуть город. Западные источники сообщают, что ливонские рыцари смогли пробраться в город благодаря завещанию местного князя, крещенного в католичество. Этот князь, не имея законных наследников, якобы завещал Полоцк в пользу рижского архиепископства. Однако что на самом деле происходило в это время, какой характер носили события, до недавнего времени относимые историографией к 1307 г., доподлинно неизвестно[2].

Контекст сообщений нарративов позволяет высказать предположение о том, что, вероятно, имело место соглашения между Витенем и Полоцком. Неоднократно упоминаются сообщения, в которых Витень выступает в тесном союзе с Полоцкой землей. В начале XIV в. в нескольких походах Витеня на территории Ордена участвовали русины, полочане[3].

Кроме того, необходимо отметить, что дискуссионной является и общепризнанная в отечественной историографии дата вхождения Полоцка в состав Литвы в результате захвата в 1307 г. Так, В.А. Воронин указывает, что эта датировка встречается только в более поздних источниках и не имеет обоснования. Она была заимствована из поздних польских источников и связана с ошибкой перевода[4]. Более вероятной является версия, согласно которой Полоцк вынужденно вошел в состав ВКЛ посредством навязанного ему договора[5]. Таким образом, добровольное подчинение, пусть и навязанное, более сильным соседям могло оказаться меньшим злом по сравнению с их постоянными набегами и агрессией[6]. Эта версия, поддержанная вслед за В.А. Во-

[1] *Кузьмин А. В.* Правители Полоцкой земли во второй половине XII – начале XIV века : (актуальные проблемы хронологии и генеалогии). 2003. С. 5–14.

[2] *Воронин В.А.* Полоцк в составе Великого княжества Литовского. С. 220.

[3] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 379.

[4] *Варонін В. А.* Падзеі 1307 года ў Полацку: спроба крытычнага разбору // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы V Міжнар. навук. канф. Полацк, 2009. С. 32.

[5] *Варонін В. А.* Палачане: забытая памяць пра мора // Arche. Пачатак. 2009. № 4 (79). С. 70.

[6] *Полехов С.В.* Власть в Полоцке в XIV – первой половине XV в. Из истории взаимоотношений центра и регионов в Великом княжестве Литовском // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. Киев, 2015. С. 75.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

рониным другим исследователем, С.В. Полеховым, кажется вполне обоснованной и объясняет многие феномены, связанные с высоким политическим статусом этой земли в составе ВКЛ, а также идентификацией ее правителей как «великих князей» в последующий период.

В любом случае в начале XIV в. княжеская власть в Полоцке значительно утратила свой авторитет по сравнению с предыдущим периодом времени. При этом на первое место выходит фигура местного духовного владыки.

Показательно в этом отношении также послание полоцкого епископа Якова «рижскому пробсту, наместнику архиепископа рижского и совету Риги с просьбой пропустить в Полоцк хлеб, не чинить препятствий полочанам и вершить справедливый суд по торговым спорам между рижанами и полочанами»[1]. Написана она была, судя по всему, после перехода Полоцка под власть верховного правителя Литвы, а именно Витеня. Здесь не только подтверждается тезис об особых союзнических отношениях между Полоцком и великим князем, но также подчеркивается особый статус полоцкого епископа[2]. Он выступает как гарант политических и экономических прав и является духовным и политическим лидером земли, представляя интересы политии перед великим князем литовским: *«А нынѣ есмь оувѣ|далъ любовь ваша правѧ съ | с(ы)номь моимь с Витенемь»*[3]. Наверняка, такое право признавалось и уважалось литовскими монархами. Отсюда – и бесконфликтность их взаимоотношений. Кроме того, можно выдвинуть предположение, что на данном этапе в Полоцке литовские князья выступали во многом не как всевластные монархи, но как служилые князья, которые сидели на престоле по приглашению местного населения.

Необходимо также обратить внимание на печать, которая скрепляла послание. С одной стороны печати образ Матери Божьей, с другой – надпись: «*Яковъ еп(иско)п Полочьскы*»[4]. Печать епископа была аналогичной печати полоцкого князя, что, несомненно, могло свидетельствовать о том высоком статусе, который данная личность занимала в политической структуре Полоцка.

Некоторые исследователи видят в данной грамоте свидетельства существования в Полоцке феодально-теократической республики во главе с епископом в данное время. Тем не менее трактовать данные

[1] ПГ. Т. 1. С. 60–61.
[2] ПГ. Т. 2. С. 14.
[3] ПГ. Т. 1. С. 61.
[4] ПГ. Т. 1. С. 60.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

таким образом было бы опрометчиво. Тем более что уже до 1320-х гг. власть князя в Полоцке была восстановлена. Хотя особое место полоцкого епископа сохраняется и в более позднее время[1]. Так, между 1338 и 1341 г. был заключен договор полочан с ливонским магистром и рижанами о порядке торговли, в котором со стороны Полоцка выступал не только его правитель, князь Глеб, или Наримонт Гедиминович, но и полоцкий епископ Григорий[2]. По сути, он выступал дополнительным гарантом интересов жителей княжества в международных делах, причем наравне с приглашенным на княжение князем. Свидетельством этому может стать наличие двух полоцких печатей, прикрепленных к данному документу. На печати епископа Григория изображена с одной стороны Богородица, а с другой – кириллическая надпись. На печати «княжа Глебова» – изображение всадника, скачущего влево с поднятым копьем, и надпись на кириллице с обратной стороны. На печати епископа Григория с одной стороны была изображена Богородица, с другой – кириллическая надпись: «Печать епископа Григориа»[3].

Печать епископа полоцкого Григория. Договор князя полоцкого Глеба (Наримонта Гедиминовича) и епископа полоцкого Григория с ливонским магистром Эберхардом фон Мунхаймом *(ПГ. Т. 1, рис. 74, 75)*

Показательно, что среди «русских» епископов полоцкий епископ упоминался первым в ВКЛ. Это соответствовало статусу полоцкой епархии в государстве. Полоцкая епархия в XIII – начале XIV в. была главной православной епархией в ВКЛ, а ее роль уменьшилась лишь с созданием митрополитской кафедры в Новогрудке в 1316 г.[4]

[1] *Воронин В.А.* Полоцк в составе Великого княжества Литовского. С. 220.

[2] ПГ. Т.1. С. 69.

[3] ПГ. Т.1. С. 69.

[4] *Філіпович М. А.* Полоцька земля в літописних та актових джерелах XI – XVI століть. Київ, 2014. С. 60.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

На протяжении XIV–XV вв. Полоцк являлся центром крупного удельного княжества в составе ВКЛ. Это позволило ему не только сохранить существовавшие ранее традиции социальной, культурной и духовной жизни, но и политические ценности. Это было обусловлено сохранением Полоцком значительной автономии, что можно объяснить тем фактом, что во главе княжества практически на протяжении всего этого времени находились близкие родственники великих князей литовских (братья, сыновья, племянники и т.д.). Как правило, они являлись последовательными проводниками политики центральной власти, однако это не исключало конфликтов, которые периодически возникали между удельными полоцкими князьями и великими князьями литовскими[1].

В 20-е гг. XIV в. правители Литвы укрепляют свою власть над Полоцком и Витебском[2]. Со второй половины 30-х гг. XIV в. в Полоцке правят князья Глеб (Наримонт Гедиминович) и Андрей Ольгердович[3].

Вместе с тем их положение на княжении Полоцка значительно различается, что находит отражение не только в самостоятельности проводимой ими политики, внимании, которое уделяют хронисты и летописцы их деятельности, но и в титулатуре, используемой при заключении договоров, а также условиях подписания последних. Так, договор 1338 г. между ливонским магистром Эберхаром фон Мунхаймом и великим князем литовским Гедимином был подписан не только от лица великого князя, но и при участии полоцкого нобилитета, в том числе князя: *«Desse vrede is ghemaket na Ghodes bort dusent iar drehundert jar unde aghte(n)dertigh iar, in alle Ghodes | hilleghe daghe, van vullbort des mesters unde des lantmarscalkes unde vele anderer bedere unde des rades van der Ryghe, de hirup hebbet dat cruce | ghekusset, unde van vulbort des koni(n)ghes van Lettowen unde siner kindere unde alle siner boyarlen, de oc ere hilligh hirup hebben ghedan, unde mit | vulbort des bioscopes van Ploscowe, des koni(n)ghes unde des stades van Ploscowe unde des koni(n)ghes van Vytebeke unde des stades van Vitebeke, de alle uppe desse(n) | vorbenomeden vrede dat cruce hebben ghekusset»*[4]. Несмотря

[1] *Воронин В.А.* Полоцк в составе Великого княжества Литовского. С. 219.

[2] ПСРЛ. Т. 3. С. 98, 341; *Кузьмин А. В.* Правители Полоцкой земли во второй половине XII – начале XIV века : (актуальные проблемы хронологии и генеалогии). 2003. С. 5–14.

[3] ПСРЛ. Т. 3. С. 98, 341; *Сагановіч Г. М.* Нарыс гісторыі Беларусі: ад старажытнасці да канца XVIII ст. Мн., 2001. С. 67.

[4] *«Этот мир заключен по Рождестве Господнем в 1338 году, в день всех Господних святых, с согласия магистра и ланмаршала и многих других сановников Ордена и совета Риги, которые целовали на этом крест, и с согласия короля Литвы и его детей и всех его бояр, которые также присягнули в этом на своих святынях, и с согласия епископа Полоцка, короля и города Полоцка, короля Витебска и города Витебска, которые все на этом вышеуказанном мире целовали крест»* (ПГ. Т. 1. С. 69).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

на то что имя Глеба не упоминается в документе, ярко прослеживается его титул, употребленный на западноевропейский манер, – «король», который свидетельствует о его высоком статусе в Полоцке. Вместе с тем уступает место он духовному владыке – епископу, который, несомненно, все еще обладал большим авторитетом в это время.

Существенно ситуация изменяется с приходом на княжение Андрея Ольгердовича, который не только усиливает свой авторитет как правитель внутри полоцкого общества, но начинает называть себя «великим князем Полоцким». Для того чтобы понять, чем могло быть обусловлено появление данного титула, необходимо обратиться к обстоятельствам появления сына Ольгерда на полоцком престоле.

Период с 30-х по 80-е гг. XIV в. был для Полоцка эпохой частых войн с соседями. На его столе неоднократно менялись правители. Сам Андрей был полоцким князем трижды – с 1342 по 1377 г., с 1381 по 1387 г. и с 1393 г. до своей гибели в битве на Ворскле в 1399 г. Он был сыном великого князя литовского и неоднократно выступал в сражениях на стороне отца, получив княжение сначала в Пскове, затем в Полоцке[1].

После смерти Ольгерда в 1377 г. расстановка сил в ВКЛ кардинально изменилась: Андрей Полоцкий оказался отодвинутым от центральной власти. Новым великим князем литовским стал Ягайло. Возможно именно поэтому Андрей пытается повысить свой легитимный статус, называя себя великим князем полоцким в противовес великому князю литовскому[2]. Соответственно, Полоцкое княжество начало называться «Великим». А титул великого князя использовал не только сам Андрей, но и некоторые его преемники – Михаил Андреевич, а также Семен Лугвень[3].

Так, во вкладной записке церкви Святой Троицы Андрей титулует себя уже «великим князем полоцким»[4]. Правда, точная датировка данного документа неизвестна и, по свидетельствам исследователей, может относиться как к периоду 1348–1377 гг., так и к периоду 1381–1384 гг.[5]

Вместе с тем можно предположить, что данный титул мог появиться именно после смерти Ольгерда, во время борьбы Андрея за великокняжеский престол, а значит, с целью подчеркнуть последним

[1] *Варонін В. А.* Княжанне Альгерда ў Віцебску // Беларус. гіст. час. 2013. № 7. С. 13.

[2] *Воронин В. А.* Полоцк в составе Великого княжества Литовского. С. 222.

[3] Там же.

[4] ПГ. Т. 2. С. 27.

[5] Там же. См. также: *Кузьмин А. В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли 2-й пол. XIII – нач. XV вв. С. 33–42.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

свой высокий статус как наследника своего отца. После 1377 г., а именно под 1379 г., в связи с осадой Полоцка магистром Ливонии и вокняжением там Андрея (с титулом короля Полоцка) встречается сообщение на страницах «Новой Прусской хроники» Виганда из Марбурга, который удостаивает сына Ольгерда одинакового титула с правителем ВКЛ, а также подчеркивает его великокняжеское происхождение: *«Ante certa tempora narrabatur, quomodo filius Algardi esset rex in Ploskow»*[1].

К слову сказать, в данной хронике можно найти всего два упоминания о Полоцке. И хотя эти фрагменты не датированы, можно определить время событий по другим современным источникам (например, хроника Германа из Вартберга, Торуньские анналы)[2]. Первый из сюжетов относится, скорее всего, к 1379 г. и посвящен вокняжению в городе Андрея, старшего сына великого князя литовского Ольгерда (1345–1377). Во втором содержится повествование о походе Скиргайлы на Полоцк и его осаде в августе 1381 г. Необходимо подчеркнуть, что данные события были упомянуты еще в нескольких работах русских, белорусских и польских ученых по истории ВКЛ и истории Полоцка, правда, без ссылки на первоисточник[3]. Между тем эти фрагменты представляют интерес не только потому, что посвящены эпизодам из политической истории Полоцка, они являются очередным доказательством особого статуса данного города в составе ВКЛ.

В первом фрагменте магистр по своей воле вмешивается в военный конфликт Полоцка: «*Magister Lyvonensis, senciens Rutenos in obsidione Plockow congregata copia properabat illuc, sed Ruteni attediati tribus diebus ante eius adventum abcesserant, invadensque Rutenos suos salvavit Ruteni tandem occurunt magistro in amicicia, ferentes munera preciosa et liberaliter distribuunt eciam inter preceptores, et fit unio inter partes, jurantque per crucem, quod de cetero Rutenos molestare non velint Jurant quoque Ruteni per honorem, quod ordini velint adherere et placere Magister cum suis sustulit famem et sitim 3 diebus in stacione, transutque ad opidum Ploskow, ubi Ruteni a magistro petunt sibi regem dare, unde consilio preceptorum dedit eis Andream de semine regio ortum in regem*

[1] *Wigand von Marburg* Nowa kronika pruska. 2017. S. 419.

[2] *Матузова В. И.* Борьба за Полоцк в «Новой прусской хронике» Виганда Марбургского // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой. 2001. С. 254–255. См. также: *Boldt F.* Der Deutsche Orden and Litauen 1370–1386 // Altpreussische Monatsschrift. 1673. B. X. S. 415; *Hermann de Wartberge* Die Chronicon Livoniae. 1863. S. 38.

[3] *Матузова В. И.* Борьба за Полоцк в “Новой прусской хронике” Виганда Марбургского // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой. 2001. С. 254–255.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Quo facto convertit se ad patriam cum preceptonbus suis, ad quam venerat cum salute»[1].

Во втором фрагменте «Новой Прусской хроники» литовский князь Скиргайло сам обращается за военной помощью к магистру Ливонского ордена, обещая ему за это отдать «в вечное владение небольшую землю»: *«Ante certa tempora narrabatur, quomodo filius Algardi esset rex in Ploskow Ruteni vero putabant in nullo eventu habere regem paganum et vi expulerunt eum Postea Schirgal cum magno exercitu intrat Russiam proponens obtinere vi Ploskow, sed Ruteni opidum defendebant, unde Schirgal mittit legatos magistro Lyvoniensi, vocans eum, promittens ordini dare terriculam perpetuo possidendam, ut eciam festinaret, quia Ruteni cum potentia resisterent ei nec curarent multitudinem suam, ideo supplicat subsidium a magistro, qui cum preceptonbus suis cum magno exercitu venit in Ploskow, pugnans contra paganos et stetit diebus ante Ploskow, nec voluit abcedere Schirgal in continenti magistro terram promissam presentavit, in qua magister edificavit domum Nenem advertente»*[2]. Несомненно, именно сопричастность Ливонского ордена этим событиям и послужила причиной их включения в хронику орденского герольда. Необходимо подчеркнуть самостоятельность полочан, не желающих видеть на своем княжении язычника и свергнувших неугодного князя[3]. Уместным будет также отметить, что Скиргайло, несмотря на свое знатное происхождение, высокого титула, равного Андрею, немецким хронистом не удостаивается, а называется правителем – «dux Schirgal»[4].

---

[1] *Wigand von Marburg*. Nowa kronica pruska. 2017. S. 591. Перевод: *«Магистр Ливонии, думая, что рутены осаждают Полоцк, собрал войско и выступил туда, но рутены, простояв три дня перед его приходом, сняли осаду, тогда он, напав на них, освободил своих рутенов. Рутены же дружественно встретили магистра, принесли дорогие дары и, как полагается, одарили их, и был союз между сторонами, и поклялись на кресте, что впредь не будут причинять вред рутенам. Поклялись и рутены честью, что будут служить верой ордену. Магистр, который вместе со своим войском вел оборону и испытывал голод и жажду, пошел в город Полоцк, где рутены попросили магистра дать им короля; и тогда по совету советников дал им королем Андрея из королевского рода. После этого он вернулся на родину в здравии».*

[2] *Wigand von Marburg*. Nowa kronica pruska. 2017. S. 591, 607. Перевод: *«Некоторое время тому назад говорилось, что королем в Полоцке был сын Ольгерда. Рутены же и подумать не могли, что их королем мог стать язычник, и изгнали его. Потом Скиргайло с великим войском вторгся в Рутению, стремясь силой взять Полоцк. Но рутены защищали город, а потому Скиргайло направил послов к ливонскому магистру, обращаясь к нему за помощью и обещая дать небольшую землю в вечное владение ордену и прося поспешить, ибо рутены оказывали ему мощное сопротивление. Таким образом он выпросил помощь магистра. Магистр со своими прецепторами и с большим войском пришел к Полоцку и сразился с язычниками. И 13 дней стоял у Полоцка и не хотел уходить. Скиргайло даровал магистру обещанную близлежащую землю, а магистр построил в ней крепость на берегу Нереи».*

[3] Там же. С. 463–465.

[4] Там же. С. 528. *Капыскі З. Ю.* Беларуска-літоўскія летапісы XV–XVI стст. як помнікі гістарычнай думкі // Весці АН БССР. 1986. № 4. С. 84.

Электронный библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Показательное описание этого действия содержится в «Супрасльской летописи»: *«Потомь ученилося великое знамение: князь великий Ягайло даль быль Полтескь брату своему Скиригаилу, и они его не приняли.... И князь великия Ягайло послеть рать свою всю литовскую и рускую со братомъ своим, князем Скиргаилемь, и к Полоцьку, и оступеть город»*[1]. Данная фраза является ярким примером того, что жители Полоцка обладали значительной независимостью даже в конце XIV в., имели вечевое самоуправление и могли оспорить решение великого князя.

Тем не менее борьба за Полоцк не прекращается и в дальнейшем. При этом наиболее тяжелым стал период с 1377 по 1387 г., когда город стал объектом противоречий между разными силами. На протяжении данного времени Полоцк трижды подвергался осадам, две из которых окончились сдачей города. Иногда полочане принимали ставленников Ягайлы, иногда прогоняли их, правя городом самостоятельно. К таким моментам, в частности, относится начало 1380 г., когда ливонский магистр заключил краткосрочное перемирие с великим князем Ягайлой. Однако вместе с ним данное соглашение с немцами заключили и полочане – «*illi de Plotzeke*»[2]. Вероятно, Полоцк в данное время признавал верховную власть Ягайлы, однако, как и ранее, сохранял свое внутреннее самоуправление и даже имел право участвовать в заключении международных договоров в качестве самостоятельного или, по крайней мере, автономного субъекта права.

Несомненно, наиболее сильным правителем данного периода времени оставался Андрей Ольгердович. Его активная и смелая политика свидетельствует о высоком уровне его легитимности как правителя Полоцкой земли.

О высоком статусе князя Андрея свидетельствуют также изданные от его лица документы, сохранившиеся в Полоцких грамотах. Так, в Ленной грамоте ливонскому магистру от 1385 г. он просит помощи у Ордена, обещая взамен передачу ряда полоцких земель. Вместе с этим он обосновывает свои права на подобный акт, ссылаясь на волю отца, подтвержденную волей его братьев и зафиксированную в письменной форме: *«…Totum regnum Ploscoviensem, quod pater noster | Algirde, quondam rex Littovie, nobis in vita sua assignavit et dedit, et post patris | obitum fraters nostril nobis dederunt et assignaverunt, sicut in*

[1] Супрасльская летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 62.
[2] ПГ. 2015. Т. 1. С. 76. *Воронин В.А.* Полоцк в составе Великого княжества Литовского. С. 219.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

eorundem fratrum nostrorum patentibus…» («... Полоцкое королевство, которое наш отец Ольгерд, покойный литовский король, при своей жизни назначил и дал нам, а после смерти отца братья дали и назначили нам, как более явно явствует из открытой грамоты тех же наших братьев, мы даем и назначаем...»)[1].

Несомненно, титул, которым он себя в этом документе называет, является красочным проявлением его самоидентификации: *«Universis presencia visuris seu audituris Andreas, rex in Ploscovia, salute | in Domino sempiternam»* (*«Всем, кто увидит или услышит эту грамоту, Андрей, король полоцкий, [шлет] привет во Господе вовеки»*[2]. Таким образом, правитель Полоцка выступает как суверенный правитель, имеющий, по сути, равный титул с верховным правителем ВКЛ. Кроме того, его высокий статус распространяется не только на самого Андрея, но и на его потомков: *«Et si quis nos vel nostros heredes a regno Ploscoviensi ex|pellere conetur, ex tunc magister et Ordo in Lyvonia nos seu nostros heredes suo possetenus | adiuvabunt et pro optencione regni nobis seu nostris heredibus suis auxiliis fideliter | assistant»* («*И если кто-либо попытается изгнать нас или наших наследников из королевства Полоцкого, тогда магистр и Орден в Ливонии будут всячески помогать нам ли нашим наследникам своим [войском] для получения королевства*»)[3].

Необходимо вместе с тем подчеркнуть, что, несмотря на то что Андрей Ольгердович идентифицировал себя как верховного правителя, по сути, суверенного государственного образования, титул его не был официально закрепленным термином и мог меняться в зависимости от адресата. Наверняка, таким образом он стремился апеллировать к традиции народа, к которому он обращался. Так, уже через год после издания вышеописанного документа, а именно в 1386 г., в «Послании совету и купцам Риги ...», написанном от лица его супруги, он называется *«великим князем полоцким»*[4]. И нужно заметить, что именно этот титул встречается в подавляющем большинстве русскоязычных документов полоцкой канцелярии в отношении полоцких правителей и его самого. Так, «великим князем полоцким» он называет себя и во вкладной записи, датированной между 1348 и 1377 г., и в жалованной грамоте на земли, выданной между 1370 и 1387 г.[5] Данный титул, за-

[1] ПГ. Т. 1, С. 77; ПГ. Т. 2, С. 35; *Груша А. И.* Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). С. 122.

[2] ПГ. Т. 1. С. 77.

[3] Там же. С. 78.

[4] Там же. С. 79.

[5] Там же. С. 72–73.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

крепленный традицией, подчеркивал преемственность власти в Полоцке, ее высокий статус, ставящий правителя княжества на одну ступень с верховным правителем Великого Княжества Литовского. Более того, он распространялся и на супругу князя. В 1386 г. именно от лица «супруги великого князя полоцкого Андрея Ольгердовича и ее детей Семена и Ивана» пишется письмо совету Риги и, более того, скрепляется личной печатью с частично сохранившейся до наших дней надписью: *«[П]еч(а)ть | кнѧг[и]н|и велико| Аньдре|евъ О[...]»*[1].

Печать жены князя Андрея Ольгердовича. Послание великой княгини полоцкой, жены великого князя полоцкого Андрея Польгердовича и ее детей Семена и Ивана Совету и купцам г. Риги
(ПГ. Т. 1, рис. 7)

Вместе с тем в документах, написанных на немецком или латинском языках, прослеживается соответствующая традиция именования полоцкого правителя. Таким примером может служить ленная грамота 1385 г. князя полоцкого Андрея Ольгердовича ливонскому магистру. Она была составлена параллельно на русском и латинском языках, но сохранился только латинский вариант. Ей присущи несвойственные полоцким грамотам данного периода черты: например, именование Андрея королем, а не князем, а также отсутствие определения «великий», что можно, в свою очередь, объяснить упомянутой выше апелляцией к традиции канцелярии адресата, а также под влиянием латино- и немецкоязычных актов[2].

Аналогичная тенденция характерна для послания князя полоцкого Андрея Ольгердовича великому магистру Тевтонского ордена с сообщением о передаче Полоцкой земли ливонскому отделению Тевтонского ордена в лен. Речь шла о передаче ливонскому магистру прав сюзерена, при которой полоцкий князь и его наследники продолжали владеть княжеством в качестве вассалов Ордена. Послание было написано на немецком языке и позже было переведено на латынь[3].

[1] ПГ. Т. 1. С. 80.
[2] ПГ. Т. 2. С. 34; *Гудавичус Э.* История Литвы. С. 23.
[3] ПГ. Т. 2. С. 36.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Очевидно, что титул, употребляемый в данном послании, отражал не только традиции европейской канцелярии, но и учитывал политические условия создания документа.

Весьма красноречив образ Андрея Ольгердовича, созданный летописцем ВКЛ в первом Белорусско-литовском своде. Особенно ярко это находит отражение в «Летописце великих князей литовских»[1]. Как известно, первая часть «Летописца» была создана в момент наиболее напряженных взаимоотношений между Витовтом и Ягайлой, в 1392 г., с целью обосновать законность прав Витовта на великокняжеский престол. Вторая часть «Летописца» состоит из кратких известий про политическую жизнь ВКЛ последней четверти XIV в. и посвящена деятельности великого князя Витовта. Продолжение создано незадолго до неудачной коронации Витовта в 1430 г. В данном источнике Андрей Ольгердович последовательно именуется полоцким князем в отличие от Скиргайлы, которого такой титулатуры летописец не удостаивает. Та же терминалогия сохраняется и в актовых источниках того времени, в том числе и в ленной грамоте Скиргайлы королю Ягайле, и в грамотах Андрея Ольгердовича Немецкому ордену. Андрей называется «великим князем полоцким», «королем Полоцка», а Полоцкая земля – «королевством Полоцким»[2].

Вместе с тем другие белорусско-литовские летописи, например «Никифоровская летопись», называет Андрея «князем». Так, под 1368 г. летописец сообщает, что *«Того же лета князь Ондрей Полоцкий воева Хорвач…»*[3].

Таким образом, титул «великий князь Полоцкий» характерен, прежде всего, для русскоязычной полоцкой канцелярии и панегерических нарративных источников.

Возвращение Андрея Ольгердовича в Полоцк около 1382 г. вновь на некоторое время вывело город из-под власти Ягайлы. Однако все попытки Андрея противостоять Скиргайле не имели успеха. В 1387 г. войско ВКЛ во главе со Скиргайлой смогло подчинить Полоцк. Как результат, Полоцкая земля вновь была передана последнему. Тем не менее его нельзя считать собственно полоцким князем, так как Полоцкая земля была только одной из многочисленных

[1] Летописец великих князей литовских // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 61–67.

[2] *Філіпович М. А.* Полоцька земля в літописних та актових джерелах XI – XVI століть. С. 64–68.

[3] Никифоровская летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 29.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

территорий, которыми управлял данный князь, являясь, по сути, наместником Ягайлы в ВКЛ[1].

Это, в свою очередь, нашло отображение в его титулатуре. Так, в документе от 1387 года он именуется князем литовским, трокским и полоцким Скиргайлой, а также признает, что Полоцк он получил только из рук Ягайло, не ссылаясь при этом на свои законные права наследования или волю отца, как это делал Андрей в 1385 г.[2] В отличие от Андрея, который называл себя «великим князем Полоцким» или «королем Полоцка», Скиргайло именует себя «господарем» и одновременно «князем литовским»[3].

События 1387 г. значительно приблизили конец существования Полоцкого княжества как суверенного субъекта права. Этот процесс был продолжен во время правления Витовта, который пришел к власти в 1392 г. и решительно начал ликвидацию удельных княжеств. По сути, крупный конфликт между Витовтом и Полоцком начался еще в 1387 г., когда он попытался захватить Вильно, а после неудачи вместе со своими сторонниками нашел приют в Пруссии. В 1390 г. он совершил безуспешный поход на Вильно. Примерно в это же время, согласно «Летописцу великих князей литовских», Витовту *«Полтеск град дался»*[4]. В самом факте сдачи города нет сомнений, однако подробности данного события неизвестны. Несомненно, это произошло при активном участии полочан, которые, вероятно, видели в Витовте возможную защиту против Скиргайлы, под властью которого Полоцкая земля находилась с 1387 г.[5]

После возвращения Витовта из Пруссии в Литву началась крупная перестройка политической системы ВКЛ, затронувшая также и Полоцк. На протяжении 1392–1395 гг. были ликвидированы крупные удельные княжества Ольгердовичей, которые лишились своих княжений. Так, Скиргайло потерял свои владения в Полоцке и Менске[6]. И, несмотря на то что Андрей вновь вернулся на княжение в Полоцке, его статус и авторитет были, несомненно, гораздо ниже, чем в период предыдущего периода правления. Вместе с тем в «Никифоровской» и

[1] *Воронин В. А.* Полоцк в составе Великого княжества Литовского. С. 223.

[2] ПГ. Т. 2. С. 40.

[3] Там же. С. 41.

[4] *Полехов С. В.* Литовская Русь в XV в.: единая или разделенная? (на материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром). С. 73; Супрасльская летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 64.

[5] *Полехов С. В.* Литовская Русь в XV в.: единая или разделенная? С. 74.

[6] Там же.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

«Супрасльской» летописях под 1394 г. говорится, что *«Приехаздил в Новгород князь Ондрий Олгирдович полоцкий»*[1]. То есть статус князя в этот период времени еще был сохранен. Вместе с тем не теряет Андрей Полоцкий своего титула и после смерти. Так, описывая потери литовцев в битве на Ворскле, создатель Супрасльской летописи упоминает и имя данного убитого князя: *«А се имена избиенных князей литовских: князь Андрей полоцкий Ольгердович, брат его Дмитрий Брянский…»*[2].

Наместники, которых Витовт назначал в бывшие княжества, имели значительно меньшие полномочия и власть по сравнению с удельными князьями. В частности, это касалось отношений с соседними государствами, с которыми наместники уже не могли заключать соглашения, а также которые в любой момент могли быть отозваны великим князем. Вместе с тем первыми полоцкими наместниками были личности, имеющие княжеский титул и высоко стоявшие в иерархии шляхты ВКЛ[3].

Высокий статус в Полоцке получил правитель Мстиславского княжества Семен Лугвень, служивший Витовту на протяжении нескольких десятилетий, а после его смерти – несколько месяцев великому князю Свидригайло. Возможность стать полоцким правителем появилась для него после того, как зимой 1377–1378 гг. войско Ягайлы подошло к Полоцку и вынудило Андрея бежать в Псков[4]. По всей вероятности, Семен Лугвень принял православное крещение, чтобы стать полоцким князем. Он стал одним из самых известных полоцких правителей данного периода времени и, несомненно, обладал значительной властью и самостоятельностью[5]. Свидетельством высокого статуса Семена Лугвеня может служить его самоидентификация в качестве «великого князя полоцкого», нашедшая отражение в легенде печати, с помощью которой правитель скреплял выходившие из полоцкой княжеской канцелярии документы. Так, к договору 1379 г. Ягайло и Кейстута прикреплена печать Лугвеня, выступающего свидетелем. На лицевой стороне ее изображен скачущий вправо всадник в островерхом шлеме, с копьем в левой руке, направленной вверх, а с обратной – надпись: *«Печать князя великого Семиwна Полоцкого»*[6].

[1] Никифоровская летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 30.

[2] Супрасльская летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 52.

[3] *Воронин В. А.* Полоцк в составе Великого княжества Литовского. С. 223–224.

[4] *Варонін В. А.* Вялікія князі полацкія (канец XIV ст.) // Полацк: карані нашага радаводу : матэрыялы Міжнар. навук. канф. Полацк, 1996. С. 45–47.

[5] *Філіпович М. А.* Полоцька земля в літописних та актових джерелах XI–XVI століть. С. 65, 70.

[6] ПГ. Т. 2. С. 49.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Вместе с тем стоит отметить, что в перечне свидетелей Семен Лугвень не отмечен, а его титул встречается только на легенде данной печати[1]. Очевидно, что в данный период времени указанный правитель играл значительную роль в политической жизни Полоцка. Но нельзя путать статус Семена Лугвеня в конце 70-х гг. во время княжения в Полоцке с периодом служения Витовту в качестве наместника.

Печать Семена Лугвеня. Договор литовских князей с великим магистром Тевтонского ордена. 1379 г. *(ПГ. Т.1, рис. 5).*

Показательным в этом отношении может стать послание 1394–1396 гг. полоцкого наместника и жителей совету г. Риги с предложением подтвердить мир, заключенный ранее князем Семеном Лугвенем[2]. Более того, необходимо отметить, что именно с 1396 г. Витовт предпринимает первые попытки ликвидировать юридическую автономию Полоцка и право местных правителей на заключение договоров, в том числе подписанных ранее. Именно так можно объяснить его письмо бургомистру и совету г. Риги от 1397 г. о неправомерности заключенного князем Семеном Лугвенем и полоцким наместником Монтигирдом договора от имени Литвы: *«Wissit, liben frunde, das wir uw(er)n briff wol vornomen | haben, dorynne ir schreibit, das uns(er) hawptman Muntigirde mit uch ein freed uffgnomen habe | in der weise, alz ir yn mit uns(er)m dyner Lyngweynen vormals vieff jar nach deme aldin fre|de hattet uffgnomen, und das w(ir) im geschreb(i)n | het[t]in, das wir den kowpfrede stete und gancz hal[din] wulden. Wissit, das uns gar wol gedenkit, wy | wir in uns(er)m brive geschrebin habin deme meistir, wenn(e) wir ym mit namen geschrebin habin, wers, | das uns(er) hawptman eynen frede uffgnomen hette von der syden to Ploscow, den welde wir haldin, | bis das wir yn mit uns(er)m brive adir boten besenten... Und auch als ir schreibit, das Lyngweyn mit uch vieff jar ein frede | mit uch uffgnomen habe, und ir doch selbir wol*

[1] ПГ. Т. 2. С. 412.
[2] ПГ. Т. 1. С. 101.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

vornemen mogit, das her nicht mechtig was, | eyn jar ane uns(er)n willin und wissin ein ganczin stetin frede uffzunem und zumale unmechtig | was und nach ist, ein halbin tag frede uffzunemen von der Littawen wegin»[1]. Несомненно, будучи просто наместником великого князя литовского, Семен Лугвень не стал бы заключать договор с Ригой от имени всего государства. Аппеляционное же письмо Витовта можно объяснить его желанием ликвидировать существовавшие ранее привилеи полоцких правителей, подорвать их авторитет на международной арене и окончательно показать свой высокий статус единого правителя всего ВКЛ.

Тот факт, что полоцкий наместник мог самостоятельно заключать договор с Ригой, несомненно, говорит о его высоком статусе в ВКЛ, а также определенной самостоятельности в проведении политики Полоцка. Это также отчасти подтверждает тезис о призвании князей на княжение в Полоцке в качестве правителей удельных княжеств, а также их договорные отношения с верховными правителями ВКЛ, основанные на понятиях «службы» и «дружбы».

Это позволяет говорить о том, что, во всяком случае, до 1396 г., то есть до назначения в Полоцк наместником Витовта пана Монтигирда, Великое Полоцкое княжество продолжало существовать в качестве удельного княжества в составе ВКЛ. Об этом весьма красноречиво говорит и факт особых взаимоотношений полочан с великим князем Витовтом. С одной стороны, именно Витовт ликвидировал Полоцкое княжество и начал управлять Полоцкой землей через своих наместников. С другой стороны, в 1392–1396 гг. он, в качестве компромисса за утрату полочанами статуса удельного княжества, закрепил политико-правовые традиции и автономный характер Полоцкой земли привилеем (уставной грамотой). Показательно, что только в 1407 г. в полоцкой подтвердительной грамоте Копысского мирного договора Витовт впервые называется полочанами князем литовским и *«нашим wсп(о)д(а)рем»*[2]. Таким

[1] ПГ. Т. 1. С. 105–106. *«Знайте, любезные друзья, что мы вполне поняли ваше послание, в котором вы пишите, что наш наместник Монтигирд заключил с вами договор тем же образом, как вы его прежде заключили с нашим слугой Лугвенем через пять лет после старого договора, и что после этого ваш магистр также сказал вам, будто мы ему написали, что хотим твердо и полностью соблюдать торговый договор. Знайте, что мы хорошо помним, как мы в нашем письме написали магистру, именно же ему мы написали, что если бы наш наместник заключил договор от имени Полоцка, то его мы бы соблюдали до тех пор, пока не отправим к нему нашу грамоту или послов. ...А также вы нам пишите, что Лугвень заключил с вами договор на пять лет, то и вы сами вполне можете понять, что он не был правомочен даже на год без нашей воли и ведома возобновлять полный прочный договор, и тем более был и по-прежнему остается неправомочен заключать договор от имени Литвы…».*

[2] ПГ. Т. 1. С. 153.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

образом, полочане впервые, именуя Витовта «нашим wсп(о)д(а)рем», полностью признали его власть над своей землей, чего прежде, при других правителях, не было никогда, так как у полочан был свой, полоцкий, князь. В дальнейшем полочане, вслед за Витовтом, будут именовать «осподарями полоцкими» только великих князей литовских, а наместников великого князя звать лишь «панами»[1].

Данные факты свидетельствуют не только о высоком статусе, который имел полоцкий правитель в составе ВКЛ, но также подчеркивают всю глубину исторической памяти, которая сохранялась на «русинских» территориях нового государства еще долгое время. Конечно, не стоит и переоценивать политическую роль Полоцка и его правителей в составе ВКЛ в конце XIV в. Необходимо понимать всю сложность социополитических условий, в которых происходило его развитие в указанный период времени. Вместе с тем очевидно, что статус и самого Полоцка, и его правителей был выше, чем на соседних территориях. Во многом это было обусловлено не только непосредственным значением, которое играли полочане в жизни ВКЛ, но и традицией христианского населения государства, для которого Полоцк оставался не только древним политическим, но и сакральным центром. По мнению В.А. Воронина, вплоть до XVI в. носители полоцкой идентичности продолжали постулировать свой высокий политический статус, отстаивая право на равное положение с важнейшими европейскими центрами[2]. Находило это отражение не только в самостоятельном заключении договоров на международном уровне, но и в апеллировании к прошлому, в котором Рига была подконтрольна Полоцку, а территория Полоцкой земли являлась важнейшим духовным и культурным центром на территории современной Беларуси.

Такая ситуация продолжала сохраняться на протяжении всего XVI в. В легендарных частях белорусско-литовских летописей второго и третьего сводов полоцкой традиции было уделено колоссальное значение. Полоцкая земля воспринималась авторами как одно из важнейших и древнейших достояний литовских монархов и именовалась «великим княжеством». С другой стороны, постоянно подчеркивалась специфика политического устройства, а также делался акцент на вечевой демократии, характерной для этой земли. Более того, полоцкие

[1] *Філіпович М. А.* Полоцька земля в літописних та актових джерелах XI–XVI століть. С. 70–73, 122 –124.

[2] *Варонін В. А.* Палачане: забытая памяць пра мора. С. 72.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

«вольности» и «свободности» позволяли летописцам сравнивать полоцкую государственность с порядками и устройством Венеции. Память про династию Рогволодовичей бережно культивировалась и сохранялась даже в XVI в. в среде полоцкой интеллектуальной элиты. Показательно, что даже в московских летописных сводах того времени Полоцкая земля именовалась Рогволодовщиной[1].

Таким образом, Полоцкое княжество с первых этапов формирования ВКЛ стояло на совершенно особенных позициях по сравнению с остальными землями Руси, ставшими составной частью нового государства. Оно воспринималось современниками наиболее ценным, вероятно, основанном на традиции владении, хоть вошедшим с определенными оговорками в состав ВКЛ, но не потерявшим при этом свое могущество. С князьями Полоцка приходилось считаться не только новым литовским правителям, их признавали западные соседи. Несомненно, что причину данного феномена нужно искать в глубокой исторической традиции, восприятии Полоцка населением белорусских земель как истинного культурного и административного центра, известного со «старины», а его правителей – как своих защитников. Легитимность их правления, а также наличие особого статуса среди других князей не оспаривалось.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

[1] *Семянчук А. А.* Полацк і Полацкая зямля ў гістарычнай памяці жыхароў ВКЛ у XVI ст. // Весн. Полац. дзярж. ун-та. 2013. № 1. С. 28; *Філіпович М. А.* Полоцька земля в літописних та актових джерелах XI–XVI століть. С. 95–103.

3. МЕХАНИЗМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ ПЕРВЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ ВКЛ

Власть и общество в процессе государствообразования: теоретический аспект

В последние десятилетия огромное внимание со стороны отечественных и зарубежных историков уделяется вопросам институционализации власти в догосударственных обществах и ранних государствах, в том числе механизмам ее легитимизации, а также проблеме взаимоотношений правителей и социума.

В начале XX в. выдающийся немецкий ученый, историк и социолог Макс Вебер исследовал механизмы соединения власти и общества, введя в общественные науки понятие легитимности власти, основанной в первую очередь на вере в нее людей[1]. Он отмечал, что государство, как и прочие хронологически предшествовавшие ему политические союзы, являлось не чем иным, как отношением господства людей над людьми, опирающемся на насилие как легитимное средство поддержания своего существования. М. Вебер также выделял три основания власти, способствующие оправданию господства верховной силы. Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего», то есть традиция, освященная исконной значимостью и привычной ориентацией на ее соблюдение. Во-вторых, авторитет внеобыденного личного дара (или харизмы), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека (откровений, героизма и т. п.). И, в-третьих, господство в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального установления деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами[2]. То есть, не отрицая роли насилия в средствах, к которым прибегало государственное образование, М. Вебер указывал на значимость принципа «обратной связи», соединявшего государство с обществом.

Подобные исследования проводились и другими учеными XX – начала XXI в., но особое внимание данным вопросам уделяли представители школы политической антропологии. Так, известный американский исследователь Элман Сервис указывал, что исходная и главная причина возникновения и основная функция государства состояла

[1] *Вебер М.* О цивилизационных основаниях власти. 1998. С. 154. См. также: *Классен Х. Дж. М.* Было ли неизбежным появление государства? 2006. С. 78.

[2] *Вебер М.* О цивилизационных основаниях власти. 1998. С. 154.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

в ведении и организации хозяйства[1]. Необходимо также отметить, что в социальной антропологии обычно выделяют три категории власти: военная сила, контроль над экономикой и контроль над идеологией. А само общество в определенный период времени может классифицироваться на основании способов, с помощью которых эти виды власти взаимодействуют внутри него[2]. Можно выделить и несколько оснований власти, которые обеспечивают ее функционирование. Это, прежде всего, социальная организация, экономическая структура, военная сила, а также идеология и информация[3]. Преобладающие основания, или источники власти, могут варьироваться от одного общества к другому, но в большинстве своем присутствуют в любом из них. Политический процесс в ходе государствообразования представляет собой взаимодействие между данными основаниями, которое, учитывая разнообразные исторические условия, может привести как к провалу, так и возвышению правителя и упрочнению его позиций, а также централизации и институционализации власти в целом[4].

Государство в своем развитии эволюционировало из таких ранних форм социально-политической организации, как вождество. Для них уже были характерны социальное неравенство и существование налогов. Вождь обладал значительной властью. Легитимизация власти при этом была естественным процессом. Люди в те времена верили, что у некоторых представителей их общества отношения с божествами, духами или предками лучше, чем у других, а значит, они имеют большую, чем кто-либо другой, возможность быть посредниками между людьми и сверхъестественными силами[5]. Таким образом, данный этап характеризовался особой важностью идеологических компонентов, где происходило постоянное обращение к сверхъестественным способностям правителя. Имело место и постоянное исполнение реципрокных обязанностей государственного аппарата[6].

Вполне логично, что на первых этапах государствообразования основная функция государства состояла в ведении и организации хозяйства, а также в защите территорий от возможных посягательств. Поэтому среди основных задач верховной власти в раннефеодальных обществах выделялись главным образом военная и судебная, в ста-

[1] *Сервис Э.* О происхождении государства и цивилизации. 1998. С. 155.
[2] *Barfold P. M.* The early Slavs: culture and society in early medieval Europe. 2001. P. 125.
[3] *Earle T.* How Chiefs come to power. The political economy in prehistory. 1997. P. 4.
[4] Там же.
[5] *Классен Х. Дж. М.* Было ли неизбежным появление государства? С. 74.
[6] *Гринин Л. Е.* О стадиях эволюции государства. Проблемы теории. 2006. С. 8.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

бильном выполнении которых были заинтересованы все слои населения[1]. То есть в первую очередь правитель являлся военным предводителем, защищавшим свою территорию. Кроме того, он обеспечивал экономические связи с внешним миром, а также представлял государство за границей[2]. Решающая роль при этом на первых этапах государствообразования принадлежала личности правителя, качества которого создавали необходимые условия для укрепления авторитета верховной власти, а успешная деятельность в военной сфере давала возможность вождю укрепить свою власть в обществе[3].

Немаловажным фактором в укреплении власти на первых этапах государствообразования являлись и социальные отношения в обществе, в частности, родственные узы, которые использовались правителями для поддержания своего авторитета и власти. Они могли также служить стратегическим целям, и можно привести немало примеров, когда брак заключался из политических соображений[4]. Кроме того, не могла не учитываться кровная близость нового правителя по отношению к предыдущему, ведь приоритет, как правило, имел старший сын от первого брака, даже до институционализации принципов престолонаследия, исходя из многовековой культурной и исторической традиции[5].

Таким образом, на этапе вождеств, предшествующих государствам, особое значение имели кровные связи, политическая лабильность, а также контроль над ресурсами, зачастую подкрепляемые личным авторитетом правителя. Правда, необходимо отметить, что кровное родство было, пожалуй, одним из самых слабых оснований власти на данном этапе развития государственности и, как результат, часто нарушалось. Возможно именно поэтому можно говорить о правящих династиях только после складывания государства и завершения институционализации власти и ее основ. В то же время преимущественное значение играла способность вождя организовывать экономику, контролировать ресурсы, а также осуществлять свою военную функцию – защищать территории от нападений и, по возможности, расширять их, способствуя, таким образом, укреплению экономической базы. Правда, в то же время немалые усилия уходили на силовое

[1] *Темушев С. Н.* Генезис и эволюция института верховной власти в славянских раннефеодальных государствах. 2003. С. 3.

[2] Там же. С. 16.

[3] Там же. С. 17.

[4] *Earle T.* How Chiefs come to power. The political economy in prehistory. S. 5.

[5] Там же. См. также: *Климов Е. В.* Престолонаследие в Древней Руси. Вторая половина IX – середина XI в. // Вопр. истории. 2009. № 12. С. 37–43.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

поддержание власти в отношении политических оппонентов, которые могли попытаться захватить ее силой.

Естественное социальное неравенство в ранних обществах постепенно перерастало в имущественное. Это было обусловлено ростом организованности правителей и институционализации аппарата их администрации. Переходя по наследству, собственность стала концентрироваться в семьях лидеров, формируя потомственную знать, отделившуюся от остального рядового населения[1]. Постепенно формируется и система налогообложения как одного из условий стабильного функционирования административного аппарата государства. Полученные средства давали возможность власти поддерживать свое существование, а сам факт существования налоговой системы говорил об установлении механизмов институционализации власти[2].

Постепенно знатью были накоплены и ресурсы для принуждения. Сделано это было, в большей степени, благодаря развитию системы распределения (редистрибуции), которая закреплялась за так называемыми «лучшими людьми», а также представителями власти. Принуждение при этом со стороны власти могло осуществляться косвенно (посредством оказания дополнительной помощи нуждающимся членам общины) и напрямую (с помощью формировавшегося окружения правителя – дружинников)[3]. Именно дружина являлась одним из оснований власти.

Постепенно владение и властью, и собственностью формировало сакральный образ вождя, что еще больше возвышало его в глазах общества. Таким образом, собственность начала не только сопровождать власть, но и подчиняться ей. То есть сакральной становилась не собственность вообще, а только принадлежавшая правителям[4]. Последние тем самым становились собственниками всего, чем управляли, в том числе и возникающим государством: сакрализация власти сделала ее легитимной в глазах народа[5].

---

[1] *Риер Я. Г.* Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие. 2016. С. 27.

[2] *Темушев С. Н.* Осуществление функции налогов-дани в домонгольской Руси: круг должностных лиц государственного фиска // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Мн., 2011. Вып. 4. С. 9.

[3] *Риер Я. Г.* Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие. С. 28.

[4] *Earle T.* How Chiefs come to power. The political economy in prehistory. S. 6–7. См. также: *Rasanen M., Hartman G.* Relicts, identiry and memory in medieval Europe Turnhout, 2016.

[5] *Риер Я. Г.* Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие. С. 28.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Принятие христианства сыграло особое значение в усилении роли правителя, наделяя его не только общественно значимыми функциями, но придавая ему особое сакральное значение. По сути, правитель объявлялся посланником Бога (единый Бог на небе – единый правитель на земле). Таким образом, власть еще больше укрепляла свое положение в обществе, объединяя в себе легитимность и сакральность, о которой более подробно будет рассказано в следующем разделе.

Механизмы легитимизации власти на белорусских землях в процессе образования ВКЛ

Рассматривая механизмы институционализации власти на белорусских землях в XIII – первой трети XV в., необходимо учитывать, что нижнюю границу данных хронологических рамок захватывает так называемый «темный период», характеризуемый существованием раздробленных княжеств, ослабленных в условиях распада Древней Руси, а также возвышением нового государственного образования, оформившегося позднее в ВКЛ.

Трудно говорить о точной социальной структуре литовского общества до начала XIII в. Скорее всего, к началу указанного столетия литовцы представляли собой группы племен, объединенных под властью вождей, и не имели четкой административной структуры. На протяжении X–XII вв. в источниках встречаются лишь отдельные упоминания о литовцах, не дающие конкретного представления об их политическом устройстве. Известно, что они платили дань Руси, а также активно привлекались полоцкими, витебскими, минскими и другими князьями для военных походов[1]. Но уже в начале XIII в. литовцы начали представлять значительную силу, о чем свидетельствует не только возросшее количество упоминаний о них в хрониках, особенно немецких, но и появление первых значимых вождей, или правителей, которые, в отличие от предыдущего периода, уже называются летописцами по именам.

Так, Генрих Латвийский в «Хронике Ливонии» уже под 1205 г. упоминает о «богатом и могущественном человеке» Свельгате («*homo dives et prepotens Suelgate nomine*»), который рядом исследователей признается одним из первых влиятельных литовских князей[2].

[1] *Сагановіч Г. М.* Нарыс гісторыі Беларусі: ад старажытнасці да канца XVIII ст. Мн., 2001. С. 59.
[2] *Генрих Латвийский* Хроника Ливонии / редкол.: С. А. Аннинский [и др.]. М.–Л., 1938. С. 25.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

О значительном социально-политическом развитии общества к этому периоду времени может говорить также упоминание под 1209 г. короля Всеволода из Герцике, женатого «на дочери одного из наиболее могущественных литовцев» и называемого в 1213 г. именем Даугерутэ[1]. Маловероятно, что этот союз мог бы состояться, если бы Даугерутэ не обладал достаточной властью над литовскими землями, а также если бы не имел значительного авторитета в глазах соседей. Кроме того, согласно хронике Всеволод благодаря этому союзу был для литовцев «почти своим» и *«часто предводительствовал их войскам, облегчал им переправы или снабжал припасами»*[2]. Данное свидетельство говорит в пользу того, что упомянутые личности являлись правителями примерно одного уровня, а их отношения вполне можно назвать, хоть и условно, военно-политическим союзом, достигнутым с помощью династического брака. Кроме того, в 1213 г. Даугерутэ заключает союз с новгородским князем, что также невозможно было бы без обладания им определенного авторитета и политического статуса[3].

Нужно учитывать, что к данному времени Литва представляла собой конгломерат княжеств, возглавляемых правителями, имеющими все черты военных вождей. Но очевидно, что уже к началу XIII в. можно говорить о консолидации разрозненных владений, а также о выделении и укреплении власти отдельных правителей, чья политика приведет чуть позже к созданию Великого Княжества Литовского. Здесь будет уместным отметить свидетельство «Ипатьевской летописи», упоминающей под 1219 г. договор Литвы и Волыни. Со стороны первой его заключили несколько князей, среди которых выделялся старший правитель: *«И посемъ пойде въ Володымеръ свой, идъже прийдоша къ нему послы о миръ отъ князей Литовскихъ. Въ Литвъ же тогда старый бъ князь Живибундъ»*[4]. Несмотря на то что власть еще не была прочной, выдвинувшийся князь сосредоточил в своих руках такие людские и материальные ресурсы, какими не обладал ни один из старших князей. Это заметно изменило положение Литвы среди ее соседей. А мы можем говорить о первом князе складывающегося ВКЛ – Миндовге, которого, как отмечалось в предыдущей главе, в восточнославянской летописной традиции стали называть «великим

[1] *Генрих Латвийский* Хроника Ливонии / редкол.: С. А. Аннинский [и др.]. М.–Л., 1938. С. 25.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 2. С. 334.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

князем», а западноевропейской – «королем»[1]. И хотя государством данное образование называть еще преждевременно, его вполне можно охарактеризовать как вождество, усилиями Миндовга превращенное из простого в компаундное[2].

Для процесса упрочнения власти Миндовга была характерна непоследовательность и неравномерность. Старшие князья, ущемленные правителем в результате его борьбы за верховную власть, сплотились в своеобразную коалицию против него. В таком соперничестве князей можно было найти черты борьбы верных вассалов Миндовга с его противниками, обратившимися за помощью к Немецкому ордену[3]. Убийство Миндовга с сыновьями в 1263 г. в результате заговора его же приближенных можно рассматривать как реакцию на жесткость его правления. Кроме того, последовавшая за его убийством кровавая борьба среди преемников демонстрирует отсутствие устоявшейся системы управления[4]. Вполне очевидно, что в период правления Миндовга и его непосредственных последователей верховная власть еще не имела безграничного авторитета, окончательно не признавалась нобилитетом, по крайней мере его частью, и ориентировалась в первую очередь на рядовое население подчиненных земель[5].

Нельзя не отметить и весьма красноречивую позицию «русской» знати ВКЛ по отношению к первым властителям Литвы и процессам государствообразования, которые в литовской национальной историографии сводятся исключительно к субъектности балтской знати. Можно согласиться с А.С. Кибинем, который отмечал, что договор 1219 г. свидетельствует лишь об одном – признании литовской династии на Волыни «старейшей». Литовские лидеры, с точки зрения ученого, не просто осуществляли грабительские набеги, но и достигли значительного успеха в соперничестве за место во взаимной иерархии правителей Восточной Европы[6]. «Руский» князь Изяслав Новогородский в 1238 г. участвует совместно с Литвой Миндовга в походе на Мазовию. В древнерусских летописях, как известно, имена князей располага-

[1] *Гудавичус Э.* История Литвы. С. 48.

[2] *Риер Я. Г.* Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие. С. 345–347.

[3] *Гудавичус Э.* История Литвы. С. 50.

[4] *Rimša E.* Ar Mindaugo majestotinis antspaudas? // Lietuvos dailės muziejaus metraštis. 2005. № 6. P. 39–43.

[5] *Риер Я. Г.* Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие. С. 348.

[6] *Кибинь А. С.* Начальный этап Литовской экспансии в «Черной Руси» // Вестн. СПбГУ. 2011. № 3. С. 77–83.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лись в зависимости от места в княжеской иерархии. Таким образом, летописец считал Изяслава Новогородского менее значимым князем по сравнению с Миндовгом.

До сих пор остается открытым вопрос о том, как и почему Новогрудок стал первой резиденцией правителей складывающегося государства. Известно, что с 40-х гг. XIII в. он уже находился под властью Миндовга. Вероятно, в это время в городе непосредственно княжил Войшелк[1]. Путь вхождения города в состав владений Миндовга доподлинно неизвестен. Вместе с тем его военный захват не подтверждается археологическими источниками: нет никаких следов погрома и сожжения Новогрудка в середине XIII в. Учитывая принадлежность Миндовга и Изяслава Новогородского в конце 30-х гг. XIII в. к лагерю союзников Даниила Романовича, вокняжение литовского князя в Новогрудке можно объяснить и без военного захвата. В кругу союзников распределение престолов могло производиться в соответствии с династическими правами и положением князя в родовой иерархии. В источниках отсутствуют упоминания о каком-либо значимом противостоянии Миндовга и представителей восточнославянских династий Понеманья и Полесья. Наоборот, пинские князья во время войны 1249–1254 гг. не имели никаких претензий к Миндовгу и Войшелку. Они не желали учавствовать в походе на Новогрудок. Михаил Пинский всячески помогал Литве – пропускал их через свои владения, предупреждал о подходе войск Даниила и Василька. Волковысский князь Глеб был захвачен в плен во время похода Бурундаевой рати в 1258 г. Последнее обстоятельство указывает на его тесные связи и поддержку Войшелка. Представители местных династий не считали свои права нарушенными. Ситуация, в которую они попали, диктовала им правила игры, выбор наименьшего из зол. Власть литовских правителей выглядела куда предпочтительнее, чем зависимость от Орды[2].

Как справедливо отмечал В.Л. Носевич, если бы литовская власть была навязана городам Белорусского Понеманья и Подвинья насильно, Литва никогда не смогла бы после нескольких походов татар и зависимых от их галицко-волынских князей в такой сложной внешнеполитической ситуации удержать их за собой. Именно с помощью

[1] *Баранаускас Т.* Новогрудок в XIII в.: история и миф // Castrum, urbis et bellum : зб. навук. пр. Баранавічы, 2002. С. 29–44.

[2] *Кибинь А. С.* От Ятвязи до Литвы: политические и социокультурные трансформации в бассейне Верхнего Немана в X – XIII вв. М., 2012. С. 124, 148–149, 152–155.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

«русских» княжеств первоначально Миндовг, а затем и его сын Войшелк окончательно установили в Литве свою власть. Местная восточнославянская знать при новой власти не была полностью отодвинута от управления и принятия решений в новой политии. У Миндовга был воевода Хвал, его же воеводой и близким советником был князь либо боярин Константин, беглец из Рязани. Местные советники из полоцкого боярства были и при дворе Товтвила, когда он был полоцким князем. Сам Войшелк пользовался поддержкой своих восточнославянских подданных (благодаря дружинам пинского князя он смог вернуть себе престол своего отца)[1].

Очень показательная информация по данному вопросу содержится в памятниках Новгородского летописания – Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов[2]. Весьма красноречивы оценочные характеристики летописца литовских князей Миндовга, Товтвила и Войшелка: *«Убиша князя велика Миндовга свои родици, свещавшеся отаи всех. Того же лета роспревшеся убоици Миндовгови о товар его, убиша добра князя Полотьского Товтвила, а бояры полотьскыя исковаша, и просиша у полочан сына Товтвилова убить же; и он вбежа в Новгород с мужи своими; Тогда Литва посадиша свои князь в Полотьске; а полочан пустиша, которых изъимали с князнем их, а мир взяша. <...> Воишелг <...> позна истинную веру хрестьянскую <...> По убиении же отца своего, не хотящю ему сего створити, но Богу попущьшю на них, на поганую Литву, за христьянскую кровь, вложи сему в сердце, соимя с себе ризу, обещася Богу на три лета, како прияти риза своя, а устава мнишьского не остая; съвкупи около себе вои отца своего а приятели, помолився кресту честному, шед на поганую Литву, и победи я, и стоя на земли их все лето. Тогда оканьным взда Господь по делом их: всю бо землю оружием поплени, а по христьянской веселие бысть всюда»*[3].

Как видим, литовские князья характеризуются весьма положительно. Отрицательные характеристики получают лишь их конкуренты. В летописи последние представлены в качестве образца языческого лицимерия и подлости. Православный Войшелк не просто мстит за отца, он карающий меч Божий язычникам «за христьянскую кровь». Не менее красноречивы и характеристики Ипатьевской лето-

[1] *Насевіч В. Л.* Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. С. 177, 290, 291–295.

[2] *Грыгаровіч І. І.* Беларуская іерархія: да тысячагоддзя хрысціянства на Беларусі. Мн., 1992. С. 28.

[3] Новгородская летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. 1950. Т. 3. С. 84.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

писи[1]. Убийство Войшелка князем Львом трактуется летописцем как дело, инспирированное самим дьяволом[2].

Весьма интересен и тот факт, что возникновение ВКЛ нашло отражение и в микротопонимике городов Западной Беларуси. В Новогрудке до сих пор сохранилась возвышенность с названием Гора Миндовга. В предместье Пинска – Лещах – был курган Могила Войшелка[3]. Белорусский исследователь Э. Зайковский весьма точно подметил тот факт, что *«в данном случае не так существенно, что археологические исследования датируют курган не XIII, а концом X – началом XI в. Главное, что имя продолжателя дела Миндовга сохранилось в людской памяти»*[4].

Источники свидетельствуют об активном участии восточнославянского боярства Понеманья в процессах государствообразования и их сознательном выборе в пользу литовской династии[5]. В связи с этим уместно будет привести несколько фактов, подтверждающих данный тезис и нашедших отражение в археологических источниках, материалах топонимики и этнографии. На северо-востоке Виленщины существует целая серия топонимов «Кривичи», «Кривитишки». Поселения с такими названиями не могли возникнуть позднее XII в. или, в крайнем случае, в XIII в., так как даже в восточнославянской среде данный топоним вышел из употребления не позднее конца XII в. Для этого региона характерно большое количество населенных пунктов с названием «Gudeliai» (термином «gudas» литовцы определяли представителей восточнославянского населения, и это слово в литовском языке до сих относится к белорусам). На территории Кривого города в Вильно (гора Бекеша) наиболее ранние культурные слои датируются XII–XIII вв. и носят выразительный восточнославянский характер. Раскопки на горе Гедимина дали репрезентативные восточнославянские материалы XI–XIV вв., характерные для городской древнерусской материальной культуры[6].

---

[1] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. 1908. Стб. 862.

[2] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII вв. С. 231.

[3] *Зайкоўскі Э.* Беларусы ведалі сваіх герояў // Спадчына. 1995. № 2. С. 195.

[4] Там же.

[5] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории : в 2 т. Т. 2. М., 1939. С. 53. См. также: *Насевіч В.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. С. 37, 41, 59; *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне ВКЛ. С. 13–177.

[6] *Голубович В.* Кривой город – Вильно // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 11. 1945. С. 114–125; *Йонайтис Р.* «Русский город», исторически сформировавшийся в Вильнюсе в XIV – XV вв. // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. 2009. С. 94–104.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

В ходе археологических исследований на территории Нижнего замка, находившегося на месте современной Кафедральной площади, были обнаружены остатки городской культуры XI–XII вв.[1] В это время на этой территории уже существовал ремесленный посад, при этом материальная культура свидетельствует о доминировании восточнославянского населения в этой части Вильно. Найдены типичные для восточнославянской высокой культуры самшитовые гребни, шиферные пряселки, шахматные фигурки, кожаная обувь, каменные литейные формы, кресты-энколпионы XII–XIV вв., типичная восточнославянская керамика и т. п. Деревянные постройки имеют непосредственные аналоги в материалах раскопок Менска и Берестья. Еще более впечатляющие материалы были получены в ходе раскопок Кернавы и ее окрестностей. В литовской историографии Кернаво называется «литовской Троей» – легендарной резиденцией Миндовга. Археологические исследования памятника показали, что значительная часть населения в XIII–XIV вв. была представлена носителями восточнославянской культуры. Это касается и части дружины, и их семей. О тесных связях с Верхним Понеманьем, Новогородком (Новогрудком) красноречиво свидетельствуют ювелирные украшения головных женских венков. Часть из них выполнена в той же ювелирной форме, которая была найдена Ф.Д. Гуревич во время раскопок Новогрудка. Погребальная обрядность этого населения, в отличие от языческой литовской, представлена малоинвентарными христианскими погребениями в грунтовых могильниках[2]. Данные факты весьма красноречиво свидетельствуют о присутствии в окружении Миндовга представителей восточнославянского боярства, дружинников с территории Верхнего Понеманья, достаточно большого количества восточнославянского населения, обосновавшегося на землях этнографической Литвы уже в то время.

Кроме того, как было подчеркнуто в предыдущей главе, нет также никаких свидетельств о насильственном захвате литовцами и Полоцкой земли[3]. Можно лишь говорить о военном давлении литовцев

[1] *Зайкоўскі Э. Э.* Этнічная і канфесійная сітуацыя ў гістарычнай Літве на рубяжы XIV–XV стст. // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV – XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі : да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Гродна, 8–9 ліп. 2010 г. ; рэд. А. А. Каваленя. Мн., 2011. С. 14.

[2] Там же. С. 19–23. Более детально о результатах раскопок см.: *Гуревич Ф. Д.* Древности белорусского Понеманья. 1962; *Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок: посад – окольный город. 1981.

[3] *Сагановіч Г.* Інфлянцкія немцы ў Полацку ў сярэдзіне XIII і пачатку XIV ст. // БГА. Мн., 2000. Т. 7, сш. 1. С. 98–99.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

на Витебск, результатом которого и стал приход Ольгерда к власти в этом городе. Данное обстоятельство не противоречит возможности заключения брака Ольгерда с местной княжной. Такой брак создавал видимость добровольного признания витеблянами власти литовского князя, узаконивал его власть и щадил чувства новых подданных. Данные факторы имели колоссальное значение с точки зрения дальнейшего сотрудничества витеблян с князем. Они не были завоеваны «через меч», а вошли, с формальной стороны, в состав ВКЛ добровольно, приняв на княжеский стол представителя литовской династии[1].

Весьма показательны и события 1370 г. Ряд восточнославянских князей, в том числе и смоленский князь Святослав, были отлучены от церкви московским митрополитом Алексием за то, что воевали на стороне Ольгерда. Митрополит, ставленник Дмитрия Донского, освобождал князей от присяги Ольгерду и принуждал их под угрозой отлучения от церкви присягать на верность московскому властелину. Однако это ни к чему не привело. Князья, нарушая присягу Дмитрию Донскому, воевали на стороне Ольгерда[2]. Смоленский князь Святослав, *«... преступив клятвы, договор, обещание и крестное целование, ополчился вместе с Ольгердом против христиан, и многие из них были убиты и разорены»*[3]. Для смоленского князя литовский монарх-язычник был более «своим», чем православный московский князь, на сторону которого стал митрополит.

В целом для эпохи Миндовга можно выделить определенные механизмы, направленные на усиление власти и ее легитимизацию. Во-первых, это использование личных качеств правителя, его способность к военной и административной политике и подчинению. Во-вторых, политическая стратегия, направленная на признание государственного объединения в глазах соседей, достигнутая в данном случае с помощью крещения и коронации правителя. И наконец, попытка утверждения правящей династии, которая, правда, закончилась провалом.

Нужно учитывать, что процесс институционализации власти в складывающемся государстве – процесс неоднородный и длительный. И в раннем ВКЛ он проходил в несколько этапов. Легитимность рода поначалу не играла первостепенного значения. Только после времени

[1] *Варонін В. А.* Княжанне Альгерда ў Віцебску // Беларус. гіст. час. 2013. № 7. С. 4–14.

[2] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 40 т. Т. 6. 1880. С. 118–120.

[3] Там же. С. 122.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

правления Гедимина можно говорить о сложившейся династической структуре ВКЛ. Тем не менее даже для времен Миндовга было очень важно проследить родословную линию правителя для подтверждения его права на верховную власть или ее часть[1]. В зрелом государстве такое право обычно имел один, чаще старший, из сыновей. Но в условиях неустоявшегося династического правления престол мог унаследовать и другой близкий родственник правителя[2]. Легендарный Рингольт, упомянутый летописцами в качестве отца Миндовга, вероятнее всего, стал таковым только в летописях XVI в. для обоснования легитимности правления и притязаний на престол первого правителя ВКЛ. Вероятный отец Миндовга, которого Ливонская рифмованная хроника называет «великим королем», несомненно, был одним из наиболее влиятельных литовских князей своего времени. Но вот статус его сыновей, Довспрунка и Миндовга, упомянутых только после Живинбуда, может свидетельствовать о том, что в начале XIII в. они являлись представителями одной из нескольких влиятельных и, скорее всего, борющихся друг с другом за власть правящих родовых коалиций. Тем не менее очевидно, что уже при Миндовге началось постепенное формирование династического самосознания. Об этом может свидетельствовать, в частности, коронация Миндовга в 1253 г., а также разрешение короновать своего сына, полученное первым правителем ВКЛ от Папы Александра IV в 1255 г.

Показательной в этом отношении является грамота Миндовга от 1255 г. Несмотря на то что ее подлинность до сих пор вызывает дискуссии в научном сообществе, формулировка документа отчетливо свидетельствует о политике лавирования, проводимой Миндовгом с целью заручиться военной поддержкой Ордена в обмен на земли на условиях «кормления»: «*Myndowe, Dei gracia primus rex Lettowie, universis Christi fidelibus, ad quos presens scriptum pervenerit, salutem in filio Dei vivi. Cum dilecti nobis in Christo magister, et fratres domus sancte Marie Theutonicorum in Lyvonia, sua fideli ac diligenti persuasione de tenebris gencium nos vocarint, ut cum ceteris Christi fidelibus veritatis lumen eo levius agnoscere valeamus, et, eorum auxilio mediante, dominus apostolicus nos renasci fecerit per unde graciam baptismalis, et de sua solita clemencia nos in regem tocius Lettowie fecerit coronari. Cum itaque*

[1] *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства. С. 97.

[2] *Raffensperger C.* Ties of kinship: genealogy and dynastic marriage in Kyivan Rus'. Cambridge, 2016. P. 17–32.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

vigilanti sollicitudine meditaremur, quid ad eiusdem regi conservationem et protectionem nobis expediret, fide conspeximus oculata, nobis fore valde necessarium, ac proficuum fidei christiane, quatinus circa memoratos magistrum et fratres de Lyvonia donationes regias faceremus. Licet tamen eorumdem perutilis ordo ad huiusmodi ecclesie singulare subsidium a Domino sit feliciter institutus, ut ipsi in assistendo nobis eo fore valeant forciores, et nos eo liberius ac potencius impugnatoribus regni nostri fidei quoque rebellibus resistere valeamus; et cum eciam nemo cogetur suis stipendiis militare, de consensu heredum nostrorum, predictis magistro et fratribus in Lyvonia terram, que Selen dicitur, videlicet Meddene, Pelone, Maleysine, Thovraxe, cum suis attinenciis, duximus assignandam, perpetuo libere possidendam. In cuius itaque facti perhennem memoriam presentem paginam sigilli nostri munimine fecimus roborari. Datum anno Domini MCCLV, mense Octobris»[1]. И, несмотря на то что данное свидетельство вряд ли можно рассматривать как реальное свидетельство установления вассальной зависимости Миндовга от Ордена, как указывал в своих исследованиях Р. Гагуа, очевидна продуманная политика первого правителя складывающегося государства, направленная на упрочнение своего положения не только внутри самого общества, но и за пределами собственно литовских территорий[2].

Таким образом, коронацию Миндовга, равно как и дипломатическую политику, проводимую им в отношении западных соседей,

[1] Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz. L.S. Shciebel 11. № 9 (A); Текст и перевод по изданию Міндаўґ, кароль Літовіі, у дакумэнтах і сьведчаньнях = Mindowe, rex Lithowiae, in litteris et testimonies / пад рэд. А. Жлукі. 2005: *«Миндовг, Божьей милостью первый король Литвы, всем верующим во Христа, до которых представленная грамота дойдёт, [желает] спасение обрести в сыне Божьем животворящем. С любезным нам магистром и братьями Дома святой Марии Тевтонского в Ливонии в свою веру посредством настояний и убеждения из тьмы язычества воззвали, чтобы вместе с другими верующими в Христа мы смогли легче познать свет истины, и благодаря их помощи господин Апостолик пожелал возродить нас посредством благодати крещения, и по своей доброте неизменной дал разрешение на коронацию нас королём всей Литвы. Затем с неослабевающей озабоченностью мы думали о том, кто помог бы нам это самое королевство сохранить и защитить, верно своими глазами увидели, что будет необычайно для нас необходимым, а тем более полезным для веры христианской, упомянутым магистру и братьям в Ливонии пожалования королевские сделать. Поскольку позволено было счастливым образом по Божьей воле учредить этот самый необычайно полезный Орден для церкви единой в поддержку, чтобы сами они могли нам оказывать более существенную помощь, и мы таким образом, и потомки наши были способны успешно защищаться от нападений на королевство наше, равно как и от против веры восставших и отступившихся, и также с тем, чтобы никто не был бы озабочен своей обязанностью воевать, с согласия наших наследников, вышесказанным магистру и братьям в Ливонии на земли, которые зовутся Зелонией, очевидно Медене, Пелоне, Мелесине, Товраксе, с тем что к ним относится, в право владения вводим, [предоставляя] свободу вечного властвования. И также, чтобы такое дело осталось в долгой памяти, представленный документ, печатью нашей скрепляя, в законную силу вводим. Дано в год Господень 1255, в месяц октябрь».*

[2] *Гагуа Р.Б.* Тевтонский орден и образование Великого княжества Литовского. С. 160.

Электронный библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

можно оценивать как стремление князя получить дополнительную гарантию признания легитимности не только его правления, но и будущего его наследников. Ведь королевская корона для его преемника, законного наследника, могла стать дополнительным и определяющим шагом к узакониванию систематизированных принципов престолонаследия и утверждению преемственности королевской власти[1].

Борьба за власть, развернувшаяся после убийства Миндовга, говорит о следовании данному принципу родства в престолонаследовании. Борьба за престол шла только внутри его семьи. И Тройнат, и Войшелк, и Шварн претендовали на верховный престол как родственники Миндовга (его племянник, сын и зять). Дополнительным доводом в пользу этого утверждения может служить также тот факт, что после гибели Треняты и Товтила в междоусобной борьбе именно Войшелк, сын Миндовга, занимает литовский престол. Это особенно показательно, если учесть, что накануне данного события Войшелк покидает мирскую жизнь и уходит в монастырь, но после смерти отца, в условиях внутриполитической борьбы, выполняет свой княжеский долг и садится на княжеский стол, несомненно, с согласия литовской знати: *«Литва же всѧ при æша и с радостью . своего . господичича»*[2].

Борьба между несколькими княжескими родами за власть, а также общая смута, царившая на литовско-белорусских землях в то время, не позволили роду Миндовга окончательно закрепиться на престоле и положить начало сильной княжеской династии[3]. Летописи свидетельствуют о наличии сильной оппозиции и во времена Войшелка, который прибегает к силе, чтобы обезопасить себя: *«Воишелкъ же нача кнѧжити . во всеи земли Литовьскои . и поча вороги своѣ избивати . изби ихъ бещисленое множество . а дроузии розбѣгошасѧ камо кто видѧ»*[4]. Кроме того, Новгородская первая летопись содержит записи о мятеже в Литовской земле под 1265 г., из-за которого в Псков бежало триста врагов Войшелка «с женами и детьми»[5].

---

[1] *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства. С. 95–100.

[2] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. 1908. Стб. 861; *Толочко П.* Литовский князь Войшелк в русских летописях. С. 121.

[3] *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства. С. 95–104.

[4] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т.2. 1908. Стб. 861.

[5] НПЛ. С. 84–85, 313–314; *Толочко П.* Литовский князь Войшелк в русских летописях. С. 122.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Тем не менее даже если утвердиться правящей династии со времен Миндовга до воцарения Гедиминовичей не удалось, очевидно, что между княжескими родами существовали другие виды связей, достигаемых в том числе с помощью брака. Все эти роды, относимые, по мнению литовского исследователя Р. Петраускаса, к древнейшим, скорее всего, происходили из так называемой летописной «Литвы», то есть земель современной Восточной Литвы и Западной Беларуси, которые к периоду образования ВКЛ оказались его политическим и экономическим центром. Вероятно, отсюда происходил и род, получивший с XVI в. имя Гедимина[1].

Создание правящей династии и обоснование права на престол ее представителей было одним из первоочередных условий сохранения стабильности на литовско-белорусских землях в условиях складывания ВКЛ. Поэтому история правящего рода началась с Гедимина, деда Ягайлы и Витовта. Именно он считался в восточнославянской традиции родоначальником правящей династии и основателем столицы ВКЛ – Вильно[2].

Примерно в это же время формируется и принцип престолонаследия, призванный усилить позиции правителя и снизить возможность правительственного кризиса после смерти великого князя. В 1341 г. Гедимин с помощью своеобразного «завещания» решил разделить свои владения после смерти между сыновьями, выделив при этом верховного князя, которым стал Явнут. Этот поступок можно рассмотреть как его стремление сохранить ключевые позиции в государстве за представителями одного рода. Более того, с этого времени на литовско-белорусских землях формируется воззрение, согласно которому все государство является «владением» правящего рода. Что еще более примечательно, именно со времен Гедимина можно говорить о начале новой традиции титулования великих князей, которые начинают именовить себя потомственными правителями («domini / haeres naturales»)[3].

Необходимо подчеркнуть постоянное упоминание правителей ВКЛ в связи с их предшественниками, родителями или другими родственниками-монархами, которое появилось также благодаря развитию традиции престолонаследия. Так, в «Слуцкой летописи» написано: *«...А князь великы Витовть за оден день приженеть из Городна*

[1] *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства. С. 100–115.

[2] *Гудавичус Э.* История Литвы. С. 45.

[3] Там же. С. 40–60.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

ко отцу своему великому князю Кейстутию»[1]. Причем, распространялась подобная традиция не только на великих князей, но и на правителей княжеств, оказавшихся в составе ВКЛ. Так, в 1385 г. полоцкий князь Андрей Ольгердович писал в ленной грамоте ливонскому магистру Робину фон Эльтцу: «*…Totum regnum Ploscoviensem, quod pater noster | Algirde, quondam rex Littovie, nobis in vita sua assignavit et dedit, et post patris | obitum fraters nostril nobis dederunt et assignaverunt, sicut in eorundem fratrum nostrorum patentibus | litteris clarius apparet, venerabilibus religiosis dominis, magistro et fratribus Ordinis Theutunici in Lyvonia | damus et assgnamus …»*[2].

Стремлением закрепить за своим родом право на великокняжеский престол следует интерпретировать и брачную политику, проводимую великими князьями, начиная с Витеня и Гедимина. Как отмечал Стивен К. Роуэлл, браки с представителями других королевских либо княжеских родов означали не только международное признание династии, но и рост ее авторитета внутри государства. Так, почти все дети Гедимина, по крайней мере, те, о которых у нас есть достоверные данные (шесть дочерей и трое сыновей), вышли замуж или женились на лицах королевской или княжеской крови[3]. В «Старшей Оливской хронике» содержатся сведения о том, что *«et extunc rex Polonie predictus contracta amicicia cum rege Litwinorum Viten nomine, cuius filiam filius regis Polonie duxit in uxorem, incepit impetere terram Pomeranie…»* (*«Названный король Польши, заключив дружбу с литовским королем Витенем, чью дочь взял в жены сын короля Польши, начал заявлять притязания на Померанскую землю...»)*[4]. И, несмотря на то что в данном конкретном случае автором хроники была допущена хронологическая ошибка, так как в это время уже княжил Гедимин и речь шла о браке Казимира III Великого с дочерью литовского правителя Анной, сам факт оперирования к династическому союзу как одному из механизмов упрочнения отношений между государствами и усиления власти самого правителя очевиден.

[1] Слуцкая летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 68.

[2] ПГ. Т. 1. С. 74. *«… Полоцкое княжество, которое наш отец Ольгерд, некогда литовский князь, при своей жизни дал и закрепил за нами, а после смерти нашего отца дали и закрепили наши братья, как явствует из открытых грамот тех же наших братьев, мы даем и назначаем...».* См. также: *Груша А. И.* Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). С. 122.

[3] *Rowell S. C.* Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345. С. 132. См. также: *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства. С. 114–115.

[4] Die aeltere Chronik von Oliva. 1874. S. 609.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Гедимин
Иллюстрация из «Опыта описания Европейской Сарматии» Александра Гваньини

Аналогичные сведения содержатся в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга в отношении Гедимина: «*Anno domini MCCCXXVI Loteko rex Polonie rogavit Gedeminum regem Lethowinorum, cujus filiam filius ejus noviter duxerat in uxorem, ut ei aliquos armigeros de gente sua mitteret. Qui precibus ejus acquiescens, MCC equites destinavit ei. Hii de mandato dicti Lotekonis adjuncti populo suo armata manu hostiliter intraverunt terram marchionis de Brandenburgk circa civitatem Frankenvurdam, et totam illam contractam, que continebat ultra centum et XL villas, ecclesias parochiales totidem, cenobia monachorum ordinis Cisterciensis tria et claustra sanctimonialium duo, et plura religiosorum et secularium monasteria, spoliis et incendio destruxerunt, inhumaniter religiosos et sacras deo dicatas virgins de claustris extrahentes, ministros ecclesie et sacerdotes, vasa sacra, vestes et sacramenta alia pertractantes*»[1].

Таким образом, можно сказать, что династические браки являлись одним из самых распространенных механизмов институционализации власти в генеалогической перспективе. Хотя даже после окончательного утверждения династии Гедиминовичей долгое время существовала определенная запутанность при наследовании престола. Отсутствие четко регламентированного порядка передачи власти, конкуренция внутри самой династии способствовали возвышению отдельных группировок знати и их попыткам оказывать влияние на правителя. Данная тенденция сохранялась вплоть до конца XV в.

[1] Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 193. Здесь и далее перевод по: Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / под ред. В. И. Матузовой. 1997: *«В год от Рождества Христова 1326 Локетек, король Польши, попросил Гедимина, короля литвинов, чью дочь его сын только что взял в жены, чтобы он послал ему оруженосцев из народа своего. Он, удовлетворяя его просьбу, отправил ему 1200 всадников. Они по велению упомянутого Локетка вместе с народом его с оружием в руках вторглись в землю маркграфа Бранденбурга близ города Франкфурта и все к нему относящееся, а это составляло более 140 деревень, столько же приходских церквей, три братства монахов цистерцианского ордена и два женских монастыря и много монастырей черных и белых монахов, разорили огнем и мечом, бесчеловечно изгоняя из монастырей монахов и посвященных Богу девушек, слуг церкви и священников».*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Еще одним основанием власти правителей на белорусских землях в период складывания ВКЛ являлось землевладение. В принципе, его можно рассматривать как исторически сложившийся механизм или условие существования и сохранения княжеской власти не только для самого ВКЛ, но и для других княжеств, расположенных на белорусских землях в XIII в. в условиях распада Руси. Тем не менее особенно актуальным оно стало в условиях существования крупного государственного образования, которым явилось ВКЛ.

К началу рассматриваемого периода размеры землевладений, принадлежавших лично правителю, являлись весьма ограниченными. Данную точку зрения, например, разделял Х. Ловмяньский. По мнению исследователя, крупное землевладение сложилось только к эпохе правления Витовта. До этого на белорусско-литовских землях господствовала организация власти, основанная на личных связях. Размер владений при этом понимался не столько в «территориальном», сколько в «личностном» смысле[1]. Но более важным в этом отношении для представителей власти была не принадлежащая ей земля, а авторитет монарха в глазах людей, живущих на данных территориях. Более того, первые правители считали свои земли и населявших их жителей своей опорой, называя в хрониках и летописях «родственниками и друзьями». Это находило отражение в личных связях, господствовавших в отношениях между правителями и подданными.

Оплотом и символом власти правителя, помимо его личных владений, был также замок. В «Хронике» Петра из Дусбурга говорится о том, что во времена правления Гедимина *«Secunda pars exercitus, soilicet frater Fridericus de Libencele commendator de Raganita cum CL viris debebat latenter subintrare castrum Gedemini et expugnare, sed nescio quo casu castrenses premuniti castrum defenderunt, suburbia penitus a fratribus concremato»*[2]. *«Anno domini MCCCV circa assumpcionem beate virginis, frater Philippus de Bolandia, advocates episcope Sambiensis, et XI fraters oum oc viris, tres villas regis Lethowinorum incenderunt, captis hominibus et occisis. Medio tempore, quo hec agerentur, rex quasi omnes*

[1] *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства. С. 113; Более подробно об организации власти и отношениях правителей – подданных см.: *Lowmianski H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1983; *Пятраўскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV – XV ст. С. 165; Halecki O. Litwa, Rus, Zmudz jako części skladowe Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1916. S. 31.

[2] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 183. *«Второй отряд, а именно брат Фридрих фон Либенцель, комтур Рагаиты, со 150 людьми должен был незаметно подойти и взять замок Гедимина, но я не знаю, каким образом предупрежденные жители замка защитили его, а предместье было дотла сожжено братьями».*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

pociores regni sui habuit circa se congregatos in quodam tractatu, seu parlamento, et dum hec perciperet, cum mille et quingentis viris sequebatur».[1] Автор подчеркивает наличие не просто замка, а замка правителя – Гедимина. Кроме того, в данном сообщении четко фиксируется наличие двора, состоящего из наиболее влиятельных нобилей государства. По сути, мы имеем одно из первых свидетельств существования аристократического совета при великом князе, той структуры, которая позднее получит название «паны-рада». Таким образом, еще одним своеобразным механизмом, а точнее, инструментом институционализации власти и поддержания ее функций явилось создание своеобразного административного аппарата, служащего в интересах правителя.

Тот же Петр из Дусбурга писал об административном устройстве Литвы времен Гедимина: *«Hoe anno VII Kalendas Decembris nuncio legatorum Rigam sunt reversi, et cum eis quidam Lethowinus nobilis et quasi secundus post regem, qui ex ore ipsius regis in presencia legatorum et multitudine prelatorum et aliorum fidelium circumstante alta voce dixit, quod nunquam alique litere de consciencia regis super negocio baptismatis sui vel suorum emanaverint, aut domino pape fuerint presentate, nec mandaverit talia in civitatibus maritimis et provinciis aliis in sermonibus publicari; addends, quod ipse rex per deorum potenciam juraverit, quod nunquam aliam legem vellet assumere, preter eam, in qua progenitores sui decesserunt»*[2].

В ходе развития государства и его централизации появилась необходимость уничтожения старых центров власти, ограничивающих власть монарха. Каждый правящий род стремился к созданию нового служилого сословия, отвечавшего интересам не только государства в целом, но в первую очередь поддерживающего существующую власть и способного стать ее прочной опорой. Это характерно для эпохи Гедиминовичей, а также может быть прослежено в период правления Витовта. Для более ранних этапов политогенеза на белорусско-литовских землях старая знать могла не уничтожаться, но трансформироваться

[1] Там же. S. 171–172. *«В год от Рождества Христова 1305, в канун Успения Пресвятой Девы, брат Филипп фон Болант, фогт епископа самбийского, и 11 братьев с 200 воинами сожгли три деревни короля литвинов, взяв людей в плен и убив. Между тем король находился в окружении почти всех лучших людей своего королевства, которые были собраны на какой-то совет, или парламент, и когда он узнал это, то погнался за ними, а с ним 1500 человек».*

[2] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 192. *«В тот год гонцы легатов вернулись в Ригу, а с ними – один знатный литвин, будто бы второй после короля; он от лица этого короля в присутствии стоящих вокруг легатов и множества прелатов и прочих христиан возгласил, что они никогда не дождутся никакой грамоты о согласии короля на крещение свое или своих людей и они не будут представлены господину папе, и он не повелит проповедовать такого в поморских городах и провинциях, добавив, что этот король силой богов своих поклялся, что никогда не примет иного вероисповедания, чем то, которому следовали его предки».*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

из локальной знати в бояр правителя. Это было, в частности, характерно для эпохи Миндовга. Так, наследники князей Рушковичей – участников договора 1219 г. с Волынью, Сирвид и Вайшна («Аишьвно») Рушковичи, в 40–50-е гг. были воеводами Миндовга, а другие участники того же договора, князья Делтувы Бикшис (Бикши) и Лигейкис (Ликиик), выступали свидетелями документа Миндовга 1260 г. как его «бароны». Примечательно, что термином «nostri barones» в Польше XIII в. описывались приближенные к правителю представители знати, занимающие высокое положение в стране[1]. В ходе расширения государственной территории усиливалась не только власть правящей династии. Вельможи, признавая верховную власть монарха, могли также сохранить свое влияние и даже усиливать его в окружении правителя[2]. Власть князя опиралась на собрание представителей знати, упоминания о совещаниях с которыми можно встретить в летописях. Так, описывая поход Витеня, вызванный строительством прусского военного корабля, Петр из Дусбурга писал: *«Rex Lethowinorum audita fama navis hujus, turbatus est, et omnis Lethowia cum eo, et post multa consilia variesque tractatus habitos pro destructione ipsius, tandem misit nobilem virum et bellicosum Surminum cum centum navibus, in quibus erant sexcenti viri et intus»*[3].

Успешность проводимой правителем политики во многом зависела от того, насколько ловко ему удавалось лавировать между несколькими сильными группировками знати, которые, как правило, существовали в обществе.

Интересно, что процесс консолидирования власти в руках правителей ВКЛ происходил не постепенно, а своеобразными рывками, от правителя к правителю, затухая во время очередного династического кризиса и возрождаясь при очередном сильном правителе. Разумеется, династическая структура сама по себе была определенным гарантом сохранения государственной организации, однако поддержка со стороны наиболее влиятельной части вельмож была необходимой предпосылкой успешного утверждения власти нового монарха в стране[4].

---

[1] *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства. С. 100–115.

[2] Там же.

[3] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 179. *«Король литвинов, до которого донеслась молва об этом корабле, разгневался, а с ним – вся Литва, и, проведя много советов и разных переговоров об уничтожении его, он наконец послал знатного и воинственного человека Сурмина с сотней кораблей, на которых было более 600 человек и сто коней».*

[4] *Пятраўскас Р*. Літоўская знаць у канцы XIV – XV ст. С. 164–165.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Невозможно также представить власть монарха без определенного финансового аппарата, служащего опорой для всего государственного образования. Такой поддержкой, несомненно, являлась налоговая система, которая формировалась постепенно в ходе развития государственности, а также образование определенных инстанций, служащих для защиты власти. Правда, о наличии суда, а также органов местного управления можно говорить лишь с конца XIV в. К этому времени в состав государства вошли все белорусские, литовские, частично украинские, российские и польские земли. Бояре удельных княжеств и жители крупных городов заключали с великим князем ВКЛ договоры о его верховной власти и сохранении местного самоуправления земель с их древними законами. Во главе ВКЛ находился великий князь, который считался и символом верховной власти. Его суд считался высшей и конечной судебной инстанцией. Великий князь имел широкие полномочия: командовал войском ВКЛ, издавал законодательные акты (привилеи, отдельные акты церкви, городам, землям, частным лицам), распоряжения, руководил внешней политикой, финансово-хозяйственной деятельностью, определял основные направления религиозной политики государства[1]. Кроме того, именно к этому времени, концу XIV в., устанавливается аппарат управления и систематизируются органы власти, регулирующие работу всего государства[2].

Тем не менее для целенаправленной политики легитимизации власти использования отдельных, упомянутых выше механизмов было недостаточно. Требовалось также принятие общей системы обществом, то есть превращение данной политики в «традицию».

О подобном правлении, основанном на традиции, не раз упоминают многочисленные летописные источники. Петр из Дусбурга, описывая обращение Витеня к архиепископу Риги Фридриху с обещанием крестить Литву и короноваться, подчеркивает напоминание монарха о попытках Миндовга к крещению и его коронации и представляет его действия как продолжение подобной традиции[3]. Но особенно это стало заметно ко времени правления Витовта.

К этому периоду сформировались не только традиционные принципы восприятия великого князя как верховного монарха объединенных территорий, но закрепилась система четких взаимоотношений

[1] *Юхо Я. А.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. С. 40.
[2] Там же. С. 42.
[3] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 188.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

между правителем и социумом, а также между монархом и его ленными владениями.

Так, в 1393 г., когда литовский престол занял Витовт, НПЛ отмечала заключение мирных отношений между Новгородом и ВКЛ, основанное на традиции: *«Седе на княженьи в Литве князь Витовт Кестутьевич, и новгородцы взяша с ним мир по старине»*[1]. Здесь речь шла о сохранении литовских княжеских кормлений в Новгородской земле, учрежденных после заключения союза в 1326 г. и надолго ставших традиционными. До указанного периода пограничные волости принадлежали исключительно князьям смоленской линии – потомкам внука Владимира Мономаха Ростислава Мстиславовича, бывшим предшественникам литовских князей по владению Торопцем и Ржевом. Данный вопрос был подробно рассмотрен В. Л. Яниным в работе «Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв.»[2]. Автор подчеркивал, что литовские права на получение черной куны с пограничных новгородских территорий никогда не подвергались сомнению со стороны русских великих князей, которые происходили не из потомства Мстислава Владимировича, а из потомства Юрия Долгорукого[3].

В НПЛ так описывается приход на кормление сына Гедимина Наримонта в 1333 г.: *«Сем же лете въложи Бог в сердце князю Литовьскому Наримонту, нареченному в крещении Глебу, сыну великого князя Литовьскаго Гедимина, и присла в Новъгород, хотя поклонитися святеи Софеи; и послаша новгородци по него Григорью и Олександра и позваша его к собе; и приха в Новгород, хотя поклонитися, месяца октября; и прияша его с честью, и целова крест к Великому Новуграду за один человек; и даша ему Ладогу, и Ореховыи, и Корельскыи, и Корельскую землю, и половину Копорья в отцину и в дедину, и его детем»*[4]. В результате сложилась система, когда князьями Великого Новгорода становились Гедиминовичи.

Сам факт учреждения и долгого сохранения княжеских кормлений в соседних княжествах (так же, как и создание налоговой системы на территории собственных земель) может свидетельствовать о завершении институционализации основных механизмов, направленных на усиление и легитимизацию власти, а также говорить об относи-

[1] НПЛ // ПСРЛ. Т. 3. 1950. Стб. 387; См. также: *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1990. С. 419; *Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 55.

[2] *Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. С. 56.

[3] Там же. С. 57.

[4] НПЛ // ПСРЛ. Т. 3. 1950. С. 345–346.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тельной стабильности верховной власти в рассматриваемый период времени. Подчеркнем, сложившаяся в ВКЛ налоговая система красноречиво свидетельствует, во-первых, об использовании предыдущей, древнерусской традиции, а во-вторых, о равенстве в этом плане и восточнославянских, и балтских земель, отсутствии каких бы то ни было специфических податей, взимание которых могло бы быть объяснено фактом завоевания и насильственного подчинения. В случае завоевания на угнетенное население накладываются дополнительные повинности, которые либо обозначаются новыми терминами, либо словами на языке победителя. В ВКЛ основные подати, которые собирались в пользу государства, подобной практики не отмечают. Везде была распространена медовая дань, причем и единицы облажения, и единицы ее измерения обозначаются или дублируются славянскими терминами даже в тех документах, которые написаны на латинском и немецком языках: «служба», «саха», «серебщина», «устав», «лукно», «пуд» и т. д. Некоторые повинности, как и должности тех, кто их собирает, местного происхождения, были зафиксированы еще в древнерусском летописании – «полюдье», «подводы», «тиун», «наместник». Единственным фискальным термином, который может иметь литовское происхождение, является «дякло»[1].

Для укрепления позиций правителя необходимо было внутреннее, в том числе социальное и экономическое благополучие населения и знати, на которую он опирался. Зачастую этого невозможно было достичь только лишь с помощью устоявшихся правил и порядков, особенно на первых этапах рассматриваемого периода времени.

В первые десятилетия и даже столетие после создания ВКЛ не меньшее значение играл личный авторитет правителя, его качества, а также способность «огнем и мечом» защищать свои владения и расширять их. Наверное, неслучайно именно для первых правителей ВКЛ летописцы используют особенно много описательных характеристик, называя их сильными противниками, могущественными воинами и т. п. Это говорит о важности подобных качеств для правителя, а также значимости подобных характеристик для современников первых правителей складывающегося государства.

Кроме того, как было указано выше, большое значение в то неспокойное время уделялось способности правителя быть не только политиком, но в первую очередь военным предводителем. Именно та-

[1] *Насевіч В. Л.* Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. С. 295–296.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

кими перед нами предстают в текстах нарративных источников Миндовг, Витень и Гедимин.

Одним из наиболее воинственных правителей раннего ВКЛ являлся Витень. Его имя неоднократно появляется на страницах летописей, особенно немецких, именно в связи с военными событиями. Особенно пристальное внимание таким походам уделяется в орденских хрониках, что, несомненно, было связано с их общей прохристианской направленностью и желанием изобличить коварного соседа-язычника.

Зачастую такие сообщения носили претенциозный характер, а численные данные потерь противника Ордена могли преувеличиваться, что видно из сравнения сведений орденских хроник с другими, в том числе восточнославянскими летописями. Так, при описании событий 1294 г., а именно разорения Витенем Ленчицкой земли и захвата города, Петр из Дусбурга указывает на убийство воинами правителя более 400 человек, а также на участие в военной акции 800 литовских воинов: *«Non longe postea octingenti viri equites de Lethowia destruxrunt in parte terre Polonie, que dicitur Kersow X villas, et occisis Cristianis cum magno spolie recesserunt» («Вскоре после 800 всадников из Литвы разрушили в той части Польши, которая называется Керсов, 10 деревень и, убив многих христиан, ушли с большой добычей»)*[1]. Сравнивая описание данных событий со сведениями «Хроники Литовской и Жемойтской», мы видим несколько другую цифру – уже 1800 воинов, которых Витень *«тихо през лесы, в землю Ленчискую выедишь, кляшторы, костелы побурили, людей духовного и свецкаго стану, преложных и посполитых в неволю забрали, потым села и местечки огнем и мечем сплюндровали»*[2]. Вместе с тем сама специфика военного столкновения, а также общая структура событий находят подтверждение в других источниках и носит достоверный характер.

При этом, как было отмечено ранее, военной политике именно Витеня немецкие хронисты уделяли особенно пристальное внимание, подчеркивая воинственность, жестокость и коварство язычников, которые в большинстве случаев являлись несомненными инициаторами военных акций на земли Ордена, а самые успешные из них неизменно происходили под предводительством их правителя: *«Hoc anno scilicet domini MCCXCVIII de Lethowia CXL viri tam improvise irruerunt in die beati Michaelis in oppidum Straisbergk, quod totum populum et unum sacerdotem*

[1] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 138.
[2] Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час. С. 434.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

occiderunt, mulieribus et parvulis captis et preter verecundiam, quam aliis sacramentis fecerunt, unus purgando alvum baptisterium defedavit»[1].

Вместе с тем даже в период правления монархов-язычников походы литовцев на земли Ордена нельзя рассматривать как стихийные акции, направленные на опустошение соседних земель или обогащение. Главным образом, это была именно продуманная политика, нацеленная на упрочнение своего положения в государстве, а также создание стабильных внешних условий для усиления своей власти. Так, при описании событий конца XIII в. в хронике Петра из Дусбурга говорится, что, придя на подмогу к рижским войскам, Витень разгромил вражеские отряды, несмотря на большие потери в своих рядах, и нанес сокрушительный удар тевтонским рыцарям[2]. В результате военных событий тевтонские рыцари временно прекратили войну против ВКЛ, а Витень решил воспользоваться перемирием для проведения активной дипломатической политики. Источники позволяют утверждать, что в начале XIV в. произошло очередное сближение великого князя и Полоцка. Контекст сообщений дает нам возможность высказать предположение о том, что, вероятно, был заключен союз между Витенем и Полоцком. В сообщениях хроники недвусмысленно указывается на тот факт, что Витень выступает в тесном союзе с Полоцкой землей. В начале XIV в. в нескольких походах Витеня на территории Ордена участвуют «русины», полочане[3].

Кроме того, пристальное внимание автор хроники уделяет и событиям, произошедшим между 1305 и 1311 г., когда совершались неоднократные нападения крестоносцев на Гродно, которые Витень успешно отражал, а также ответные походы великого князя Литовского (в тексте хроники – «короля») на земли Пруссии. 7 апреля 1311 г. произошло сражение между Витенем и Немецким орденом в Бартенской земле. Несмотря на то что первую атаку войска Витеня отбили, они не смогли выдержать дальнейшее наступление и отступили. Примечательна в этом отношении оценка события Петром из Дусбурга, который оценивает его как кару князя-язычника, причинившего столько бед христианским рыцарям. Подчеркнул он также и то, что Витень и в этом сражении, как и в предыдущих, разворовал

[1] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 164. *«В тот год… 1298, 140 человек из Литвы так внезапно ворвались в день святого Михаила в город Штрайсберг, что убили всех людей и одного священника, взяв в плен женщин и детей, и помимо ущерба, который нанесли прочим святыням, один из них… осквернил баптистерий».*

[2] Там же. S. 163.

[3] Там же. S. 173.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

и уничтожил немало христианских храмов, а также увел сотни пленных[1].

Тем не менее даже при талантливом военном ведении дел невозможно достичь международного признания без успешной дипломатической политики, которую также можно рассматривать как один из механизмов институционализации власти.

Олицетворением умелой и продуманной внешней политики и дипломатии в рассматриваемый период времени, несомненно, является Гедимин. Его переписка 1322–1324 гг. с Римским Папой Иоанном XXII вошла в историю как «Письма Гедимина» и является наиболее ярким отражением стремлений монарха укрепить свои позиции не только внутри своего социума, но и в глазах европейского сообщества. В то время церковь играла огромное значение, поэтому получить признание высших слоев христианской церковной иерархии означало, по сути, своеобразное признание в глазах всего христианского европейского сообщества, а значит, повышало авторитет и самого правителя, и его государства в целом.

В 1322 г. Гедимин отправил Папе Иоанну XXII первое послание с выражением стремления наладить мир со всеми христианскими соседями, а также принести католичество в его языческую страну[2]. Правда, когда через два года папские легаты прибыли в Великое Княжество Литовское с целью осуществить задуманное, Гедимин отказал им, сказав, что собирается, как и впредь, жить и умереть язычником. В то же время Папа не нарушил данное им обещание и сохранил мир на протяжении еще четырех лет. Правда, это, скорее, было обусловлено общей политической обстановкой, царившей в Западной Европе в то время.

В целом политика Гедимина является ярким примером умелого политического лавирования, а также осознанного использования наиболее эффективных механизмов институционализации власти. Страдающий от недостатка легитимности, так же, как некогда Владимир Святославович в Древней Руси, он направил все свои усилия на то, чтобы стать в глазах потомков не только успешным военным захватчиком или дипломатом, но, прежде всего, законным наследником престола и даже основателем династии.

[1] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 176.

[2] Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Gedimino laiškai. 2003. P. 44, 46; *Rowell S. C.* Pagans, peace and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy // Archivum Historiae Pontificiae. 1990. Vol. 28. P. 63.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Власть правителя, несомненно, невозможно было сохранить без значительных материальных ресурсов, являющихся обязательным условием ее поддержания и успешного функционирования. Значимость обладания подобными ресурсами можно встретить неоднократно в летописях. Например, в Супрасльской летописи в описании событий, связанных с противостоянием Витовта, Кейстута и Ягайло, Кейстут говорил Витовту: *«Но я князю великому Ягайлу ничего не вчинил, не рушив семо ни скарбов его, ни стад, а сами у мене не в княстве ходять, толко за мамою сторожею, а отчину его, Ведбескъ и крево, и все мъста, што отецъ его держаль, то все даю ему, ни у во что их не вступаюся»*[1]. Очевидно, что для правителя была важна не только законность своего статуса или историческая традиция обладания определенными наследными владениями, но и наличие конкретных материальных ресурсов.

Политика институционализации власти монарха достигла своего расцвета в эпоху Витовта. Именно его можно охарактеризовать как независимого и сильного правителя, властелина, богоизбранного царя, власть которого наделена особой сакральностью. Со временем его имя станет ассоциироваться с идеальным правителем ВКЛ. Во многом это было обусловлено тем, что к эпохе Витовта христианство начало занимать ведущие позиции в новом государстве, а главными направлениями его политики стали христианизация и вестернизация. Именно к этому времени сложились все предпосылки для использования самого мощного механизма легитимизации власти монарха, а именно – облачения ее ореолом сакральности, святости, то есть ее сакрализации. Этому вопросу, как и феномену образа идеального, богоизбранного правителя Витовта, автором монографии был посвящен следующий раздел.

Таким образом, раннюю монархию в период становления ВКЛ следует рассматривать не только как совокупность территорий, управляемых соответствующими административными институтами, но скорее как политическое образование, созданное и поддерживаемое на основе межличностных связей. Такие связи – непосредственное отношение подчинения между правителем и подданными, дружба или вражда – являлись преимущественными в системе политической вертикали XIII–XIV вв. Тем не менее они не могли быть прочными. Отсюда – и неустойчивость политической системы, постоянная борьба

[1] Супрасльская летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 62.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

за власть, необходимость ее поддержания личным авторитетом и военными заслугами. Но уже после создания династии Гедиминовичей можно говорить о консолидации политической элиты и о сложившейся системе механизмов институционализации власти. К ним можно отнести в первую очередь личный авторитет и харизму правителя, его военные успехи и активную дипломатическую политику, направленную на признание государства в глазах европейского сообщества. Кроме того, немаловажное значение имело создание принципа престолонаследия, сохранения династической структуры власти, а также использование династических союзов. Военно-политические союзы, создание налаженного административного аппарата, отвечавшего за сохранение стабильности государственного устройства, также имели немаловажное значение в процессе институционализации власти. Для поддержания существующего строя и обоснования легитимности правящей династии создавалась соответствующая летописная традиция, закреплявшаяся в умах современников и последующих поколений как норма, старина. Но, пожалуй, самым могущественным механизмом, позволявшим обосновать легитимность правления монарха, а также показать его особую роль в обществе, стала сакрализация власти, придание правителю статуса посланника Бога.

Власть и религия. Сакрализация власти

На разных уровнях развития государственности власть наделялась сакральной силой. Это было необходимо для объяснения особого положения правителей в обществе. Поэтому сначала вождям, а позже – монархам приписывалась особая связь с высшими силами. Правители часто назывались посланниками богов, которые пришли к своему народу, чтобы защитить его и поспособствовать его благополучию. Сам термин «сакральное» происходит от латинского «sacer», который переводится как «священный, святой». Правда, в разрезе вопроса о власти и государстве семантика данного слова была связана в первую очередь с понятием ритуального запрета[1]. Конечно, в языческих и христианских государственных образованиях на разных этапах развития были свои особенности сакрализации власти. Но можно выделить и некоторые общие черты.

[1] *Коротаев А. В.* О сакрализации власти // Сакрализация власти в истории цивилизаций / под ред. Д. М. Бондаренко. М., 2005. С. 5–6.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

На этапе вождеств главные механизмы власти были связаны именно с опорой на силу религии и магии[1]. Известный американский антрополог Эйдан Саутхолл видел в сакрализации власти вождеств и ранних государств естественный процесс и подчеркивал первостепенную роль ритуальной фазы в поддержании образа власти. Согласно его концепции, население догосударственных образований высоко ценило ритуальное и символическое руководство своей жизнью и рассматривало его как естественную защиту от многочисленных угроз. Данные воззрения были закреплены традицией и воспринимались как что-то само собой разумеющееся. Поэтому люди добровольно совершали крупные подношения своим предводителям[2].

Американский антрополог Чарльз Спенсер также видел в сакрализации власти один из наиболее важных и продуктивных способов поддержания авторитета власти правителей на ранних этапах развития государственности[3]. Владение и властью, и собственностью формировало сакральный образ вождя, что возвышало и его самого, и его род. Сакральность, в свою очередь, закрепляла право правителя на собственность, тем самым как бы освещая ее. Собственность, таким образом, начинала сопровождать власть и подчиняться ей. А сама сакрализация власти правителя делала ее легитимной в глазах народа[4].

В связи с этим видится интересным проследить, каким же именно образом происходил процесс сакрализации в дальнейшем, в ходе эволюции государственности, а также проанализировать различия, существовавшие в языческом и христианском обществах. Несомненно, что с принятием христианства на литовско-белорусских землях в процессе образования и развития ВКЛ сакрализация власти правителя приобрела новое значение. Истоки же такой сакральности, применимой для рассматриваемого государства, нужно искать в нескольких традициях. Во-первых, языческой, во-вторых – христианской, существовавшей на землях Руси накануне складывания ВКЛ и вошедшей в традицию многих проживавших там сообществ. В-третьих – в католической христианской модели, характерной для западноевропейских монархий эпохи Средневековья, несомненно,

[1] *Саутхолл Э.* О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина [и др.]. М., 2000. С. 41.

[2] Там же. С. 131.

[3] *Спенсер Ч.* Политическая экономия становления первичного государства // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина [и др.]. М., 2000. С. 141.

[4] *Риер Я. Г.* Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие. С. 28.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

также оказавшей влияние на развитие и принятие важности идеи сакральности монарха.

Французский политантрополог Жорж Баландье, исследуя развитие европейских государств, в частности французского, отмечал, что монархи, по сути, являются родственниками богов и занимают такое же высокое положение. В схожести атрибутов священного и власти исследователь видел давнюю традицию, сохраняющую связь между ними. Высшая власть, связанная с личностью правителя, с ритуалами и церемониалом инвеституры, с процедурами, поддерживающими дистанцию между королем и его подданными, с проявлением законности, обладала особой сакральностью. Ж. Баландье подчеркивал, что именно в период становления государственных начал, в период рождения государства, в момент христианизации общества лучше всего прослеживалось это отношение. С помощью мифов и легенд, которые передавались из поколения в поколение и закреплялись в памяти, становясь традицией, люди получали единственное «повествование» об этих событиях. Это, в свою очередь, утверждало двойную зависимость людей – от богов и королей. Священность власти утверждалась также в отношениях подданного и суверена: в отношении почитания или полного подчинения, страха перед непослушанием, имевшего характер святотатства, и др.[1] Эти рычаги и являлись, по мнению исследователя, основными механизмами сакрализации власти.

В качестве иллюстрации ученый привел феодальную монархию во Франции времен правления Людовика Святого. В данный период государь отождествлялся с посланником Христа, считался его наместником. Его признанием и главным назначением было разговаривать с Богом, он имел в глазах своих современников тесную связь с высшими силами. Естественно, этого добивались не только соответствующими обрядами или традициями. Для того, чтобы подчеркнуть свою особую роль в государстве и на земле в целом, правители строили храмы – места соединения человека и Бога, добывали сакральные христианские реликвии, ценные в глазах своих подданных, и др. Так, уже упомянутый Людовик Святой, окончив строительство легендарного Собора Парижской Богоматери, создал свою биографию, в которой он изображался потомкам в качестве настоящего примера для подражания, наместником Христа, чьим призванием было разговаривать с Богом. Кроме того, он за огромные деньги купил в столице Византии, Кон-

[1] *Баландье Ж.* Политическая антропология. М., 2001. С. 100.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

стантинополе, терновый венец – важную христианскую реликвию, орудие страданий Господа, которая должна была подчеркнуть непрерывную связь Бога и монархии, обретенную им во время коронации[1].

В Западной Европе в средние века можно говорить о феномене королевской святости, черты которой прослеживаются во многих ранних государствах того времени. Согласно европейской исторической традиции модель королевской сакральности появилась в эпоху раннего средневековья, соединив в себе элементы нескольких традиций – от античной до византийской. Известные династии того времени (например, Каролинги, Оттоны) взяли имперские традиции святости монарха, добавив к ним христианские обычаи сакрализации правителя (такие, как присяга и коронация). Коронация являлась особенно важным механизмом институционализации власти, так как создавала новую персону – короля, который был освящен в ходе данного ритуала самим Богом, а значит, и сам становился священной фигурой. В свою очередь, монарх, желая подчеркнуть свой высокий статус посланника Господа, использовал всевозможные символичные и литургические средства, которые могли включать коронацию (с одеванием короны или прохождением под ней), церковные ритуалы, повторение особых псалмов, а также воспевание литургических «представлений взошедшего на престол правителя»[2]. Более того, изобретение сакральных символов и сакрализационных ритуалов привело к созданию образа правителя «vicarious dei», объявлению его носителем двух тел, или сущностей, – одной телесной, личной, и второй сакральной, святой[3]. Все это впоследствии обрамлялось правящей династией ореолом принадлежности к высшему, духовному благодаря коллекционированию святынь, реликвий, которые также могли объяснить сверхъестественную силу правителей.

В Западной Европе королевская святость достигла своего апогея в XIII в. Интересное описание подобных процессов можно найти в трудах известного французского историка-медиевиста Жоржа Дюби (1919–1996), который отмечал, что в данный период времени французским королям удалось сконцентрировать власть в своих руках и стать по-настоящему сакральными правителями. В качестве доказательства он приводил ритуалы, которые имели место в эпоху Средневековья. Надгробия королей позволяли различить все черты правителей – кра-

[1] *Дюби Ж.* Европа в средние века. Смоленск. Минск, 1994. С. 148–149.

[2] *Bernhardt J. W.* Itinerant kingship and royal monasteries in early medieval Germany (936–1075). New York, 1993. P. 49.

[3] *Дюби Ж.* Европа в средние века. С. 182.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

сивых, мудрых и благородных. Их изображения характеризовались наличием всех необходимых атрибутов власти, которые они получали во время коронации: меч, который помогал им бороться со Злом, скипетр – символ правосудия и корона как олицетворение власти, дарованной им Богом[1]. Все это придавало европейским правителям огромную силу в глазах общества.

Надгробие Ягайлы
Краков, Вавель

Конечно, нельзя недооценивать и роль культа предков в данном процессе, который представлял особую ценность именно в ранних, догосударственных образованиях (особенно в родовых). В таких обществах культ предков или особых божеств обеспечивал в целом сакрализацию еще малодифференцированной политической области. А вождь рода являлся единственной точкой соединения между реальным родом, основанным живыми, и родом идеализированным, носителем высших ценностей, символизировавшимся всеми предками. Ведь именно он, вождь, транслировал слово предков живым, а слово живых – предкам[2]. И это являлось его неоспоримым достижением. Подобные идеи были сохранены и в раннем государстве. Одной из наиболее важных сакральных функций правителя при этом было сохранение порядка в своих владениях и защита своих подданных.

Со смертью правителя неизменно должен был наступить хаос, разрушение устоявшегося порядка. Неслучайно князя, в том числе в восточнославянской традиции, часто связывали с солнцем. Правитель воспринимался как транслятор божественного света людям, показывая тем самым неразрывную связь князя и божества, или в христианском мире – Христа, и делая его самого, по сути, сверхчеловеком или полубогом[3].

Здесь логично будет отметить, что христианские представления о богоизбранности правителя, носителя высшей власти, очень медленно разрушали прежние языческие представления. В христианском

[1] *Дюби Ж.* Европа в средние века. С. 147.
[2] *Баландье Ж.* Политическая антропология. М., 2001. С. 100–102.
[3] *Пузанов В. В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 133.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

средневековом мире фигура правителя, князя, короля или императора считалась настолько священной, что противостоять ей простому смертному было не просто сложно, но практически невозможно. Но вместе с тем в раннее Средневековье даже особа языческого правителя обладала сакральностью и могуществом и представлялась едва ли не недосягаемой для воинов-христиан[1]. Возможно именно поэтому отдельные случаи побед над языческими правителями простыми христианскими воинами из армии противника оценивались современниками как нечто невероятное и надолго входили в историю.

По мере распространения христианства, упрочнения его позиций в сознании современников наблюдается особо заметное стремление правителей закрепить, в том числе и письменно, перед своими подданными и будущими потомками свое богоизбранное положение, свою сакральную власть. Огромную помощь в этом стремлении оказывают первые летописцы, являющиеся, как правило, рьяными защитниками и приверженцами новой христианской религии, а значит, особо почитающие избранного Богом князя[2].

Правитель избирается Богом для осуществления верховной власти. При этом его победы являются не чем иным, как особыми знаками расположения и милости Божьей[3]. Еще Галл Аноним в своей Хронике при описании правления Болеслава Храброго писал о том, что *«Бог являл ему одну милость за другой и не без причины ставил выше всех королей и князей»*[4]. При этом Божье благословение и покровительство распространяется не только на самого правителя, но и на весь правящий род.

Правда, как отмечали в своих исследованиях Х. Ловмяньский, а затем и Б.Н. Флоря, для средневекового хрониста в представлении богоизбранного монарха одинаково важным являлось не только его княжеское происхождение, но и деятельность самого правителя. То есть «природное право на власть не означало автоматически божественного покровительства». Своими деяниями правитель должен был заслужить покровительство Бога. Так, при описании вышеупомянутого

[1] *Пузанов В. В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 132.

[2] *Shepard J.* Rus` // Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus` c. 900–1200 / N. Berendt. Cambridge, 2007. P. 369–380.

[3] *Флоря Б.Н.* Два портрета идеальных правителей на страницах Хроники Галла Анонима // Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в средние века. Вып. 12. С. 34.

[4] *Gall Anonim* Kronika Polska / przekład R. Grodecki, przyp. M. Plezia. Kraków, 2010. S. 17–19, 36–37.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Болеслава Храброго автор Хроники уделил первоочередное внимание именно его личным качествам как залогу получения одобрения со стороны Бога: *«И так как он проявлял справедливость и всех одинаково чтил, возвышал мать-церковь и священнослужителей… Бог возвысил его чело в славе и всегда и во всем ему сопутствовала удача»*[1].

При анализе процесса сакрализации власти особое внимание стоит уделить образам христианских правителей, созданным клириками, авторами летописей и хроник. По мнению Б.Н. Флори, христианские летописцы обращали внимание на проявление почтения перед верой и церковью со стороны правителей, их щедрые дары, защиту церкви на своих землях. То есть покровительство церкви и религии. Оппозицией благочестивому монарху являлись язычники, против которых необходимо было вести праведную борьбу, не «для взимания дани, а для распространения истинной веры»[2].

На процесс сакрализации власти правителей ВКЛ, несомненно, большое влияние оказали традиции, существовавшие на землях Древней Руси. Поэтому видится целесообразным начать рассмотрение вопроса о сакрализации власти литовских правителей с подобных процессов, имевших место в период правления древнерусских князей. Ведь именно прообраз богоизбранного Владимира Святого позже станет прототипом христианского правителя ВКЛ, великого князя Витовта, что найдет полное отражение в его «Похвале ...» и его идентификации как «могущественного, правого, христианского» монарха.

Итак, концепция божественного происхождения власти издавна использовалась на Руси. Об этом свидетельствует ее использование автором Повести об убийстве князя Андрея Боголюбского в «Ипатьевской летописи». После сообщения о грабежах и убийствах во Владимире, имевших место после убийства князя, он обращается к божественной природе царской власти[3]. Такая концепция подразумевала под собой сразу несколько значений. Во-первых, она значительно поднимала авторитет правителя в глазах общества. Во-вторых, утверждала божественное происхождение правителя, подчеркивая, что только Бог может даровать или отобрать престол, обычным людям это не дано. В случае захвата власти население земли будут ждать беды и

[1] *Флоря Б.Н.* Два портрета идеальных правителей на страницах Хроники Галла Анонима. С. 36.

[2] Там же. С. 36–42.

[3] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. 1908. Стб. 585–586; *Щапов Я. Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археографии. С. 100.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

несчастья, если не на этом свете, то на другом. А сам факт существования того или иного князя может как свидетельствовать о поощрении населения за его заслуги, так и быть наказанием за прегрешения[1].

В «Похвале князю Владимиру» Илларион считает, что заслугой Владимира Святого является не столько сам факт принятия христианства, сколько распространение его в своем государстве[2]. Схожее утверждение об обязанности правителя защищать православную веру, православие содержится также в другом источнике начала XII в. – Послании киевского митрополита Никифора к великому князю Владимиру Мономаху. В нем он проводит аналогию между князем и пастухом, который должен оберегать свой народ, прививая ему любовь к Богу, и сохранить существующую христианскую традицию[3].

Встречается идея о божественном начале власти также в «Повести об убиении князей Бориса и Глеба» («Повесть временных лет») под 1015 г. при рассказе о попытке окаянного Святополка захватить «власть русскую», убив всех своих братьев. Это он «помыслил высокоумием своим», не ведая, что «*ѥко Бъ҃ даєть власть ємуже хощеть . поставлѧєтъ бо ц҃рѧ и кнѧзѧ Вышнии . ємуже хощеть дасть . аще бо каѥ землѧ оуправитсѧ пре҃ Бм҃ь . поставлѧєть єи ц҃рѧ или кнѧзѧ праведна . любѧща судъ . и правду . и властелѧ оустраѥєть . и судью правѧщаго судъ*»[4]. И если землею управляют «князи правьдиви», то этой земле прощаются многие прегрешения: «*аще бо кнѧзи правьдиви бывають в земли . то многа ѿдаютсѧ согрѣшеньѥ [земли]. аще ли зли и лукави бывають . то болше зло наводить Бъ҃ на землю. понеже то глава єсть земли*»[5].

Более того, согласно «Слову о законе и благодати» митрополита Иллариона, написанному между 1037 и 1050 г., князь являлся особой, сакральной силой, оберегающей Русскую землю. Кроме того, русскими летописцами пристальное внимание было уделено князю Владимиру Святославовичу, крестившему Русь[6]. Первый христианский правитель представлялся ими как олицетворение Бога, который явился

---

[1] *Щапов Я. Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археографии. С. 100.

[2] Там же. С. 132; *См. текст*: Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси / Д. С. Лихачев [и др.]. – СПб., 1997. Т. 1 : XI–XII вв. С. 316–327.

[3] Послания митрополита Никифора князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху // Великий князь Владимир Мономах / подг. А. Ю. Карпов. 2006. С. 187; *Щапов Я. Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археографии. С. 133.

[4] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. 1908. Стб. 135.

[5] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. 1962. Стб. 139; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. 1908. Стб. 115–117.

[6] Слово о законе н благодати митрополита Киевского Илариона / подготовка текста и комментарии А. М. Молдована, перевод диакона Андрея Юрченко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. М., 1997. С. 42–53.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

народу в человеческом обличье. Князь охранял свои земли и народ не только при жизни, но и после смерти, поддерживая его благополучие. Молитвы правителя были способны уберечь от войн и болезней, помочь в спасении души. Более того, определенные сакральные функции могло выполнять даже тело покойного князя[1]. Такое отображение сакральной защиты Русской земли прослеживалось в другом важнейшем источнике, созданном в XI в. и дополненном, предположительно, в XIV в. – «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха[2]. Согласно источнику именно благодаря Владимиру было утверждено правое служение Господу Богу, а следовательно, люди должны всецело довериться его правлению и политике[3].

Разумеется, нужно учитывать, что в данное время – XI – начало XII в. – представления книжников и летописцев еще находились в своем зачаточном состоянии и для каждого из них была характерна своя индивидуальность и личностное отношение. Вместе с тем для всей эпохи характерно общее представление о правителе как носителе сакральной силы, которая была дарована ему Богом и служит для защиты земли и народа[4].

Отдельное внимание стоит уделить положению правителя как сакрального суверена в самом обществе. В процессе политогенеза взаимодействие политического и священного привело к тому, что любая форма посягательства на власть, будь то слово или действие, считалось преступлением, святотатством и жестоко каралось если не законом, то божественным провидением. Таким образом, традиция выдвигала на первый план сакральную роль правителя.

Ярким примером вышесказанного является событие из древнерусской истории, описанное в летописях и связанное с изгнанием Изяслава из Киева и посажением на его место Всеслава Брячиславовича, князя полоцкого. После своего поступка киевляне долго сомневались в легитимности своих действий и ждали возможного божественного гнева, который не заставил себя ждать. Чтобы отомстить непокорным

[1] *Пузанов В. В.* Государство и общество Древней Руси глазами современников (X – начало XII века). Ижевск, 2012. С. 18.

[2] Память и похвала князю русскому Владимиру / подготовка текста, перевод и комментарии Н. И. Милютенко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. М., 1997. С. 316–323. См. также: *Пузанов В. В.* Государство и общество Древней Руси глазами современников (X – начало XII века). С. 44.

[3] *Пузанов В. В.* Государство и общество Древней Руси глазами современников (X – начало XII века). С. 47.

[4] *Пузанов В. В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. С. 196.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

горожанам, Изяслав организовал поход на Киев, а Всеслав бежал[1]. После этих событий их сомнения переросли в уверенность в том, что любая попытка посягнуть на сакральную фигуру князя будет непременно наказана[2]. Более того, данный случай был не единичным и подобные события, тщательно записанные летописцами, только подтвержали уверенность социума в неприкосновенности положения князя как правителя, избранного и посаженного на престол самим Богом.

Аналогичные тенденции сакрализации власти наблюдаются и в протогосударственных, а затем – в раннегосударственных образованиях на белорусских землях.

Одной из наиболее могущественных политий на территории современной Беларуси явилось Полоцкое княжество. Являвшееся, по сути, вождеством, управляемым сильными лидерами, на ранних этапах своего существования, к концу XI – началу XII в., оно приобретает все черты раннего государства (наследственная легитимная власть, четко очерченные территории, дружина, налоговая система и др.). Вместе с тем даже на ранних этапах его существования правители наделялись особой, сакральной силой. Им зачастую приписывались сверхъестественные способности, которые объясняли военные успехи или удачную политику. Одной из самых ярких фигур в ранней истории Полоцкого княжества явился Всеслав Брячиславович, или Всеслав Чародей, – один из самых могущественных и сильных восточнославянских правителей своей эпохи. Рожденный, по легенде, от колдовства, он мог, по преданию, превращаться в волка. Таким образом, ему удавалось преодолеть огромные расстояния за короткое время, а значит, успешно вести войну с врагами и защищать свои территории. И хотя в период правления Всеслава Брячиславовича еще преобладали языческие представления, несмотря на проникновение и распространение христианства, ему так или иначе приписывались особые способности. Он ассоциировался с полубогом, являлся сакральным правителем, наделенным сверхъестественными, могущественными и, возможно, даже опасными силами. Именно это отличало его от простого населения, а значит, обеспечивало более высокое положение в существующем социуме. А успешные действия только подкрепляли подобные мысли современников. Именно это и способствовало сакрализации

[1] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. 1926–1928. С. 167–174; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. 1908. Стб. 156–163.

[2] *Пузанов В. В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. С. 360.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

его власти, являющейся одним из наиболее эффективных механизмов легитимизации власти в раннем государстве.

В дополнение к устной традиции сакрализации правящего князя и его рода в начале XII в. создается и заносится в летописи родовое предание полоцких князей. В нем указывается право полоцкого рода на единоличное владение Полоцкой землей, а также подчеркивается его генеалогическая уникальность[1]. Таким образом, происходит письменное закрепление высокого положения, особой роли правителей на указанных землях. Они теперь не просто наделяются сакральной силой или силой магии, но обладают ей исходя из их традиционного права.

В процессе распространения христианства на восточнославянских, в том числе белорусских, землях происходило дальнейшее укрепление позиций правителя, которые использовали веру людей в своих политических целях. Примечательно, что для самих правителей конкретная религия, а именно старая, языческая, или новая, христианская, на первых этапах не играла столь существенного значения. Ее использовали, скорее, как механизм усиления позиций власти в социуме. Именно поэтому правители, особенно в раннем ВКЛ, могли несколько раз переходить из одной веры в другую в зависимости от конкретных политических обстоятельств.

На протяжении первых полутора столетий своего существования Великое Княжество Литовское переживало трудный период, связанный с борьбой его правителей за власть, установлением основных механизмов наследования престола, оформлением правящей династии, а также противостоянием внешнеполитической угрозе. Кроме того, особое место в политике первых правителей занимало упрочнение их позиций, равно как и государства в целом, на международной арене. Главная трудность в данном направлении состояла в том, что первые правители образующегося ВКЛ были язычниками, представлявшими в глазах христианской Европы настоящую угрозу, с которой в большинстве случаев не только нельзя было примириться, но необходимо было вести постоянную жестокую борьбу. Кроме того, достаточно сильными для первых этапов государствообразования в ВКЛ были и языческие традиции сакрализации вождей, характерные для миропонимания первых его правителей, которые не сразу смогли принять новые, христианские ценности.

[1] *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). С. 159; Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. 1962. Стб. 299.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Такие обычаи сакрализации власти вождя, правителя, несомненно, были характерны и для протогосударственных образований язычников-литовцев, которые существенно отличались от христианских традиций. Балтская модель язычества была раскрыта в работах М. Космана[1]. При этом главная проблема при изучении подобных обычаев связана с тем, что большая часть текстов, посвященных языческим ритуалам Литвы, возникла значительно позже, в эпоху Ренессанса, и носила недостоверный легендарный характер. Это весьма осложняло реконструкцию языческих ритуалов, связанных с сакрализацией власти в рамках языческого социума балтских племен. Анализ текстов XIII – середины XIV вв. позволяет утверждать, что в ментальности язычников литовцев носитель верховной власти воспринимался одновременно как сакарльная фигура и как верховный жрец. Князь выполнял важнейшие духовные ритуалы, среди которых была кровавая жертва быка, являвшаяся формой присяги в особо важных случаях, клятва языческой знати на верность, присяга во исполнение взятых на себя обязательств. Наиболее ранние упоминания о подобных ритуалах у балтских племен можно найти у Генриха Латвийского под 1201 г.: «*Между тем куры, услышав о прибытии епископа и возникновении города, отправили в город послов для заключения мира, но не из страха войны, а по внушению Христа. Получив согласие христиан, они закрепили мир, по языческому обычаю, пролитием крови*»[2]. Тем не менее нельзя говорить о том, что даже первые правители ВКЛ целиком находились под властью языческой ритуалистики. Как справедливо показал М. Косман в своих исследованиях, для интересующего периода времени для князя и его приближенных был характерен религиозный синкритизм, который во многом был обусловлен не только сложными социополитическими условиями, в которых происходило формирование нового государства, но и желанием первых правителей укрепить свое влияние на присоединенных территориях, находившихся под влиянием христианских традиций[3]. То есть, несмотря на то что первые правители складывающегося ВКЛ были выходцами из языческих балтских земель и, несомненно, находили поддержку у местного населения (кроме того, именно языческой была и значительная часть нобилитета, являющегося непосредственной опорой власти), на бело-

[1] Более подробно см.: *Kosman M.* Od chrztu do chrystianizacji. 1992; *Косман М.* З гісторыі і культуры ВКЛ. 2010

[2] *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии // Славянские хроники. 1996. С. 204.

[3] *Kosman M.* Od chrztu do chrystianizacji. S. 103, 108.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

русских землях будущего государства ко времени его формирования уже на протяжении нескольких веков господствовало христианство, причем по православному его образцу. Это обусловило дуалистический характер будущего государственного формирования уже с первых этапов его существования и, несомненно, значительно повлияло на проводимую первыми правителями политику, как и на путь развития политии в целом. Ведь в те времена именно вероисповедание правителя определяло направление политики государства.

Несмотря на то что и Миндовг на большем протяжении своей жизни, и Витень, и Гедимин были язычниками, они использовали религию в своих политических целях. Будучи язычником, в условиях военной угрозы первый правитель ВКЛ заключил союз с немецкими рыцарями. Чтобы заручиться поддержкой Ордена и Рима, в 1251 г. он принял христианство и потом, в 1253 г., стал королем Литвы. Этот стратегический ход позволил ему находиться у власти еще десять лет, вплоть до убийства противниками[1]. Убедившись в непопулярности новой религии среди местного населения, Миндовг вновь стал язычником и приносил жертвы как языческим божествам, так и христианскому богу, а значит, находил поддержку у населения, исповедовавшего разные верования[2]. Таким образом, духовные дела первого короля Великого Княжества Литовского напрямую подчинялись его земным интересам, меняясь в зависимости от потребностей. Более того, очевидно, что вероисповедание не было чем-то сакральным для него лично[3].

Литва (в образе пешей аллегорической фигуры) на фреске «Шествие наций к кресту»
Церковь Св. Петра Молодого в Страсбурге, начало XV в.

Примечательно, что члены семьи Миндовга отнеслись к новой религии с большим почтением, а его жена Марта и

[1] *Косман М.* З гісторыі і культуры ВКЛ. С. 20.
[2] Там же. С. 22; *Kosman M.* Od chrztu do chrystianizacji. S. 106.
[3] *Пичета В. И.* История Беларуси. С. 48.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вовсе стала ревностной католичкой и настоящей опорой немецкого духовенства в Литве. Правда, дети Миндовга от первой жены не были католиками, поэтому защита Мартой новой веры вылилась не только в личностное или политическое, но и религиозное противостояние, особенно ярко проявившееся во взаимоотношениях с его старшим сыном Войшелком, управлявшим Черной Русью (Новогрудком, Волковыском и Слонимом) и ревностно распространявшим православие[1].

Красноречиво описано принятие христианства Войшелком в «Галицко-Волынской летописи» православным летописцем: *«Войшелк[ъ] же начѧ | кнѧжити в Новѣгорwд[ь]ци, в поган[ь]ствѣ боудѧ, и на|ча проливати крови мнwго, оубивашет[ь] бо на всѧк[ъ] ден[ь] по (три) по (четыре), которого ж[е] д[ь]ни не оубїаше того, печаловаш[е] тогда, коли же оубїаше кого, тогда весел[ь] бываше»*[2]. По мнению П. Толочко, проанализировавшего образ Войшелка в русских летописях, такая резко негативная характеристика была не только далекой от реальности, но очень показательной. Целью летописца, несомненно, являлось подчеркивание чудесного обращения язычника в православную веру: *«Посем[ь] же вниде страх[ъ] Б[о]жїи въ с[ь]рд[ь]це его, помысли въ собѣ, | хотѧ прїати с[вѧ]тое кр[ь]щенїе, и кр[ь]стисѧ тоу в Новѣ|горwдцѣ, и нача быти въ хр[ь]стїан[ь]ствѣ»*[3].

Здесь необходимо вновь подчеркнуть древние традиции православия, существовавшие на территории белорусских земель со времен крещения Руси. Следовательно, к моменту создания ВКЛ существовала прослойка старой знати, занимающей достаточно сильные позиции и сохраняющей исторические и религиозные традиции. Несомненно, не желая потерять поддержку данного слоя общества, первые правители будущего ВКЛ никоим образом не стремились разрушить старые устои, сохраняя имеющуюся традицию. В то же время местная православная знать внешне принимала языческих верховных правителей, оказывая им военную поддержку в случае необходимости. Таким образом, складывался дуалистический характер будущего государства, сосуществовали две конфессиональные традиции – православная и языческая. Вместе с тем возникает вопрос, почему немецкие хронисты называли «Литву», а позже ВКЛ «языческими». Возможно, определяющую роль для них в таком случае играло все же вероисповедание

[1] *Гудавичус Э.* История Литвы. С. 57.

[2] Kronika Halicko-Wołyńska. 2017. S. 439; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. 1908. Стб. 858.

[3] Kronika Halicko-Wołyńska. 2017. S. 439; ПСРЛ. Т.2. Стб. 858; См. также: *Толочко П.* Литовский князь Войшелк в русских летописях // Ruthenica. 2006. № 5. С. 120.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

правителей как представителей государства. Кроме того, нельзя забывать, что подавляющее большинство литовцев, входящих в дружину и двор великого князя, являлись также язычниками. Многие западноевропейские источники того времени, в частности «Хроника Ливонии» Германа из Вартберга, осуждают языческих соседей и подчеркивают необходимость отречения от языческих божеств, в частности Перуна, в пользу святой Марии и христианства[1].

Необходимо отметить, что подобная тенденция негативного отношения к языческим и восхваления христианских (вне зависимости от католического или православного образца) правителей характерна не только для европейских, но, как это показано выше, и древнерусских летописей. В русской традиции также активно применялся прием противопоставления языческой тьмы и христианского света[2]. При этом особенного внимания удостаиваются именно языческие князья, порвавшие с прежними верованиями и принявшие христианство. Именно этим можно объяснить то внимание, которое уделяла древнерусская летописная традиция Владимиру Святославовичу или Войшелку, или западноевропейские, особенно немецкие, нарративы Миндовгу, принявшему католичество.

Примечательно, что в «Литве Миндовга» принятое им христианство не проникло глубоко в социальную структуру населения ВКЛ. Литовская знать внешне принимала верховного христианского Бога, а в повседневной жизни все так же продолжала поклоняться древним божествам[3]. Это вызывало огромное недовольство Запада. Но тем не менее сам факт принятия Миндовгом христианства и его коронации способствовал значительному росту его авторитета. Особенно ярко это проявляется в титулатуре, которая используется европейскими хронистами при описании событий данной эпохи, о чем шла речь в предыдущей главе.

Корона дала право Миндовгу считаться богоизбранным монархом и таким образом упрочнить свою власть, находящуюся после подобного ритуала под защитой высших, божественных и, подчеркнем, христианских сил. То есть уже на первых этапах складывания ВКЛ король был знаком и использовал христианские традиции сакрализации власти. Более того, подобные идеи о божественной власти присутствовали как в латинской, так и в восточнославянской традиции. Гедимин, будучи язычником, знал основы христианского вероучения.

[1] *Hermann de Wartberge* Die Chronicon Livoniae. S. 45.
[2] *Толочко П.* Литовский князь Войшелк в русских летописях. С. 120.
[3] *Косман М.* З гісторыі і культуры ВКЛ. С. 58.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Более того, в своей переписке с Папой он аппелировал к традиции обожествленного монарха, обладающего сакральной силой, начавшейся со времен Миндовга[1]. Ольгерд в своих письмах константинопольскому патриарху представлял себе, что базилевс является верховным божественным правителем. Не говоря уже о Витовте, который явился воплощением идеи о богоизбранном христианском монархе. Реконструкция древней интронизации князей литовских, выполненная М. Косманом, свидетельствует о том, что все базовые элементы ритуала (языческой интронизации) были заимствованы в православной среде[2]. Позднее на основе этой традиции католическая церковь в ВКЛ узаконила обычай языческой интронизации князей, придав подобному возвышению характер своеобразной монаршей коронации. Обряд проводил Виленский католический епископ, который накладывал на голову католическую великокняжескую митру, сановники вручали ему берло (яблоко) и меч. Это, в свою очередь, отмечал и другой исследователь – Х. Ловмяньский[3].

Но, несмотря на, казалось бы, острую политическую необходимость принятия христианства, первые правители ВКЛ не спешили с этим шагом. Языческим ВКЛ остается и к периоду правления Витеня, а затем и Гедимина, о чем также свидетельствуют многочисленные источники. Особенно критикует Витеня Петр из Дусбурга, описывая его как «заклятого язычника, сжигающего костелы и творящего святотатства»[4]. Интересно, что, подобно Миндовгу, он также обращался к христианству как средству достижения политических целей и даже обещал архиепископу Риги крестить Литву в 1298 г., чтобы склонить ее к союзу с Орденом. По словам Петра из Дусбурга, язычники подтверждали свое намерение не только словами, но и действиями, например, строительством костела в Новогрудке[5].

Продолжилась подобная традиция манипулирования религией для достижения своих политических целей и при Гедимине. Его переписка 1322–1324 гг. с Римским Папой Иоанном XXII вошла в историю как «Письма Гедимина» и являлась наиболее ярким отражением стремлений монарха укрепить свои позиции не только внутри своего социума, но и в глазах европейского сообщества. В 1322 г. Ге-

[1] Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans = Gedimino laiškai. 2003. P. 304.

[2] *Kosman M.* Od chrztu do chrystianizacji. S. 105.

[3] Более подробно см.: *Lowmianski H.* Studia nad dziejami Wielkiego Ksiestwa Litewskiego.

[4] *Peter von Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. 1861. S. 144, 164.

[5] Там же. S. 195.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

димин отправил Папе Иоанну XXII первое послание с выражением стремления наладить мир со всеми христианскими соседями, а также принести католичество в его языческую страну[1]. Правитель ВКЛ подчеркивал давние традиции взаимоотношений его государства с западноевропейским христианским миром. Так, он упоминал Миндовга, который в свое время принял католичество, но из-за тевтонцев был вынужден отступить от веры[2]. Кроме того, Гедимин выделил недавние заслуги литовских правителей, в частности Витеня, перед христианской религией: его союз с Ригой, приглашение служить в построенном храме в Новогрудке двух францисканцев и др. В заключение он приглашал христианские миссии в Литву и просил о союзе[3]. Правда, когда папские легаты через два года прибыли в ВКЛ с целью осуществить задуманное, Гедимин отказал им, сказав, что собирается, как и впредь, жить и умереть язычником. Дело в том, что не получив желаемого результата от такого соглашения, а именно полного уничтожения Немецкого ордена, а также ощущая сильную оппозицию новой религии со стороны самого общества, он не стал идти на подобную жертву, а смог умело выйти из данной ситуации и не принимать христианство, которое воспринималось им исключительно как средство достижения политических целей. С помощью такого стратегического хода Гедимин смог хотя бы на какое-то время упрочить свои позиции в глазах Рима, заручиться его поддержкой в борьбе с Немецким орденом и выиграть время. Папа действительно не нарушил данное им обещание и сохранил мир на последующие четыре года[4].

Описывает события, связанные с историей Литвы эпохи правления Гедимина, также и Виганд из Марбурга, называя последнего «языческим правителем» и «королем» и подчеркивая его стремление проводить политику, направленную на борьбу с Орденом[5].

Примечательно, что Гедимин, будучи язычником, не препятствовал, как и его предшественники, распространению христианства на подвластных ему землях, приглашая католические миссии на свои

[1] *Rowell S. C.* Pagans, peace and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy. P. 63; Текст писем см.: Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Gedimino laiškai / ed. by S. C. Rowell. 2003.

[2] *Rowell S. C.* Pagans, peace and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy. P. 70.

[3] Там же. P. 71.

[4] Там же. P. 64.

[5] *Wigand von Marburg*. Nowa kronika pruska. 2017. S. 153, 156.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

территории[1]. Это является одной из наиболее важных характеристик религиозной политики того времени.

Уже к эпохе правления Витовта христианство начинает занимать ведущие позиции в новом государстве. Христианизация и вестернизация – вот главные векторы политики Витовта. Церковная политика Витовта была связана с завершением религиозной конверсии и окончательным превращением ее в христианскую державу «де-юре» и «де-факто». Эпоха Витовта – это одновременно эпоха конфессионального дуализма. С одной стороны, Витовт интенсивно создавал сеть католических институций власти, с другой – не забывал и о православии, своей прежней вере. Будучи католиком, Витовт продолжал оставаться православным ктитором. Между 1418 и 1430 г. Витовтом была дана жалованная грамота Пречистенскому монастырю в Троках, а в 1424 г. он дал разрешение на строительство там православной церкви Рождества Христова. Витовт поддерживал православную церковь и на территории Туровской епископии, подтвердив своим привилеем права на прежние ее владения. Подтвердительный привилей на земельные владения получил от великого князя и Лавришевский монастырь[2]. Митрополит Киевский и Всея Руси получил все необходимые условия для местопребывания в столице государства – Вильно. По прямому указанию Витовта для митрополита был построен кафедральный собор и резиденция. Русинская часть Вильно, «Руский город», была передана под юрисдикцию православного митрополита. Такое положение вещей сохранялось вплоть до конца XVIII в.[3]

Наиболее почитаемыми сакральными фигурами на белорусских землях ВКЛ в интересующее нас время продолжали оставаться древнерусский князь Владимир Святославович, Креститель Руси, и его сын Ярослав Мудрый. Культ Владимира, в связи с его канонизацией, усилился в XIII в. Владимир воспринимался не только как князь, крестивший Русь, но и правитель, установивший для нее христианское право, собрание законов и правил о церковном суде, правах и традициях православной церкви. Показательно, что именно с Полоцкой православной кафедрой связывают создание в конце XIV – начале XV в. так называемого сборника Архангельского типа, в котором со-

[1] *Роўэл С. К.* Уздым Літвы. Паганская імперыя ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, 1295–1345. 2015. С. 61.

[2] *Микульский Ю. Н.* Литовский князь Витовт как православный ктитор (1392–1430 гг.) // Беларус. даўніна. 2015. Вып. 2. С. 27–42.

[3] *Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М.* История Литвы. 2013. С. 48–50.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

держится редакция Устава князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных», «Устав князя Ярослава о церковных судах», комплекс разнообразных юридических статей по церковному праву. Данные источники, с одной стороны, отражают реалии взаимоотношений между светской властью ВКЛ и православной церковной иерархией, а с другой – красноречиво подчеркивают историческую самоидентичность и историческую память «белорусских» русинов о князьях как культурных демиургах, определивших их культурную, церковную и правовую традицию. В Туровских уставах XIV в. устав князя Владимира в особой, местной редакции озаглавлен весьма недвусмысленно и красноречиво – «Заповедь святого и равного апостолам князя Володимера, именем Василия, крестившаго Русскую землю, в лето 6505»[1].

С большой степенью уверенности можно говорить о том, что все механизмы и литературные архетипы-заимствования, использованные для сакрализации образа Витовта в православной восточнославянской среде, имеют своим первоисточником образ Владимира Святославовича. Витовт в источниках представляется не только независимым и сильным правителем, властелином, но и богоизбранным царем, власть которого наделена особой сакральностью. В Никоновской летописи Витовт говорит о том, что *«Бог покорил [ему] все земли»*[2]. Более того, в планах у него – значительное расширение существующих границ ВКЛ, но главное – признание всеми живущими там народами его как «царя»: *«Поидем, плѢним землю Татарьскую, побѢдим царя Темирь-Кутлуя и возмем царство его, и посадим царя Тактамыша, а он мя посадить на всеи Рускои земли и на том на всѢм»*[3].

Вся политика Витовта была обращена на создание образа «святого властелина». Он верил, что в одной из проигранных битв был чудом спасен самой Пресвятой Девой Марией. Сразу же после той битвы он заложил в Ковно храм во Славу Богородицы. Большинство заложенных Витовтом храмов посвящались именно Деве Марии. Именно Витовт укреплял и распространял марийный культ и в католической, и православной традиции ВКЛ[4].

[1] Летописец русских царей // ПСРЛ. Т. 41. 1995. С. 43; *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. 1972. С. 219; *Щапов Я. Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археографии. С. 40, 54.

[2] Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 11. 1897. С. 229 ; *Дзермант А.* Arcana Imperii Alias. Casus Lithvaniae // Сівер : альманах вялікай поўначы. Мн., 2013. С. 104.

[3] Никифоровская летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 31.

[4] *Эйдинтас А.* [и др.] История Литвы. С. 53–55.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Именно этого правителя можно рассматривать как основного преемника традиции обожествления монарха, созданной еще в Древней Руси при Владимире Святославовиче. Преемственность такой древней традиции наиболее отчетливо можно проследить в «Похвале Витовту». Как известно, инициатором создания «Похвалы Витовта» был епископ смоленский и митрополит киевский Герасим. По его инициативе в 1428 г. был создан этот панегирик, а в 1430-е гг. еще несколько литературных произведений, в которых Витовт восхваляется, показывается идеальным монархом, – Летопись 1436 г., «Летописец великих князей литовских» и вторая редакция «Похвалы Витовта»[1].

В «Похвале ...» Витовт выступает как «господарь», верховный правитель всей Руси, не только Литовской, но и Восточной, и Северной. Панегирист рисует величественную панораму восточнославянских земель, подвластных грозному властелину Литвы, – Псков, Новгород, Москва, Тверь, Рязань. Таким образом, Витовту подчинилась и покорилась «Вся Руская земля». Главным городом его владений в «Похвале ...» выступает «великий град» Киев. Витовт показан победителем и повелителем Золотой Орды, татар. Весьма символично подчеркивание создателем «Похвалы…» того обстоятельства, что татарские ханы подносят ему дары и присягают в вассальной верности именно в Киеве[2]. Витовт, таким образом, показан как монарх, который восстановил Русь и освободил ее от татарского гнета[3]. Похвала являлась, кроме всего прочего, отражением реальной политики «общерусской» программы «короля Литвы и Руси», которую он последовательно проводил во взаимоотношениях с Москвой, Тверью, Новгородом, Псковом, Золотой Ордой[4].

Ярко прослеживается в «Похвале...» и сакрализация образа Витовта. Автор похвалы подчеркивает, что Витовту подчинены все земные властители, он сюзерен всех земных царей, точно так, как Бог, который является «Царем царей». Киев – древняя столица всех русских

[1] Летописец великих князей литовских // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 61–67; Похвала о великом князе Витовте // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 162–163; См. также: *Лицкевич О.* Русские летописные источники «Летописца великих князей литовских» // Беларус. гіст. зб. Беласток, 2017. С. 35–80; *Мікульскі Ю. М.* Грунвальдская бітва 1410 года ў страбеларускай традыцыі // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі / пад рэд. А. А. Кавалені. Мн., 2011. С. 107.

[2] Похвала о великом князе Витовте // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 163.

[3] *Мікульскі Ю. М.* Грунвальдская бітва 1410 года ў страбеларускай традыцыі. С. 109; *Мікульскі Ю. М.* Князь Вітаўт вачыма нашых продкаў. Станаўленне рускага насельніцтва ВКЛ да літоўскага гаспадара // Беларус. думка. 2012. № 5. С. 93–99.

[4] *Мікульскі Ю. М.* Руская і літоўская рэдакцыі «Пахвалы Вітаўту» (XV – XVI ст.): ідэйныя адрозненні // Беларус. даўніна. Мн., 2015. Вып. 2. С. 45, 49.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

земель[1]. В этом тексте можно увидеть не что иное, как типичную для древнерусской традиции идею о богоизбранности Руси. Русь – Новый Израиль, Киев – Новый Иерусалим[2]. Держава Витовта, таким образом, выступает как богоизбранная земля, сосредоточие христианского мира.

Белорусский исследователь А. Белый первым обратил внимание на тот факт, что «Похвала Витовту», *«подчеркивая высокий международный авторитет Витовта, безусловно, преувеличивает его власть над соседними государствами. Этот текст нельзя понимать буквально, тем более, что он очень сильно напоминает Псалом 72 (71), по образцу которого он, несомненно, создавался»*[3]. Таким образом, Витовт в этом источнике отождествлен с библейским Давидом. Весьма красноречив текст «Похвалы...», содержащийся в «Слуцкой летописи»: *«Тайну цареву таити добро есть, а дело великого господаря поведати добро жь есть. Також и я хочю вамь поведати о славном томь господари, но не мощно исповедати ни писанию предати дела великого господаря, яко бы не мощно кому испытати высота небесная и глубина морьская»*[4].

Как видим, деяния Витовта отождествляются с Божьим Промыслом, с Божьими деяниями. Поведение и поступки Витовта не могут быть познаны и до конца постижимы простыми смертными, как не могут быть познаны дела Господни – *«яко бы не мощно кому испытати высота небесная и глубина морьская»*.[5] Весьма показательно и использование в отношении к Витовту титулатуры «царь», а также подчеркивание зависимости и покорности от его власти всех остальных монархов мира: *«Сии князь велики Витовт, бяше же ему дръжаще великое княжение Литовское и Руское, иныи многыи земли, спроста реку вся Руская земля. Не токмо же Руская, но еще господарь Угоръской земли, зовемыи цесарь римьскии, у великой любви живяще с нимь. <...> Некогда сущу тому славному господарю, бывшю ему у своем граду Луцку у Великом и послал послы свои королю угорьскому, цесарю римьскому, и повеле ему быти к собе. Он же беза всякого ослушания ускоре приехаль к нему и своею каролицею, и честь велику и*

[1] Monumenta Medii Aevi Historica / col. Antonii Prochaska. Cracovia, 1882. T. 6 : Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376–1430, 1882. C. 780, стб.1238.

[2] *Мікульскі Ю. М.* Грунвальдская бітва 1410 года ў страбеларускай традыцыі. С. 109–110.

[3] *Белы А.* Хроніка Белай Русі. С. 227.

[4] Слуцкая летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 75.

[5] Там же.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

дары многы подаваша имь; оттоле утвердиша у них велика любовь. Како не почюдимся чти великаго господаря, иж которыи земли на устоце или на западе приходяче поклоняються славному господарю, иж есть царь надо всею землею, и тои пришед поклонися славному царю великому князю Александру. Еще же и турецькии царь честь велику и дары многы подаваше. Славному госпадарю, благоверному же и христолюбивому царю цариградскому, и тому с ним у великой любви живущу. <... > Еще же и инии цариусточнии служахуть ему»[1].

Витовт, таким образом, выступает не только как властелин, который имеет равный статус с христианскими императорами – римским и константинопольским. Он не более и не менее как преемник их имперской власти. Более того, правитель выступает как сюзерен не только христианских, но и мусульманских владык: *«Еще писахом зде инии у велицеи любови живуще с ними, а инии крепко служахуть ему и честь велику и дары великии, и дани многи приношаху ему, не токмо во все лета, но и по вся дни. Славныи господарь великии князь Витовть, на которую землю бываше гневен и которую земю самъ хотяше казнити или силных воевод послати где усхочешь, и которому от тых великих земель повелеваше к собе быти, они без всякого ослушания ускоре прихожаху и со свое земли к нему. <...> Мног бяше и ордыньских великих цареи служаху у двору его»*[2].

Весьма красноречиво и использование в отношении Витовта панегеристом титула «царь». Как известно, в восточнославянской традиции данный титул имел глубокий сакральный смысл (в отличие от светского термина «король»). Первоначально в восточнославянском ареале «царем» называли византийского императора, и, соответственно, наименование таким титулом князя означало его уподобление византийскому императору. Титул «царь» был эквивалентом греческого «базилевс», соответствовал он и латинскому титулу «император». Одновременно титул «царь» (так же, как и титул «базилевс») совпадает с наименованием Христа и ветхозаветных царей в Священном Писании. Поскольку в латинском языке наименованием Христа и ветхозаветных царей является «rex», постольку титул «царь» соответствует и латинскому титулу «rex». Таким образом, христианский монарх с таким титулом мог восприниматься и как новый Константин, и как

[1] Слуцкая летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 75.
[2] Там же. С. 76.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

олицетворение Христа[1]. Царь имеет верховный суверенитет над всеми остальными властелинами[2].

Таким образом, в царской титулатуре Витовта нашел отражение целый комплекс идей, тесно связанный и с православной, и с католической концепциями власти. Витовт выступает в качестве носителя высшей власти, которую он наследует от светских владык западного и восточного христианского мира. Именно поэтому его верховному сюзеренитету должны подчинятся все остальные земные монархи[3].

Такие представления о могуществе власти Витовта не следует рассматривать исключительно как гиперболизацию. Факты позволяют говорить, что он действительно во многом определял политическое развитие не только Восточной Европы, но и Западной, а также реально контролировал ситуацию на землях Орды.

Блистательная победа на Грюнвальдском поле, активное вмешательство Витовта в противостояние гуситов Священной Римской империи заставляла считаться с ним и Немецкий орден, и Сигизмунда Люксембургского. Последний был очень обеспокоен поддержкой Витовтом гуситов. Как известно, в отличие от Ягайлы, Витовт согласился принять чешскую корону, а в качестве своего наместника в Чехии и Моравии в 1420 г. назначил князя Жигимонта Корибутовича, который, прибыв во главе военного экспедиционного корпуса, развернул активные боевые действия в указанных землях. Сигизмунд Люксембургский опасался перспективы по установлению господства Витовта в Чехии и Богемии, ведь действия Жигимонта Корибутовича были согласованы с великим князем Литовским и велись от его имени. Очевидно, что он использовал сложившуюся ситуацию для международного признания за собой всех литовских земель, в том числе и Жмуди, на которую продолжал предъявлять свои права Немецкий орден, а также увязывал отзыв Жигимонта Корибутовича с решением вопроса о собственной коронации[4].

О высоком авторитете Витовта как могущественном правителе, обладавшем неограниченными возможностями и огромной военной мощью, в Западной Европе свидетельствуют и известия хроники Гер-

[1] *Успенский Б. А.* Крест и круг (Из истории христианской символики). С. 34–48.

[2] *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. С. 103, 112; *Дзермант А.* Arcana Imperii Alias. Casus Lithvaniae. С. 103.

[3] *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). С. 255.

[4] *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). С. 146–158.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

мана Корнера. По словам хрониста, император Сигизмунд Люксембургский отправил к Витовту своих послов, которые должны были его короновать. В обмен Витовт якобы обязался отправить в Чехию сто тысяч копейщиков для борьбы с «еретиками-гуситами» и содержать их за свой счет на протяжении года[1]. Естественно, что данное сообщение имело мало общего с реальностью. Но сам образ Витовта как могущественнейшего монарха Европы, за помощью к которому обращается сам «римский король Сигизмунд», весьма красноречив и стереотипен[2].

Не сильно преувеличивал и автор «Похвалы ...», когда говорил, что, по сути, все земли Руси признали верховную власть Витовта. Достаточно вспомнить политические реалии того времени. К концу своего властвования Витовт действительно в той или иной степени осуществлял контроль над всей Русью, а не только над землями Литовской Руси[3]. При нем было ликвидировано Великое княжество Смоленское, а его земли, как и большая часть территории Черниговского княжества, вошли в состав ВКЛ. Витовт, по сути, осуществлял протекторат над Великим княжеством Московским, оказывал значительное влияние на политику Великого Новгорода и Пскова. Великое княжество Рязанское также признало верховный сюзеренитет великого князя Литовского[4].

Весьма красноречиво и содержание донесения о поездке по землях Владимиро-Суздальской Руси Витовта магистру Немецкого ордена, исходящее от шута великого князя по имени Генке, датированное 14 августа 1428 г.[5] Генке, как известно, являлся тайным агентом Немецкого ордена, поэтому его задачей было объективное отражение

[1] *Hruschka* C. Kriegsführung und Geschichtsschreibung im Spätmittealter. Eine Untersuchung yur Chronistik der Konyilsyeit (Kollektive Einstellungen und soyialer Wandel im Mittelalter. N.F. Bd. 5. Koln, 2001. S. 403. № 158. Перевод на русский язык указанного фрагмента хроники, а также более подробно об источнике см.: *Полехов С. В.* Известия Хроники Германа Корнера о Вилькомирской битве и его исторический контекст // Pabaisko musis ir jo epocha. Vilnius, 2017. P. 108.

[2] *Полехов С. В.* Известия Хроники Германа Корнера о Вилькомирской битве и его исторический контекст // Pabaisko musis ir jo epocha. Vilnius, 2017. P. 97–98.

[3] *Барбашев А.* Витовтъ: послѣднія двадцать летъ княженія 1410–1430.

[4] *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.) С. 187–188; *Беспалов Р. А.* Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году // Верхнее Подонье: археология. История. Тула, 2008. Вып. 3. С. 256–259; *Беспалов Р. А.* Литовско-московские отношения 1392–1408 гг. в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I // Средневековая Русь. М., 2016. Вып. 12. С. 182; *Кучкин В. А.* Три завещания Василия I // Древняя Русь. 2016. № 2 (64). С. 42, 48; *Полехов С. В.* Последние завещания Василия I и печати Витовта // Средневековая Русь. М., 2016. Вып. 12. С. 192–199.

[5] *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 199.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

реалий, которые он видел, в отличие от панегирического восхваления Витовта. Вместе с тем описание поездки Витовта Генке во многом перекликается с текстом «Похвалы...»: *«Знайте еще, что у великого князя были и посольства из Великого Новгорода, Москвы, Смоленска, и постоянно все приезжают к нему послы: от татарского царя, от турецкого султана и от многих других христианских и нехристианских князей. Приезжают они с богатыми подарками – трудно было бы их все описать»*[1].

Похороны Витовта.
Иллюстрация из «Истории императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке. Середина XV в. Л. 170

И, несмотря на то что свой замысел с коронацией Витовт осуществить не смог, он стал по-настоящему сакральной и почитаемой фигурой в среде правителей ВКЛ. В нем, как ни в ком ином, сконцентрировались представления о богоизбранном правителе, обладающем неограниченной властью и способном вершить судьбы целых народов.

Культ князя Витовта зародился еще при его жизни. Эней Сильвий Пикколомини в «Книге о мужьях, прославленных своей жизнью» так писал о Витовте: *«Как велик Ты и как велика Твоя родина»*[2]. Именно эпоха Витовта воспринималась как идеальное время, «золотая старина» не только в XVI, но и XVII–XVIII вв. Причем не только на землях этнической Литвы, но и Беларуси, и Украины[3].

[1] Слуцкая летопись // ПСРЛ. Т. 35. 1980. С. 75; *Беспалов Р. А.* Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году. С. 256–259.

[2] *Эйдинтас А.* История Литвы. С. 56–57.

[3] *Груша А.* Улада непарушнасці і памяці: «Старина» і яе трансфармацыя ў XV – першай трэці XVI ст. С. 235, 237; *Мікульскі Ю. М.* Грунвальдская бітва 1410 года ў старабеларускай традыцыі. С. 116–117.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Таким образом, сакрализация является одним из мощнейших механизмов легитимизации власти, способствуя приданию правителю особого, божественного ареола. Для первых правителей ВКЛ было также характерно стремление обожествить свою власть, подчеркнуть ее высокий статус и одобрение высокого положения в обществе правителя Богом. И для языческих, и для христианских правителей ВКЛ религия играла важную роль в процессе легитимизации власти. И если для первых языческих литовских князей именно христианская религия не играла такого важного значения (они, скорее, использовали ее в своих политических целях), то ко времени правления Ольгерда, а особенно Витовта, формируется восприятие христианского сакрального правителя, основанное главным образом на внутренней самоидентификации монархов как богоизбранных, христианских правителей, волей Всевышнего сидящих на престоле.

Процесс легитимизации власти правителей ВКЛ сквозь призму государственной символики

При рассмотрении вопросов власти и ее институционализации исследователями зачастую игнорируется значение символов, создаваемых правителями для подтверждения своего высокого статуса в глазах социума и международного сообщества. А ведь они являются одним из немаловажных средств, служащих свидетельством легитимности монарха, являющихся непосредственным доказательством его роли в государстве, а также одним из наиболее материальных проявлений политики правителя, направленной на признание и укрепление своей власти.

Правители как догосударственных образований, так и уже сложившихся государств стремились подчеркнуть свой высокий статус и использовали всевозможные символичные средства. Они включали коронацию, церковные ритуалы, а также получение в ходе коронации таких символов королевской власти, как скипетр и держава. Именно благодаря подобным символам, сохранившимся на средневековых иллюстрациях к хроникам, сфрагистических и нумизматических материалах – печатях или монетах, можно сделать вывод о процессе эволюции власти правителя в определенном обществе, а также проследить преемственность традиций, используемых на изучаемых территориях.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

На надгробиях короли изображались благородными правителями со всеми атрибутами власти, которые они получали во время коронации: меч, скипетр и корона как олицетворение власти, дарованной им Богом[1].

Большой проблемой отечественной истории является катастрофически малое количество материальных свидетельств эпохи первых правителей ВКЛ, особенно XIII–XIV вв. Поэтому достаточно трудно проследить эволюцию символов, использовавшихся ими или их окружением для указания их статуса.

Тем не менее можно использовать иллюстрации хроник, которые относятся к указанному периоду и позволяют, хоть и в определенной степени, судить о подобных процессах. Кроме того, важным свидетельством уровня идентификации и самоидентификации правителя являются нумизматические и сфрагистические материалы рассматриваемого периода. При их изучении первоочередное внимание следует уделять таким важным атрибутам власти, как костюм правителя, наличие и особенности его регалий, а также общей традиции символики.

Показателем высокого статуса в обществе издавна был головной убор. Венцом королевской и царской власти считается корона. Вариантом короны является также «стема» – золотой обруч, над которым крепилась металлическая или крестоподобно сложенная дужка, в пересечении которой крепился крест. Под стему часто надевалась шапочка из ткани, обычно пурпурного цвета. Такого типа короны являлись типичными для представителей королевской власти государств Западной Европы вплоть до XV в.[2]

Немаловажным является и одеяние правителя. На костюм великого князя Литовского на первых этапах государствообразования большое влияние оказали византийская и западноевропейская культуры. Примечательно, что важным атрибутом костюма верховного правителя являлась мантия. Еще в трактате Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» есть указание на то, что мантия является необходимой и даже главной эмблемой императорской власти. В средневековой Европе пурпурная мантия считалась олицетворением королевской власти наряду с короной. Кроме того, очень

[1] *Дюби Ж.* Европа в средние века. С. 147.

[2] Подробнее о костюме правителей указанной эпохи см.: *Барвенава Г. А.* Тэкстыль сярэднявечча на землях Беларусі. 2008.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

часто декорация ее мехом также подчеркивала высокий статус и даже легитимность правителя[1].

Как было сказано выше, судить о наличии такого костюма и его соответствии тогдашним понятиям по вещественным свидетельствам, (например, останкам захоронений до эпохи Ягайлы) нельзя. До этого времени богатое княжеское одеяние и символы власти великий князь забирал с собой в мир иной по языческому обычаю. Тем не менее сохранилось описание погребения Ольгерда, согласно которому великий князь был сожжен вместе с лучшим конем, в рыцарских доспехах, украшенных драгоценными камнями, в пурпурной мантии, вышитой золотом, и с расшитым серебром поясом[2].

Показательным является описание возведения Витовта на престол: *«...При бытности Ягейла кроля и кролевой и всего сенату полского на столицу Великого князства Литовского, Витолт на мейстат был проважен в костеле святаго Станислава в замку Виленском и там подвышшоный Витолт от Андрея Возилока, бискупа виленского, и был убранный в шапку княжую и шаты к таму належачие, там же ему меч голый и посох маршалок литовский великий и печеть княжую отдавал ведлуг звычаю, также и Анна княжна его з ним была поднесена як княгиня литовская. По том триумфъ кротофили, церемониям тым служачие и належитые, кроль и Панове литовские отправовали, будучи все рады покою, который при Витолте сподевалися...»*[3]**.** Таким образом, во время церемонии коронации, которая, кстати, проходила уже по христианской традиции, отличной от существовавшей ранее языческой, новый правитель получил все необходимые атрибуты власти – «княжескую шапку», меч, посох и печать[4].

Но если об эпохе Ягайлы и Витовта мы можем судить по значительному количеству иллюстративного материала, то для предыдущего периода видится целесообразным привлекать обобщенные изобразительные свидетельства и символические изображения правителей, сохранившиеся в летописях или хрониках.

Одним из наиболее ценных иллюстративных источников является «Радзивилловская летопись», созданная в одном из крупнейших

[1] *Барвенава Г.* Тураўскі кароль Яраполк і каралева Кунегунда (паводле мініяцюр «Кодэкса Гертруды») // Комплекснае даследаванне фальклору і этнакультуры Палесся : матэрыялы II Міжнар. навук. фальклорна-этналінгвістычнай канф. / рэдкал.: В. Ліцьвінка [і інш.]. Мн., 2005. С. 46–47.

[2] *Пятраўскас Р.* Літоўская знаць канца XIV–XV ст.: склад – структура – улада. С. 24.

[3] Хроники Литовская и Жмойтская, и Быховца // ПСРЛ. Т. 32. 1975. С. 69.

[4] *Дзярновіч А. І.* Тытул Вялікіх князей Літоўскіх: дзе месца рускай традыцыі? С. 68.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

центров на восточнославянских землях ВКЛ, возможно, Смоленске или Полоцке[1]. Большое количество иллюстраций летописного свода, в том числе относящихся к древнерусскому периоду, отображают традиции ВКЛ, свидетельствуют о восприятии правителя и социума с точки зрения создававшего их летописца и характеризуют царившие в его эпоху представления о монархе. Вопреки сложившемуся утверждению советской и постсоветской историографии, иллюстративный материал «Радзивилловской летописи» отнюдь не является архаическим отражением реалий XI–XII вв. Детальный анализ иллюстраций, выполненный белорусским исследователем Ю. Боханом, а также А. Барвеновой, свидетельствует о том, что художник изображал героев древнерусской истории и представителей княжеской власти в сфере реалий и традиций, характерных для ВКЛ XV в. Это нашло отражение в вооружении, а также в одежде персонажей (костюме)[2].

Особого внимания исследования заслуживают изображения регалий правителей, в которых можно также найти черты готического западноевропейского костюма XIII–XIV вв. Таким образом, мы можем составить представление о том, как выглядели представители знати через призму иерархии важнейших атрибутов власти.

Месть Рогнеды. Заступничество Изяслава.
Миниатюра Радзивилловской летописи

[1] Радзивиловская летопись : в 2 т. Факсимильное воспроизведение рукописи. 1994. С. 140; См. также: Радзивиловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. 1989.

[2] *Барвенава Г. А.* Тэкстыль сярэднявечча на землях Беларусі. С. 49; *Бохан Ю. М.* Узбраенне войска ВКЛ 2-й пал. XIV – канца XVI стст. С. 29–32.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Брачный союз Владимира с принцессой Анной
Миниатюра Радзивилловской летописи

Показательно, что единственной княгиней, которая изображена с готической королевской короной, украшенной зубцами в виде трилистников-лилий, является Рогнеда. Речь идет об иллюстрации, связанной со знаменитым хрестоматийным сюжетом «Месть Рогнеды» в «Радзивилловской летописи». Она изображена в парадном убранстве вместе с сыном Изяславом и разгневанным Владимиром Святославовичем.[1]

Подобные формы королевских корон, как известно, были широко распространены в Европе в XIV–XV вв.[2] Показательно, что в короне более высокого (императорского) статуса изображена только византийская принцесса Анна, христианская жена Владимира Святославовича[3].

Особую значимость представляет изображение полоцкого князя Всеслава, переправляющегося через Днепр для переговоров с киевскими князьями. На нем корона западноевропейского образца с трилистником, отороченная мехом мантия[4].

Такие головные уборы были распространены в Германии и Польше. На иконе «Три короля» Михаэля Хабершрака (1473 г.) младший король изображен именно в таком же головном уборе, как и князь Всеслав Чародей на иллюстрациях Радзивилловского летописного свода.[5] Более того, аналогичные головные уборы можно обнаружить на правителях в иллюстрированной хронике «История императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке, созданной в середине XV в.[6] Всеслав является резкой

[1] Радзивиловская летопись. 1994. С. 163.
[2] *Барвенава Г. А.* Тэкстыль сярэднявечча на землях Беларусі. С. 60–61.
[3] Радзивиловская летопись. 1994. С. 62.
[4] Там же. С. 97.
[5] *Барвенава Г. А.* Тэкстыль сярэднявечча на землях Беларусі. С. 64.
[6] *Eberhard Windecke* Mogunt Imperatoriaus Zigmanto knyga. XV a. Lietuvos valdovu portretai / ed. R. Petrauskas. 2015. Л. 136, 181; *Eberhardi Windeckii* Mogunt Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula // Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum. T. 1. 1728. Col. 1073–1288.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

противоположностью другим древнерусским правителям, изображенным на остальных иллюстрациях в княжеских шапках. Интересно, что именно для полоцкого князя летописцем была выбрана корона как символ легитимности. Во время создания Радзивилловского свода и работы над иллюстрациями, а именно в XV в., существовало устойчивое представление о неотъемлемом атрибуте власти верховного правителя, который находил отражение в таком обязательном символе суверенности, как корона. Кроме того, не подвергается сомнению очевидная симпатия со стороны иллюстратора именно к представителям полоцкой династии – Рогнеде и полоцкому князю Всеславу Чародею, которых он изображает с такими необходимыми для верховного правителя регалиями, а также подчеркивает их легитимность и высший суверенный статус в глазах социума того времени. Данные факты могут подтвердить версию о создании Радзивилловского летописного свода именно в Полоцке.[1]

Всеслав Полоцкий во время переправы на переговоры к Изяславовичам
Миниатюра Радзивилловской летописи

Весьма показателен образ ВКЛ и его правителей, который нашел отражение в уникальном памятнике Московской Руси 3-й четверти XVI в. – Лицевом летописном своде, созданном по повелению московского царя Ивана Грозного. Символом суверенной власти в миниатюрах «Свода» выступает «древнерусская княжеская шапка». Ее наличие – неотъемлемый атрибут суверена, который соотносится московскими книжниками со «своей» государственной традицией. Полностью по древнерусскому канону изображены на миниатюрах Миндовг

[1] *Чернецов А.* Радзивиловская летопись // Свитязь. Мн., 1989. С. 140–142.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Ольгерд и его сыновья 1377 г.
Иллюстрация Лицевого летописного свода XVI века

и его сын Войшелк. Ольгерд и его сыновья изображены в так называемых «литовских» княжеских шапках[1].

Однако те дети Ольгерда, которые приняли православие и княжили в восточнославянских землях, на последующих иллюстрациях одеты как русские князья. Особый, отличный от всех головной убор изображен на великом князе Витовте. Правитель увенчан золотым сферическим венцом с дуговым орнаментом. Создатели Лицевого летописного свода изображали его в королевской короне, признавая, таким образом, за ним королевское достоинство, хотя в реальности он так и не был коронован. Весьма показательно, что все европейские правители – Сигизмунд Люксембургский, король Ягайло и другие монархи, изображенные на миниатюре, иллюстрирующей съезд по коронации Витовта в Троках и Вильно в 1430 г., изображены в таких же золотых венцах, как и Витовт[2].

Пристального внимания заслуживают также княжеские печати, являющиеся неопровержимым доказательством легитимности правителя. Так, они могут помочь в раскрытии вопроса о самоидентификации правителя в данный период времени.

Подобная тенденция идентификации легитимности власти правителя посредством печати началась со времен существования древнерусского государства и сохранилась во времена складывания ВКЛ[3]. Правда, этот период характеризовался двумя тенденциями. С одной

[1] Лицевой летописный свод XVI века. Русь (1411–1432 гг. от В.Х.) : в 27 т. / под ред. Г. Стерлингова. 2014. Т. 12. С. 151.

[2] Там же. С. 156; *Мартынюк А. В.* История Великого княжества в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века. С. 149–155.

[3] *Шаланда А.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII ст. геральдычна-сфрагістычныя нарысы. С. 36.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

стороны, сохранялись местные традиции геральдических знаков, с другой – имело место привлечение западноевропейских элементов[1]. Если в древнерусский период активно использовались элементы византийской традиции, то после принятия князьями ВКЛ католичества они начинают использовать латинские элементы и латинский шрифт на печатях. Первая печать, известная в историографии, относится еще ко времени правления Миндовга. Несмотря на то что до сих пор подлинность печати Миндовга, найденной на дарованной грамоте Немецкому ордену, вызывает сомнения исследователей, даже ее возможная подделка ярко свидетельствует о наличии подобного атрибута власти у первого правителя ВКЛ, а также о том, что соседние государства признавали легитимность данного правителя, а также подтверждает принципиальное наличие у него такого символа власти. Так, на печати изображен Миндовг, сидящий на троне с регалиями, характерными для правителя той эпохи[2].

Реконструкция изображения печати короля Миндовга.
Выполнена В. Катовичем

Неоспоримым является наличие подобных знаков отличия для правителей ВКЛ последующей эпохи. Гедимин пользовался печатью с изображением конного рыцаря и копья. Причем с конца XIV в. этот сюжет стал одним из самых популярных сюжетов, используемых на гербовых печатях представителей правящей династии[3].

В целом печать имела определенное сакральное и смысловое значения. По сведениям Хроники Литовской и Жемойтской, печать являлась одним из необходимых атрибутов во время коронации, возведения на престол. Летописец, описывал коронацию Витовта: *«...В костеле светаго Станислава в замку Виленском... подвышоный Витолт... печать княжую отдавал, ведлуг звычаю...»*[4]. Таким образом, присутствие печати среди необходимых для ритуала коронации атрибутов

[1] *Цітоў А.* Сфрагістыка і геральдыка Беларусі. С. 13.

[2] Міндаў, кароль Літовіі, у дакумэнтах і сьведчаньнях = Mindowe, rex Lithowiae, in litteris et testimonies / пад рэд. А. Жлуткі. 2005. Суперобложка.

[3] *Шаланда А.* Генезіс «Пагоні» – дзяржаўнага герба Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага. С. 153.

[4] *Шаланда А.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII ст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. С. 40.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Большая государственная печать Витовта 1407 г.
Реконструкция В.К. Келисинского

свидетельствует о том, что она являлась символом власти и юридической легитимности правителя. Причем князья, принявшие католичество, часто использовали печати с латинским шрифтом, а некоторые из них как печати с латинскими, так и с кириллическими надписями. Как пример можно привести младшего сына Ольгерда Свидригайло или сына Кейстута Жигимонта[1].

Отдельно хотелось бы выделить тронную печать Витовта, которая была зафиксирована на документах 1407, 1412–1430 гг. На печати изображение самого князя с митрой на голове, в правой руке – берло, в левой – щит с гербом «Погоня»[2].

Гербу отводилось особое внимание на любой печати или иных государственных, княжеских символах. Он являлся отражением самоидентификации его как наследника правящей династии, а также идентификации его в глазах современников как представителя властной структуры. Герб ВКЛ возникал не просто как светский геральдический атрибут, но как важнейший элемент культуры и традиции. Претензии на суверенитет Витовтом весьма красноречиво отражают надписи на его малых печатях с изображением герба Погони. Первый тип малой конной печати использовался Витовтом с 1407 по 1419 г., второй – с 1414 по 1418 г., третий – с 1420 по 1430 г.[3]

Печать Витовта. 1384–1385 гг.

На всех печатях изображен конный всадник с занесенным мечом в правой руке и изображением знака «Колюмны» на щите на левой руке. Но самое главное – легенды печатей. Если на печати первого типа Витовт титулован просто как князь Литовский, то уже на второй – «Божьей милостью князь Литвы». На печати же третьего типа помещена надпись следующего содержания: «Божьей милостью Великий князь Литвы». Таким образом, Витовт не

[1] *Цітоў А.* Пячаткі старажытнай Беларусі : нарысы сфрагістыкі. С. 34.
[2] *Цітоў А.* Сфрагістыка і геральдыка Беларусі. С. 141.
[3] *Полехов С. В.* Последние завещания Василия I и печати Витовта. С. 195.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

просто князь, а верховный суверенный властелин. Властью своей он обязан не Ягайле, польскому королю, а самому Богу. Как известно, знать ВКЛ после заключения Салинского мирного договора торжественно провозгласила его «королем Литвы и Руси», постоянно подчеркивая, что нобили ВКЛ свободны в своем выборе, не уступают по знатности полякам и не являются их слугами, а их верным сюзереном является великий князь Витовт.[1]

Нужно отметить, что на развитие геральдической традиции ВКЛ оказали влияние несколько исторических общностей. Во-первых, литовско-белорусские земли в этот период времени имели тесные контакты с Западной Европой, включая Немецкий орден с его сложившейся иерархией рыцарства. Для данной традиции было характерно портретное изображение князя на троне, или на лошади, или пешего. Вместе с тем внутри самого государства – ВКЛ – были сильны исторически сложившиеся тенденции древнерусской геральдической культуры. Об этом свидетельствуют не только кириллические надписи, но и изображения клеймового типа.[2]

После заключения Кревской унии можно говорить об усилении западноевропейских геральдических традиций и преобладании изображения конного рыцаря с мечом. По мнению ряда исследователей, образ святого всадника появился еще в XIII в. в процессе складывания ВКЛ, но корни его относятся к еще более древней традиции. Одним из наиболее важных источников появления такого символа на государственном гербе могла стать византийская христианская традиция, которую в определенной мере приняли первые правители нового государства.[3] Одной из самых могущественных фигур данной традиции издавна считался Святой Георгий, или Георгий Победоносец. Его культ был широко распространен на территории Восточной Европы, и неудивительно, что традиция его восхваления и почитания была заимствована, пусть и в видоизмененной форме, первыми литовскими князьями.[4]

Нельзя недооценивать и западноевропейское влияние на складывание местных геральдических символов, изображающих всадника. На

[1] *Полехов С. В.* Несохранившаяся печать князя Александра Патрикеевича Стародубского. С. 237–240; *Полехов С. В.* Последние завещания Василия I и печати Витовта. С. 195; *Полехов С. В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. С. 127; *Шаланда А.* Гербавыя пячаткі вялікага князя літоўскага Вітаўта: палітычная праграма ў адлюстраванні геральдыкі. С. 7–13.

[2] *Шаланда А.* Гербавыя пячаткі вялікага князя літоўскага Вітаўта: палітычная праграма ў адлюстраванні геральдыкі. С. 12.

[3] *Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. С. 293.

[4] *Цітоў А.* Сфрагістыка і геральдыка Беларусі. С. 138, 286.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

территории Западной Европы печать с изображением наездника появляется, по мнению белорусского исследователя геральдики и сфрагистики А. Титова, с XI в. Рыцарь на коне, скачущий на лошади, с мечом или другим оружием в руке, часто являлся иконографическим отображением образа князя («dux»)[1]. В обычаях того времени изображение рыцаря-властителя на лошади могло играть роль символа готовности к сражению за правое дело. И именно в этом виде оно появлялись на печатях и монетах. В процессе развития геральдики всадник был положен в основу династического герба Гедиминовичей. При этом изображение всадника с поднятым копьем или копьем наперевес было достаточно распространено среди представителей династии Гедиминовичей.

Такую печать использовал князь Наримонт Гедиминович, Семен Лугвень. Владимир Ольгердович, Жигимонт Кейстутович и Юрий Наримонтович Пинский также использовали на своих печатях изображение с всадником.

На печати Юрия Наримонтовича всадник синонимичен Святому Георгию, который поражает дракона. Михаил Явнутьевич использовал печать с изображением Льва, обобщенного геральдического символа Руси и метафорического изображения Христа[2].

Вместе с тем нельзя говорить об окончательном формировании геральдического концепта власти для конца XIV в. Доказательством этому служит неустойчивость гербового изображения Ягайло, которая могла варьироваться. В 1386 г. появляется первая государственная королевская печать короля Ягайлы. На гербовом щите, кроме польского орла и гербов польских воеводств, мы видим изображение вооруженного всадника, но не с мечом, а с копьем наперевес. В левой руке он держит щит с шестиконечным крестом[3]. Тем не менее самым распространенным стал вариант с всадником, держащим копье вместо меча, или всад-

Печать князя полоцкого Глеба (Наримонта Гедиминовича). *XIV в. д. Старый Копыль (Минская обл.). Надпись на обратной стороне: «ПЕЧА|ТЬ КНА|ЖА ГЛЕ|БОВА»*

[1] *Цітоў А.* Сфрагістыка і геральдыка Беларусі. С. 131.

[2] *Полехов С. В.* Несохранившаяся печать князя Александра Патрикеевича Стародубского. С. 242; *Сідаровіч В. М.* Пячатка князя Глеба Нарымонта XIV ст. з в. Стары Капыль. С. 44–46.

[3] *Насевіч В. Л.* Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. С. 138.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ником, под копытами лошади которого погибает змей. Последнее изображение является весьма символичным, так как в змее можно увидеть метафорическое изображение «дьявольской веры» – язычества литовцев, которое побеждает новый христианский правитель.

Большая тронная печать короля Ягайло 1388 г.

На большой тронной королевской печати Ягайлы 1388 г. изображен именно такой вариант Погони. Слева вверху над изображением короля можно увидеть изображение всадника, но уже с мечом, занесенным над головой для удара. В его левой руке – щит с шестиконечным крестом, под копытами коня – изображение крылатого дракона[1].

Показательны в связи с этим и иллюстрации к «Книге императора Сигизмунда», написанной Эберхардтом Вендеке (1380–1440), его приближенным вскоре после смерти императора в 1437 г.[2] На иллюстрациях, имеющих отношение к истории Литвы, с изображением герба ВКЛ «Погоня» символ государства приведен в двух вариантах. В одном случае всадник держит обнаженный меч, в другом – копье наперевес[3].

Именно во время Ягайлы формируется его личный герб «бойча» с изображением сдвоенного креста, который являлся византийским христианским символом, олицетворяющим победу христианской традиции в политике и воззрениях правителя ВКЛ. В православной традиции сдвоенный патриарший крест считается символом победы над язычеством[4]. О том, что именно такое идеологическое наполнение имела данная символика, красноречиво свидетельствует концепция фресковых росписей каплицы Святой Троицы в Люблинском замке, выполненная по заказу короля Ягайлы православными художниками-фресописцами с земель ВКЛ во главе с мастером Андреем в византийско-русском стиле. На юго-западной стене каплицы выполнено изображение Богородицы с Христом-Эммануилом. Перед Богоматерью на коленях изображен король Ягайло и Святой Михаил. Фи-

[1] *Насевіч В. Л.* Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя. С. 133.

[2] *Наумов Н.* Политический язык Эберхарда Виндеке. С. 46–70; *Наумов Н. Н.* «Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра. С. 65–83.

[3] *Eberhard Windecke* Mogunt Imperatoriaus Zigmanto knyga. XV a. Lietuvos valdovu portretai. 2015. Л. 44, 136.

[4] *Шаланда А.* Генезіс «Пагоні» – дзяржаўнага герба Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага. С. 154.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Ягайло в иконографическом образе Святого Георгия
Фрагмент росписи в часовне Святой Троицы в Люблине, нач. XV в.

гура короля как бы возносится к Богородице. В той же каплице есть еще одно изображение Ягайлы. Король на коне показан в соответствии с иконографической схемой Святого Георгия Победоносца. Одной рукой Ягайло сжимает копье, другой держит щит с изображением шестиконечного креста[1].

Не подлежит сомнению, что на данных изображениях фигура правителя выступает символом сакральности власти, укрепленной традицией. На становление культурной идентичности Ягайлы колоссальное значение оказали русинские, православные традиции, в которых его воспитала мать, а также его витебское окружение. Его поведению, ментальным стереотипам были присущи архетипические княжеские черты, характерные для восточнославянской культуры, – щедрость, носящая самодостаточный характер, символическое, а не утилитарное, не рационально-практическое значение, простота, граничащая с простотой Христа, способность позитивно воздействовать на качества своих подданных: «трусливых делал сильными, а смелых еще более храбрыми». Таким образом, типологизированное поведение Ягайлы отражает архетипы русинской, православной, греко-византийской культуры[2].

В эпоху Ягайлы и Витовта на землях, вошедших в состав ВКЛ, богоизбранности монарха придавалось, как упоминалось выше, особое значение. А герб Погоня воспринимался не только как политиче-

[1] *Дуко Я. В.* Мужчынскі касцюм прадстаўнікоў вышэйшага саслоўя Вялікага княства Літоўскага канца XIII–XV стст. // Сб. работ 65-й науч. конф. студентов и аспирантов Белорус. гос. ун-та : в 3 ч. Мн., 2008. Ч. 1. С. 69.

[2] *Груша А. І.* «Чалавек, народжаны ў варварскай краіне»: Ягайла – яго тыпізаваныя паводзіны // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі : да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Гродна, 8–9 ліп. 2010 г. Мн., 2011. С. 157–170.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

ский атрибут власти, но и как сакральный символ, один из вариантов изображения Святого Георгия[1].

Еще одним значительным символом легитимности власти для правителя мог явиться выпуск собственных денежных единиц. Владимир Святославович, «Креститель Руси» использовал данный способ идентификации своего положения в государстве. Монеты, выпущенные в период его правления, фактически не являлись предметом острой экономической необходимости, а, скорее, вопросом престижа и авторитета. Так, на серебряных («сребреники») или золотых («златники») монетах, появившихся в период его правления, можно обнаружить портрет самого Владимира Святославовича с одной стороны и трезубец как символ правящей династии – с другой, а также надпись в легенде: «Владимир на престоле, а это его серебро (золото)». Отчеканенная по византийскому образцу, монета являлась символическим отражением авторитета и суверенитета правителя, подчеркивающим его высокий статус и прочное положение в государстве. Примечательно и то, что изображен Владимир в византийской императорской тоге, не просто как князь, но как император, базилевс. Этот момент является очень интересным с точки зрения вопроса самоидентификации Владимира, а также свидетельствует об авторитете византийской традиции среди правителей Руси[2].

Так как чеканка монеты являлась прерогативой верховной власти, выбор изображений на монетах был ее привилегией. Несомненны важность и, можно сказать, даже сакральность изображения правителя. Основным выразителем подобной значимости является корона. Корона украшает голову правителя на первых монетах древнерусского периода. Правда, в отличие от византийских монет с символичным изображением монарха, для Владимира Святославовича была характерна индивидуализация образа, подчеркнутая наличием родового знака[3].

Аналогичную попытку показать легитимность своего правления можно встретить и в период правления первых князей ВКЛ, в частности Ольгерда или Витовта. До этого времени не было засвидетельствовано попыток наладить выпуск собственных монет, и первые образцы литовской нумизматики относятся к концу XIV–XV вв. На ранних монетах,

[1] *Шаланда А.* Генезіс «Пагоні» – дзяржаўнага герба Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага. С. 139.

[2] Более подробно см.: *Риер Я. А.* Владимир и престол: об институционализации власти «крестителя Руси» // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». 2018. Т. 26. – С. 104–110.

[3] *Соболева Н. А.* Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 27.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

грошиках и полугрошиках ВКЛ с надписью «Печат» по иконографии присутствует крест и меч, их символика перекликается с символикой Витебска как владения Ольгерда. Меч с изображением головы Христа, как известно, является основным геральдическим элементом герба Витебска с конца XVI в. Нельзя исключать более ранние истоки такой символики. Меч, таким образом, символизирует неотвратимость Божей кары для грешников. Такие монеты чеканились Ольгердом в самом конце его правления. Они датируются временем не ранее 1372 г.[1]

Денарий с портретом, с плетенкой (татарский орнамент) и львом, до 1392 г.

Весьма показательна символика князей Великого Княжества Литовского, особенно в эпоху правления Витовта. Этот правитель достиг больших успехов в подчинении политики Орды своим властным интересам[2]. Претензии на верховный сюзеренитет над Ордой и Крымским ханством нашли отражение и в нумизматике. По свидетельствам Никоновской летописи, перед трагической для Витовта и Тохтамыша битвой на Ворксле одним из требований, выдвинутых литовским правителем хану для установления мира, было следующее: *«Во всей Орде быти на денгах ординских знамение Витофтово»*[3]. Показательна символика монет первой эмиссии Витовта, чеканенных в Вильно с 1396 по 1399 г. На аверсе выбито кириллицей слово «ПЕЧАТ» и изображены «Колюмны» Витовта. На реверсе изображен лев, шагающий вправо. У зверя приподнята левая лапа. Его хвост переходит в плетенку. Как известно, изображение льва использовалось в качестве геральдического символа Руси, плетенка являлась символом Золотой Орды. Сочетание этих изображений на монетах можно рассматривать как своеобразную декларацию внешнеполитической программы восточной политики Витовта, главным постулатом которой являлось положение о том, что Орда и все зависимые от нее земли Руси долж-

[1] *Юргенсон В. А.* Монеты Ягайло и Витовта. С. 182–185.

[2] *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.) С. 191–199, 263; *Беспалов Р. А.* Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – 2013. № 5. С. 30–48.

[3] Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11. 1897. С. 137.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ны принадлежать ВКЛ[1]. Эта внешнеполитическая программа нашла отражение и в кладах с надчеканами «Колюмн» Витовта на джучидских монетах Крымского ханства, основная масса которых датирована 1425–1430 гг.[2]

***«Пенязь» князя Витовта**, 1392 г.*

Особенное внимание при этом хотелось бы обратить на интерпретацию изображения «Колюмнов», креста и наконечника копья на монетах Витовта. Есть различные объяснения данной символики. Можно привести точку зрения В.А. Юргенсона, который считает, что крест и наконечник копья были олицетворением святого Меркурия, культ которого был широко распространен в Смоленске. Таким образом, помещение на монетах «Колюмн» и наконечника копья с крестом может являться олицетворением Витовта и его жены Анны Смоленской[3].

Монеты Ягайлы также заслуживают внимания благодаря своей символике. На них изображен лев, который часто является олицетворением Христа. Таким образом для данного правителя лев мог символизировать «Христа в славе» и являться символом триумфующей правды христианской веры. То же самое относится и к изображению двойного креста на его монетах 1380-х гг.[4]

Денарий с двойным крестом и всадником. Ягайло, до 1392 г.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что интер-

[1] *Ремецас Э.* Монеты Великого княжества Литовского типа ПЕЧАТЬ / лев, плетенка. С. 133–137.

[2] *Гулецкий Д.* Гниваньский клад начала второй четверти XV века // Банкаўскі весн. 2016. № 2. С. 25–30; *Борейша Ю.* О надчеканках «Колюмн» Витовта Кейстутовича и Свидригайлы Ольгердовича. Мн., 2009. С. 56; *Зайцев В. В.* О находках трех кладов джучидских монет с литовскими надчеканками // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2009. Вып. 3. С. 190–193.

[3] *Юргенсон В. А.* Монеты Ягайло и Витовта. С. 182–184.

[4] *Ремецас Э.* Монеты Великого княжества Литовского типа ПЕЧАТЬ / лев, плетенка. С. 133–137; *Юргенсон В. А.* Монеты Ягайло и Витовта. С. 182–184.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

претация символики моент и печатей правителей ВКЛ является предметом специальных исследований. Задачей данного анализа являлось выделение их роли в процессе легитимизации власти монарха, а также изучение проблемы самоидентификации правителей раннего ВКЛ.

Таким образом, важным отражением легитимности власти первых правителей на белорусских землях в эпоху складывания ВКЛ является не только их политика или используемая титулатура, но также материальные свидетельства времени их правления, нашедшие отражение в изображении регалий и атрибутах правителей, сохранившихся как в вещественных артефактах, так и в иллюстративном материале. Символы, сохранившиеся на печатях или монетах правителей, являются одним из немаловажных средств, служащих для подтверждения легитимности монарха и отражения его роли в государстве, а также одним из материальных свидетельств политики правителя, направленной на признание и укрепление своей власти. Именно благодаря им можно сделать вывод о процессе эволюции власти правителя в определенном обществе, а также проследить преемственность традиций, используемых на на белорусских землях в ходе развития государственности.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государство представляет собой сложный организм, который не сводится к узкой группе лиц, монополизировавшей право на управление, и к институтам, обеспечивающим это право. В эпоху Средневековья оно представляло собой, скорее, систему взаимоотношений правителя и общества, объединенных некоей традиционной связью, с одной стороны, обеспечивающей сакральную защиту территории и населения, а с другой – поддерживающей легитимность носителя власти. ВКЛ на ранних этапах своего существования и вовсе представляло собой сложный феномен, который нельзя оценивать однозначно. Тем не менее очевидно, что в его создании и сохранении огромную роль сыграли правители, с именами которых ассоциируется эволюция данной политии в направлении государственности.

В условиях скудости источниковой базы по истории белорусских земель указанного периода особую важность в ходе исследования приобрело изучение комплекса нарративных источников, в частности европейских (в первую очередь немецких). Большая часть данных хроник до настоящего времени незаслуженно отодвигалась на второй план при изучении государствообразующих процессов на восточнославянских землях, хотя в них содержится ценная информация, касающаяся исторического развития указанных территорий. Подобные источники достаточно подробно описывают происходящие события, позволяют проследить эволюцию титулатуры первых литовских правителей, дать оценку их позиций в европейском сообществе и внутри страны.

В отличие от белорусско-литовского летописания, в котором первые позиции на раннем этапе существования ВКЛ отдаются Гедимину как создателю прочного государства, хроники, созданные на территории Немецкого ордена, выделяют, прежде всего, именно Витеня как могущественного правителя и военного лидера. Но самое главное, они не ставят под сомнение существование ВКЛ как полноценного государства, воспринимаемого хронистами наряду с другими европейскими монархиями даже на первых этапах его существования, начиная со второй половины XIII – начала XIV в.

ВКЛ как государство на литовско-белорусских землях формировалось из таких протогосударственных объединений, как компаундные вождества. Главную роль в них играл правитель, вождь, опиравшийся в своей деятельности на дружину. Основу его политики составляла хозяйственная организация жизнедеятельности общества и расширение, по возможности, имеющихся территорий или их защита от нападений. Отношения между вождем и социумом строилось на основе личного подчинения, точнее, добровольного делегирования ему функций покровительства и защиты населения. При этом главную роль для сохранения власти играли личные качества вождя, его харизма, авторитет, сила, военные успехи, подкрепляемые верой в сакральное начало власти – его способность общаться с высшими силами. На развитие государ-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

ственности на белорусских землях в XIII–XIV вв. во многом оказали влияние экзогенные факторы, которые проявились как в организации управления, так и в языковых заимствованиях для обозначения более высокого политического ранга правителя и обоснования легитимности его правления.

Важнейшими катализаторами, ускорившими процессы государствообразования, были традиции древнерусской государственности, заимствованные литовскими правителями в ходе их культурного и политического взаимодействия с восточнославянским населением белорусских земель. Это касается и способов управления, и модели властвования, и системы налогообложения. На первом этапе существования ВКЛ «государство» являлось условным термином, появившимся, скорее всего, уже в более поздней летописной традиции. Более типичным для данного периода является понятие «земля» как владение правителя, принадлежность подданного к той или иной этнической либо социальной общности. Только во второй половине XIV – первой трети XV в. можно говорить о восприятии ВКЛ как государства с его политическими нормами, основанными на традиции.

На первых этапах государствообразования ведущую роль в процессе институционализации власти играла личность правителя, его успешная военная политика. В процессе политогенеза на литовско-белорусских землях и формирования ВКЛ правители прибегали к различным способам завоевания, поддержания и сохранения своей власти. Если в период правления Миндовга все политические усилия были направлены, прежде всего, на расширение территорий, а также на попытку закрепления власти путем договорной, военной или религиозной политики без очевидной системы, то ко времени властвования Гедимина ситуация меняется. Если в предыдущий период времени ведущую роль играют личные качества правителя, его харизма, военные успехи, то к данному периоду времени оформляются основные механизмы институционализации власти, которые используются монархом целенаправленно. Это находит отражение уже не только в заключении династических браков, но в попытке узаконить принцип престолонаследия, легитимизировать правящую династию, а также добиться широкого международного признания. Именно к первой четверти XIV в., то есть ко времени правления Гедимина, складывается целенаправленная система легитимизации власти монарха. Для этой эпохи характерно оформление принципов престолонаследия, вводится административная структура управления территорией и оформляется идея великокняжеской власти.

Сакрализация власти правителя является одним из ведущих факторов успешной политики ее легитимизации. Христианство сыграло ключевую роль в сакрализации власти первых правителей ВКЛ, а также возвышении их статуса в глазах соседей. Окончательно институт власти как стройного организма оформляется во время правления Витовта. Ему удается не только централизовать само государство, создать мощный административный аппа-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

рат, позволяющий следить за реализацией механизмов институционализации власти, но и окончательно сформировать идею о богоизбранности правителя, придающую монарху статус верховного божественного наместника, обосновывающую высочайшую степень легитимности его правления. Именно христианство, с одной стороны, закрепило принцип единовластия, оформившийся при Витовте и выразившийся в христианской догме: «Единый Бог на небе – единый правитель на земле». С другой стороны, оно стало одним из важнейших политических инструментов получения международного признания государства в средневековой Европе.

Важным свидетельством легитимизации власти является идентификация и самоидентификация правителя, нашедшая отражение в используемой по отношению к нему титулатуре. В атрибутике и способах легитимизации власти первых правителей ВКЛ нашли отражение две традиции – византийская и латинская. На первом этапе государствообразования термины «князь» и «король» были синонимичны и, как правило, использовались параллельно («король» был синонимом термина «великий князь» и отражал сюзеренитет над территориями в западноевропейской традиции). Данная синонимичная терминология использовалась как носителями традиции в ВКЛ, так и за ее пределами. К эпохе правления Витовта окончательно утверждается восточнославянский вариант терминологии – «великий князь». Об этом красноречиво свидетельствуют данные латиноязычных хроник и документов, созданных европейскими хронистами, а также летописей, появившихся на территории ВКЛ. В это же время закрепляются и развиваются представления о высшем уровне суверенитета, связанном с понятием суприматии византийского императора. Это находит отражение в титулатуре наиболее ярких правителей ВКЛ, претендовавших на объединение всех восточнославянских земель и контроль над территорией Киевской митраполии, в отношении титулатуры которых в источниках использовались термины «базилевс» (Ольгерд) и «царь» (Витовт).

Отражением легитимности власти первых правителей на белорусских землях в эпоху складывания ВКЛ являются материальные свидетельства времени их правления, нашедшие свое олицетворение в изображении регалий и атрибутах правителей, сохранившихся как в вещественных артефактах, так и в иллюстративном материале. Установлено, что в атрибутах княжеской власти первых правителей ВКЛ отчетливо прослеживаются две традиции. Это, во-первых, византийская, сохранившаяся на данных землях в несколько измененном виде со времен существования Руси и связанная с традициями государственности на белорусских землях в предыдущий период. Во-вторых, западноевропейская традиция, знакомство с которой осуществлялось не только посредством дипломатических контактов, но также постоянным обращением к Польше и Немецкому ордену, несомненно, оказавшим свое влияние на проходившие на территории ВКЛ политические и культурные процессы.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Полоцкое княжество воспринималось в качестве одного из важнейших восточнославянских государственных образований, вошедших в состав ВКЛ. Полоцкие правители не потеряли полностью своего легитимного статуса после вхождения княжества в состав ВКЛ, имея значимый авторитет в глазах не только соседних государств, но и самих великих князей литовских. Образ полоцкого князя и самого княжества резко контрастирует с собирательным образом правителя ВКЛ на первых этапах его становления. Полоцкое княжество воспринималось современниками наиболее ценным, вероятно, основанном на традиции владением, вошедшим в состав нового государственного образования, не потерявшим при этом свое могущество.

Несомненно, что причину данного феномена нужно искать в глубокой исторической традиции, восприятии Полоцка населением белорусских земель как своего истинного государственного, культурного и административного центра, известного со «старины», а его правителей – как своих защитников. Легитимность их правления, а также наличие особого статуса среди других князей не оспаривались. Важным является использование титула «великий князь» не только по отношению к верховному правителю ВКЛ, но и к некоторым князьям Полоцка.

Это может быть, в свою очередь, обусловлено высоким статусом и определенной автономией, которые данное политическое образование сохраняло даже после вхождения в состав ВКЛ. С большой долей уверенности можно предположить, что Полоцк был включен в состав ВКЛ не силой, а путем договоров (пусть и вынужденных). Именно этим можно объяснить высокий статус полоцких правителей в глазах не только белорусско-литовских, но и западноевропейских хронистов, а также восприятие ими Полоцка как древнейшего суверенного образования на белорусских землях.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ВКЛ – Великое Княжество Литовское
НПЛ – Новгородская Первая Летопись
ПГ – Полоцкие Грамоты
ПСРЛ – Полное Собрание Русских Летописей
РИБ – Российская Историческая Библиотека
CEV – Codex epistolaris Vitoldi
SRP – Scriptores Rerum Prussicarum

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / сост.: Л. М. Попова, Н. И. Щавелева ; под ред. В. Л. Янина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 264 с.

2. Anonymi Descriptio Europae Orientalis: Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia. Anno MCCCVIII e exarata / ed. by O. Gorka. – Cracoviae : Sumptibus Academia Litterarum, 1916. – 70 s.

3. Blumenau, L. Historia de ordine Theutonicorum cruciferorum / L. Blumenau // Scriptores rerum Prussicarum. – Leipzig, 1870. – B. 4. – 800 s.

4. Brandis, M. Chronik oder älteste Livländische Geschichte / M. Brandis // Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsatzen, welche zur Erlauterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland`s dienen // ed. by C. J. A. Paucker. – Riga ; Leipzig : Verlag von Eduard Frantzen`s Buchhandlung, 1840. – 195 s.

5. Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Gedimino laiškai / ed. by S. C. Rowell. – Vilnius : Leidykla Vaga, 2003.

6. Cromeri, M. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX / M. Cromeri. – Basel : Ex Officina, Oporiniana, 1568. – 468 s.

7. Die Chronik Wigands von Marburg. Originalfragmente, latenische Uebersetzung und sonstige Ueberreste, herausgegeben von Theodor Hirsch / Wigand von Marburg // Scriptores rerum Prussicarum / ed. by Ernst Strehlke. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. – S. 429–866.

8. Die Chroniken von Oliva und Bruchstucke aelterer Chroniken. Die aeltere Chronik von Oliva nach der neuaufgefundenen v. Pawlikowskischen Handschrift // Scriptores rerum Prussicarum. – Leipzig, 1874. – B. 5. – S. 591–624.

9. Dusburg, Peter von Chronicon terrae Prussiae / Peter von Dusburg // Scriptores rerum Prussicarum. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1861. – B. 1. – 454 s.

10. Dusburg, Petri Chronicon Prussiae, in quo Ordinis Teutonici Origo, nec non Resab ejusdem Ordinis Magiftris ab An. MCCXXVI. usque An. MCCCXXVI / Petri de Dusburg ; ed. by Christoph Hartknoch. – Francofurti, Lipsiae : Hallervordius, 1679. – 456 s.

11. Eucaedius, A. Aulaeum Dunaidum, continens seriem ac successiones archiepiscoporum Rigensium in Livonia, scriptum ad reverendissimum ac illustrissimum principem ac dominum dominum Sigismundum Augustum, archiepiscopum Rigensem designatum, ducem Megapolensem, principem Vandalorum, comitem Suerinaeum, ac Stargatiorum dominum, etc. / A. Eucaedius // Scriptores Rerum Livonicarum. – Riga und Leipzig : Eduard Franken`s Berlags, 1853. – B. 2. – S. 393–426.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

12. Gall Anonim Kronika Polska / Gall Anonim / przekład R. Grodecki, przyp. M. Plezia. – Kraków : MAK Verlag GmbH, 2010. – S. 483–502.

13. Grunau, S. Preussische Chronik / S. Grunau. – Leipzig : Verlag von Dunkker und Humbolt, 1875. – 272 s.

14. Guagnini, A. Sarmatiae Europeae descriptio, quae Regnum Poloniae, Litvaniam, Samogitiam, Rvssiam, Massoviam, Prvssiam, Pomeraniam, Livoniam, et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur / A. Guagnini. – Spirae : apud Bernardum Albinum, 1581. – 119 s.

15. Dlugossi, I. Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae / I. Dlugossi. – Warsaw : Panstwowe Wydawnictwo Naukowe. – B. 7–8. – 1975. – 433 s.

16. Dlugossi, I. Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae / I. Dlugossi. – Warsaw : Panstwowe Wydawnictwo Naukowe. – B. 9. – 1978. – 509 s.

17. Dlugossi, I. Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae / I. Dlugossi. – Warsaw : Panstwowe Wydawnictwo Naukowe. – B. 10–11. – 1997. – 463 s.

18. Kojałowicz, W. De rebus Lituanorum ante susceptam christianam religionem, conjunctionemque magni Lituaniae ducatus cum regno Poloniae / W. Kojalowicz. – Dantisci : Förster, 1650. – 399 s.

19. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / wyd., wstępem i przyp. opatrz. D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. – Kraków–Warszawa, 2017. – 710 s.

20. Kronika Polska Marcina Bielskiego. – Sanok : Pollak Karol, 1856. – T. 1. – 205 s.

21. Lettus, Henricus Livländische Chronik / H. Lettus // Scriptores rerum Livonicarum / ed. A. Hansen. – Riga – Leipzig : Frantzen, 1853. – 906 s.

22. Lituanus, Michalo De moribus Tartarorum, Lithuanorum et Moschorum / Michalo Lituanus. – Basel : Apud Conradum Waldkirchum, 1561. – 64 s.

23. Livländische Reimchronik / ed. by Franz Pfeiffer. – Stuttgart : gedruckt auf Kosten des literarischen Vereins, 1844. – 332 s.

24. Lucas, D. Preussische Chronik / D. Lucas // Preussische Chronik Hrsg. von Ernst Hennig. – Königsberg : Hartung, 1814. – B. 4. – 158 s.

25. Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsatzen, welche zur Erlauterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland`s dienen. Erster Band. Thomas Hiarn`s Ehst-, Lyf- und Lettlanendische Geschichte. – Riga ; Dorpat ; Leipzig : Verlag von Eduard Frantzen`s Buchhandlung, 1835. – 444 s.

26. Monumenta Medii Aevi Historica / col. Antonii Prochaska. – Cracovia : Acad. Literarum, 1882. – T. 6 : Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376–1430, 1882. – 1113 s.

27. Piotr z Dusburga Kronika ziemi pruskiej / Piotr z Dusburga ; wyd. S. Wyszomirski. – Toruń : Wydawnictwo UMK, 2004.

28. Ratundus, V. Rozmowa Polaka z Litwinem / V. Ratundus ; vud. Józef Korzeniowski. – Kraków, 1890. – 91 s.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

29. Russowen, B. Chronica von Provintz Lyffland / B. Russowen // Scriptores Rerum Livonicarum. – Riga – Leipzig : Eduard Franken`s Berlags, 1853. – B. 2. – S. 1–194.

30. Schütz, C. Historia Rerum Prussicarum / C. Schütz. – Zerbst : [i. o.], 1592. – 555 s.

31. Stryjkowski, M. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszyskiey Rusi Macieja Stryjkowskiego / M. Stryjkowski. – Warszawa : Wydawn. Artystyczne I Filmowe, 1985. – 392 s.

32. Stryjkowski, M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi / M. Stryjkowski. – Warszawa, 1846. – T. 1. – 289 s.

33. Wartberge, Hermann de Die Chronicon Livoniae / Hermann de Wartberge // Scriptores rerum Prussicarum / ed. by Ernst Strehlke. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. – S. 9–116.

34. Wigand von Marburd Nowa kronika pruska / Wigand von Marburg; oprac. S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. – Torun: TNT, 2017. – 666 s.

35. Windecke, Eberhard Imperatoriaus Zigmanto knyga. XV a. Lietuvos valdovu portretai / Eberhard Windecke / ed. R. Petrauskas. – Vilnius, 2015. – 402 s.

36. Windeckii Mogunt, Eberhardi Historia vitae Imp. Sigismundi vernacula / Eberhardi Windeckii Mogunt // Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum. – B. 1. – Lipsiae, 1728. – Col. 1073–1288.

37. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / редкол. : С. А. Аннинский [и др.]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. – 608 с.

38. Грамота литовского князя Ольгерда к патриарху Филофею, с жалобами на митрополита Алексия и с просьбою поставить особого митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосиля, Твери и Нижнего Новгорода // Протоирей Иоанн Мейндорф Византия и Московская Русь. Очерки культурных связей в XIV веке. – Париж : YMCA-PRESS, 1990. – С. 805.

39. Длугош, Я. История Польши / Я. Длугош ; под ред. Г. А. Стратановского, Б. В. Казанского, Л. В. Разумовской. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 216 с.

40. Киево-Печерский патерик / подготовка текста Л.А. Ольшевский, пер. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 4. – СПб. : Наука, 1997. – С. 296–495.

41. Лаврентьевская летопись // Полное Собрание Русских Летописей. – Т. 1. – Л., 1926–1928. – С. 292–488;

42. Латвийский, Г. Хроника Ливонии / Г. Латвийский // Славянские хроники. Походы, битвы, знать Древней Руси до 1240 года / А. И. Цепков. – СПб. : Глагол, 1996. – С. 196–321.

43. Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час / уклад. В. А. Варонін. – 2-е выд. – Смаленск : Інбелкульт, 2013. – 902 с.

44. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. – Т. 11. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1897. – 254 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

45. Ливонская старшая рифмованная хроника // Матузова, В. И. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий / В. И. Матузова, Е. Л. Назарова. – М. : Индрик, 2002. – С 35–42.

46. Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин / ред. А. Л. Хорошкевич. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 151 с.

47. Лицевой летописный свод XVI века. Русь (1411–1432 гг. от В.Х.) : в 27 т. / под ред. Г. Стерлингова. – М. : Фирма Актеон, 2014. – Т. 12. – 486 с.

48. Міндаў, кароль Літовіі, у дакумэнтах і сьведчаньнях = Mindowe, rex Lithowiae, in litteris et testimonies / пад рэд. А. Жлуткі. – Мінск : Тэхналогія, 2005. – 136 с.

49. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. – Л., 1949. – Т. 25. – 464 с.

50. Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси / Д. С. Лихачев [и др.]. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 1 : XI–XII вв. – С. 316–327.

51. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / под ред. В. И. Матузовой. – М. : Ладомир, 1997. – 384 с.

52. Полное собрание русских летопией. – М. : Наука, 1975. – Т. 32 : Хроники Литовская и Жмойтская, и Быховца / сост. Н. Н. Улащик. – 430 с.

53. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1962. – Т. 2 : Ипатьевская летопись. – Изд. 2-е. – 938 с.

54. Полное собрание русских летописей. – Л., 1926. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись, вып. 1 : Повесть временных лет. – 577 с.

55. Полное собрание русских летописей. – М. : Археограф. центр, 1995. – Т. 41 : Летописец Переяславля Суздальского (летописец русских царей) / сост.: С. Н. Кистеров [и др.]. – 184 с.

56. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1980. – Т. 35 : Летописи белорусско-литовские / сост. Н. Н. Улащик. – 305 с.

57. Полное собрание русских летописей. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 3 : Новгородская летопись старшего и младшего изводов / сост. А. Н. Насонов. – 642 с.

58. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1897. – Т. 11 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / сост. С. Ф. Платонов. – 172 с.

59. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1908. – Т. 2 : Ипатьевская летопись / сост. А. А. Шахматов. – 638 с.

60. Полное собрание русских летописей. – Л. : Наука, Ленинград. отделение, 1989. – Т. 38 : Радзивилловская летопись. – 177 с.

61. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1975. – Т. 32 : Хроника Быховца / предисловие Н. Н. Улащик. – 235 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

62. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. – Т. 2. – 522 с.

63. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 2 т. / под ред. А. Хорошкевич. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. – Т. 1. – 864 с.

64. Послания Гедимина / сост.: В. Т. Пашуто, И. В. Шталь. – Вильнюс : Минтис, 1966. – 197 с.

65. Послания митрополита Никифора князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху // Великий князь Владимир Мономах / подг. А. Ю. Карпов. – М. : Русский мир, 2006. – 460 с.

66. Правда Русская / ред. Б. Д. Греков. – М. : Изд. АН СССР, 1940. – Т. 1. – 505 с.

67. Радзивиловская летопись : в 2 т. – Факсимильное воспроизведение рукописи. – СПб. : Глаголь ; М. : Искусство, 1994. – Т. 1–2.

68. Слово о законе н благодати митрополита Киевского Илариона / Подготовка текста и комментарии А. М. Молдована, перевод диакона Андрея Юрченко // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 1: XI–XII века. – М. : Наука, 1997. – С. 26–61.

69. Хроника Быховца / отв. ред. М. Н. Тихомиров; предисл., коммент. и пер. Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1966. – 155 с.

70. Хроника Ливонии Генриха Латвийского / сост. и ком. Е. В. Чешихин-Ветринский // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига, 1876. – Т. 1. – С. 65–285.

Литература

71. Adamus, J. O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń / J. Adamus // Kwartalnik historyczny. – R. 44. – T. 1., Zesz. 1. – Lwów : Polskie Towarzystwo Historyczne, 1930. – S. 313–332.

72. Adamus, J. Państwo litewskie w latach 1386-1398 / J. Adamus // Księga pamiątkowa ku uczczeniu 400. rocznicy wydania I Statutu Litewskiego. – Wilno, 1935. – S. 15–79;

73. Baranauskas, T. Lietuvos valstybes istakos / T. Baranauskas. – Vilnus : VAGA, 2000. – 317 p.

74. Barfold, P. M. The early Slavs: culture and society in early medieval Europe / P. M. Barfold. – Ithaca ; New York : Cornell University Press, 2001. – 416 p.

75. Barnard, A. Anthropology and the Bushman / A. Barnard. – Oxford ; New York : Berg, 2007. – 192 p.

76. Bartlett, R. From Paganism to Christianity in medieval Europe / R. Bartlett // Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus` c. 900–1200 / N. Berend. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – P. 47–73.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

77. Bernhardt, J. W. Itinerant kingship and royal monasteries in early medieval Germany (936–1075) / J. W. Bernhardt. – New York : Cambridge University Press, 1993. – 378 p.

78. Błaszczyk, G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności / G. Błaszczyk. – Poznań : Wydawnictwo UAM, 1998. – T. 1: Trudne początki. – 306 s.

79. Błaszczyk, G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności / G. Błaszczyk. – Poznań : Wydawnicwto Poznańskie, 2007. – T. 2: Od Krewa do Lublina. – 932 s.

80. Brubaker, L. To legitimize an emperor: Constantine and visual authority in the VIII–IXth centuries / L. Brubaker // New Constantines : the rhythm of imperial renewal in Byzantium, IVth – XIIIth centuries; papers of the Twenty-sixth Spring Symposium of Byzantine Studies, St. Andrews, March 1992 / ed. by P. Magdalino. – Aldershot : Variorum, 1994. – 312 p.

81. Bumblauskas, A. Senosios Lietuvos istorija, 1009–1795 / A. Bumblauskas. – Vilnus : R. Paknio, 2005. – 485 p.

82. Carneiro, R. L. Multiple Trajectories in Political Development: From Leaders to Rulers / R. L. Carneiro // Social Evolution and History. – 2004. – № 1. – Vol. 3. – P. 162–175.

83. Carneiro, R. L. Was the Chiefdom a Congelation of Ideas? / R. L. Carneiro // Social Evolution and History. – 2002. – № 1. – Vol. 1. – P. 80–100.

84. Claessen, H. J. M. Before the Early State and After: An Introduction / H. J. M. Claessen // Social Evolution and History. – 2008. – № 1, Vol. 1. – P. 4–18.

85. Claessen, H. J. M. Early State Intricacies / H. J. M. Claessen // Social Evolution and History. – 2005. – № 2, Vol. 4. – P. 151–158.

86. Claessen, H. J. M. On Early States – Structure, Development and Fall / H. J. M. Claessen // Social Evolution and History. – 2010. – № 1, Vol. 9. – P. 3–51.

87. Colker, M. L. America rediscovered in the thirteenth century? / M. L. Colker // Speculum. – 1979. – № 54. – P. 712–726

88. Czacki, T. Czy prawo rzymskie było zasadą praw polskich i litewskich i czy z północnymi narodami mieliśmy wiele wspólnych praw i zwyczajów?: Rozprawa czytana w Krzemieńcu na otwarcie r. szkoln. w Gimnazjum Wołyński / T. Czacki. – Wilno : Józef Zawadzki, 1809. – 122 s.

89. Daugirdaite-Sruogiene, V. Lietuvos Istorija: Lietuva Amziu Sukury / V. Daugirdaite-Sruogiene. – Chicago : Tevynes Myletoju Draugija, 1956. – 947 s.

90. Dölker, A. Der Fastenbrief des Metropoliten an den Fürsten Vladimir Monomachos / A. Dölker. – Tübingen : Üniversität Tübingen, 1985. – 114 s.

91. Dubonis, A. Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje (1268–1282) / A. Dubonis. – Vilnius : LII leidykla, 2009. – 241 s.

92. Duggan, A. J. Kings and kingship in medieval Europe / A. J. Duggan. – London : King`s College London, 1993. – 440 p.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

93. Earle, T. The Evolution of Chiefdoms / T. Earle // Chiefdoms: Power, Economy and Ideology. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – P. 1–15.

94. Earle, T. How Chiefs come to power. The political economy in prehistory / T. Earle. – Stanford : Stanford University Press, 1997. – 250 p.

95. Eilenberg, M. At the edges of states. Dynamics of state formation in the Indonsian borderlands / M. Eilenberg. – Leiden : KITLV Press, 2012. – 356 p.

96. Garipzanov, I. Northmen and Slavs: identities and State Formation in Early Medieval Europe / I. Garipzanov, P. Geary, P. Urbanczyk. – Brepols : Brepols Publishers, 2008. – 266 p.

97. Green, V. H. H. Medieval Civilization in Western Europe / V. H. H. Green. – London : Edward Arnold, 1971. – 426 p.

98. Griškaite, R. Naujoji Teodoro Narbuto Lietuvių mitologija / R. Griškaite // Lituanistica. – 1993. – № 3 (15). – P. 9–16.

100. Gudavičius, E. Polityczny problem Królestwa Litewskiego w połowie XIII w. / E. Gudavičius // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefe Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Materiały z konferencji historyków radzieckich i polskich w Toruniu z r. 1988; red. M. Biskup. – Toruń, 1990. – S. 61–84.

101. Gudavicius, E. Mindaugas / E. Gudavicius. – Vilnius : Žara, 1998. – 359 s.

102. Halecki, O. Polska i Litwa wobec Rusi w jej epoce dzielnicowej / O. Halecki // Dzieje Unii Jagiellonskiej. – Krakow, 1919. – T. 1 : Wiekach Srednich. 1919. – 481 s.

103. Jablonowski, H. Westrussland Zwischen Wilna und Moskau. Die politische stellung und die politischen tendenzen der russischen bevölkerung des grossfürstentums Litauen im XV Jh. / H. Jablonowski. – Leiden : E. J. Brill, 1955. – 167 s.

104. Jankauskas, V. Kunigaiksciai Svirskiai XIV – XVI a.: Nuo gentines aristokratijos iki LDK politines tautos / V. Jankauskas. – Kaunas : Spalvu kvartetas, 2016. – 230 s.

105. Jaritz, G. Rituals, images and daily life: the medieval perspective / G. Jaritz. – Berlin : LIT Verlag Dr. W. Hopf., 2012. – 247 p.

106. Klaniczay, G. The paradoxes of royal sainthood as illustrated by central European examples / G. Klaniczay // Kings and kingship in medieval Europe / ed. by A. J. Duggan. – London : King`s College London, 1993. – P. 351–375.

107. Klaniczay, G. The uses of supernatural power: the transformation of popular religion in medieval and early-modern Europe / G. Klaniczay. – Princeton : Princeton University Press, 1990. – 259 p.

108. Koenigsberger, H. G. Medieval Europe 400–1500 / H. G. Koenigsberger. – Essex : Longman, 1987. – 401 p.

109. Koncius, J. B. Vytautas the great grand duke of Lithuania / J. B. Koncius. – Miami : The Franklin Press, 1964. – 211 p.

110. Korczak, L. Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim / L. Korczak. – Kraków : Historia Iagellonica, 2008. – 208 s.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

111. Korczak, L., Litewska rada wielkoksiążęca w XV wieku / L. Korczak. – Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1998. – 120 s.

112. Korpella, J. Prince, Saint and Apostle. Prince Vladimir Svjatoslavic of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power / J. Korpella. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2001. – 267 p.

113. Kosman, M. Historia Bialorusi / M. Kosman. – Wroclaw : Ossolineum, 1979. – 404 s.

114. Kosman, M. Od chrztu do chrystianizacji / M. Kosman. – Warszawa : Ksiazka I Wiedza, 1992. – 171 s.

115. Kurtz, D. V. Political Power and Government: Negating the Anthropomorphized State / D. V. Kurtz // Social Evolution and History. – 2006. – № 2, Vol. 5. – P. 91–111.

116. Kurtz, D. V. Social Boundary Networks and the Vertical Entrenchment of Government Authority in Early State Formations / D. V. Kurtz // Social Evolution and History. – 2008. – № 1, Vol. 7. – P. 131–153.

117. Lasko, P. The Kingdom of the Franks. North-west Europe before Charlemagne / P. Lasko. – New-York : MeGraw-Hill Book Company, 1971. – 141 p.

118. Lelewel, J. Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej / J. Lelewel. – Poznań : Stefański, 1844. – 214 s.

119. Leyser, K. Communications and power in Medieval Europe / K. Leyser. – London : Hambledon Press, 1994. – 244 p.

120. Lowmianski, H. Studia nad dziejami Wielkiego Ksiestwa Litewskiego / H. Lowmianski. – Poznan : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1983. – 580 s.

121. Makauskas, B. Lietuvos Istorija / B. Makauskas. – Kaunas : Sviesa, 2000. – 486 s.

122. Nagirnyj, W. Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264 / W. Nagirnyj. – Kraków: Komisja Wschodnioeuropejska PAU, 2011. – 362 s.

123. Narbutt, T. Dzieje starożytne narodu litewskiego / T. Narbutt. – Wilno : Drukiem Józefa Zawadzkiego, 1847. – 244 s.

124. Naruszewicz, A. Historya narodu polskiego : 10 t. / A. Naruszewicz. – Krakowe, 1860. – T. 4. – 396 s.

125. Nikzentaitis, A.Witold i Jagiello / A. Nikzentaitis. – Poznań : PTPN, 2000. – 89 s.

126. Ochmanski, E. Historia Litwy / E. Ochmanski. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź, 1981.

127. Ochmanski, E. Dawna Litwa. Studia historyczne / E. Ochmanski. – Olsztyn : Wydawnictwo Pojezierze, 1986.

128. Ochmanski, E. Historia Litwy / E. Ochmanski. – Wroclaw – Warszawa – Krakow : Zaklad Narodowy Imenia Ossolinskich Wydawnictwo, 1990. – 396 s.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

129. Paszkiewicz, H. Litwa przed Mendogiem / H. Paszkiewicz // Pamiętnik V powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie. 28 listopada do 4 grudnia 1930 r. T. 1: Referaty. – Lwów, 1930. – S. 246–258.

130. Paszkiewicz, H. Poczatki Rusi / H. Paszkiewicz. – Krakow : Nakladem Polskiej Akademii Umiejetnosci, 1996. – 593 s.

131. Paszkiewicz, H. Z zagadnień ustrojowych Litwy przedchrześcijańskiej. Kunigasi a problem ekspansji litewskiej na Rusi w w. XIII / H. Paszkiewicz // Kwartalnik Historyczny. – R. 44. – 1930. – № 3. – S. 301–312.

132. Petrauskas, R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis — struktūra – valdžia / R. Petrauskas. – Vilnius : Aidai, 2003. – 379 p.

133. Petrauskas, R. Monarcha i wasal: Witold a unia horodelska / R. Petrauskas // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. – 2014. – № 141. – Z. 2. – S. 511–529.

134. Poggi, G. Formation and Form. Theories of State Formation / G. Poggi // The Blackwell companion to political sociology / ed. by K. Nash, A. Scott. – Blackwell : Blackwell Publishing, 2006. – 478 p.

135. Previte-Orton, C. W. A History of Europe from 1198 to 1378 / C. W. Previte-Orton. – London : Methuen & Co. LTD., 1951. – 464 p.

136. Pristak, O. Harvard Ukranian Studies. Volume XII – XIII. 1988/1989 : Proceedings of the International Congress Commemorating the Millenium of Christianity in Rus` – Ukraine / O. Pristak, I. Sevcenko. – Cambridge ; Massachusetts, 1990. – 894 p.

137. Puzyna, J. Kim był i jak sie naprawdę nazywał Pukuwer ojciec Giedymina / J. Puzyna // Ateneum Wileńskie. – 1935. – T. 10. – S. 1–43.

138. Raffensperger, C. Ties of kinship: genealogy and dynastic marriage in Kyivan Rus' / C. Raffensperger. – Cambridge ; Massachusetts : Harvard University Press, 2016. – 407 p.

139. Rasanen, M. Relicts, identiry and memory in medieval Europe / M. Rasanen, G. Hartman. – Turnhout : Brepols, 2016. – 359 p.

140. Rimša, E. Ar Mindaugo majestotinis antspaudas? / E. Rimsa // Lietuvos dailės muziejaus metraštis. – 2005. – № 6. – P. 35–44.

141. Rowell, S. C. Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345 / S. C. Rowell. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 375 p.

142. Rowell, S. C. Pagans, peace and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy / S. C. Rowell // Archivum Historiae Pontificiae. – 1990. – Vol. 28. – P. 63–98.

143. Rowell, S. C. A history of Lithuania / S. C. Rowell, R. Griskaite, G. Rudis. – Vilnius: Ogranisation Committee Frankfurt, 2002. – 47 p.

144. Seraphim, E. Geschichte Liv-, Est- und Kurlands von der „Aufsegelung" des Landes bis zur Einverleibung in das russische Reich : eine populäre Darstellung. Band I. Die Zeit bis zum Untergang livländischer Selbständigkeit / E. Seraphim. – Reval : Belrad von Franz Kluge, 1895. – 425 s.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

145. Service, A. The Origins of State and Civilization / A. Service. – New-York, 1975. – 224 p.

146. Sesplaukis, A. Lithuanica collections in European research libraries / A. Sesplaukis. – Chicago : the Lithuanian research and studies center, 1986. – 215 s.

147. Shepard, J. Rus` / J. Shepard // Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus` c. 900–1200 / N. Berendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – P. 369–417.

148. Smith, J. C. Livonian rhymed chronicle / J. C. Smith. – Indiana : Indiana University, 1977. – 150 p.

149. Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów / J. Tegowski. – Poznań-Wrocław : Wydawnictwo Historyczne, 1999. – 319 s.

150. Tęgowski, J. Zagadnienie władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie między Unią Krewską a zgonem Skirgiełły (1385–1394) / J. Tegowski // Zapiski historyczne. – T. 64. – 2001. – Z. 4. – S. 7–18.

151. Totoraitis, J. Die Litauer unter dem Konig Mindowe biz zum Jahre 1263 / J. Totoraitis. – Freiburg : St. Paulus Druckerei, 1905. – 160 s.

152. Witfogel, K. Oriental Despotism: a comparative study of total power / K. Witfogel. – New Haven and London : Yale University Press, 1967. – 556 p.

153. Александров, Д. Н. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках / Д. Н. Александров, Д. М. Володихин. – М. : Аванта+, 1994. – 133 с.

154. Алпатов, М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси / М. В. Алпатов // Тр. отд. древнерус. лит / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; отв. ред. И. П. Еремин. – М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 12. – С. 292–310.

155. Андерсон, П. Переходы от античности к феодализму / П. Андерсон. – М. : Территория будущего, 2007. – 288 с.

156. Антонович, В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России / В. Б. Антонович. – Киев : [б. и.], 1885. – 351 с.

157. Антонович, В. Б. Очерки истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия / В. Б. Антонович. – Киев : Университет. тип., 1878. – 158 с.

158. Антонович, В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда / В. Б. Антонович // Моя сповідь : вибрані історичні та публіцистичні твори / В. Б. Антонович ; под ред. О. Тодійчук, В. Ульяновського. – Київ : Либідь, 1995. – С. 648–649.

159. Баландье, Ж. Политическая антропология / Ж. Баландье. – М. : Науч. мир, 2001. – 201 с.

160. Бандтке, Е. История государства Польского : в 2 т. / Е. Бандтке. – СПб. : Тип. император. Рос. Академии, 1830. – Т. 1. – 319 с.

161. Баранаускас, Т. Истоки Литовского государства / Т. Баранаускас. – Вильнюс : Вага, 2000. – 317 с.

162. Баранаускас, Т. Месца каранацыі Міндоўга = Место коронации Миндаугаса / Т. Баранаускас // Спадчына. – 2002. – № 5–6. – С. 26–31.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

163. Баранаускас, Т. Новогрудок в XIII в.: история и миф / Т. Баранаускас // Castrum, urbis et bellum : зб. навук. пр. : прысвячаецца памяці прафесара Міхася Ткачова. – Баранавічы, 2002. – С. 29–44.

164. Барбашев, А. Витовтъ: послѣднія двадцать летъ княженія 1410–1430 / А. Барбашев. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1891. – 341 с.

165. Барбашев, А. И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.) / А. И. Барбашев. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1885. – 165 с.

166. Барбашев, А. И. Летописные источники для истории Литвы в средние века / А. И. Барбашев. – СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1889. – 29 с.

167. Барвенава, Г. А. Тэкстыль сярэднявечча на землях Беларусі / Г. А. Барвенава. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2008. – 246 с.

168. Барвенава, Г. Тураўскі кароль Яраполк і каралева Кунегунда (паводле мініяцюр «Кодэкса Гертруды») / Г. Барвенава // Комплекснае даследаванне фальклору і этнакультуры Палесся : матэрыялы II Міжнар. навук. фальклорна-этналінгвістычнай канф., Мінск, 14–15 красавіка 2005 г. : з нагоды 220-годдзя З. Даленгі-Хадакоўскага (Адама Чарноцкага), 1784–1825 / рэдкал.: В. Ліцьвінка (уклад.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2005. – С. 46–51.

169. Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі ВКЛ / Ю. Бардах. – Мінск : Медысонт, 2010. – 455 с.

170. Батюшков, П. Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края / П. Н. Батюшков. – СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1890. – 351 с.

171. Белы, А. Хроніка Белай Русі = Chronicon Russiae Albae : нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы / А. Белы. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2000. – 238 с.

172. Беляев, И. Д. История Полоцка или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии / И. Д. Беляев. – М. : Синодальная тип., 1872. – 456 с.

173. Беспалов, Р. А. Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году / Р. А. Беспалов // Верхнее Подонье: археология. История. – Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. – Вып. 3. – С. 256–259.

174. Беспалов, Р. А. Литовско-московские отношения 1392–1408 гг. в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I / Р. А. Беспалов // Средневековая Русь / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; редкол.: А. А. Горский (отв. ред.) [и др.]. – М., 2016. – Вып. 12. – С. 129–183.

175. Беспалов, Р. А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства / Р. А. Беспалов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – 2013. – № 5. – С. 30–52.

176. Беспалов, Р. А. О письме Ольгерда патриарху Филофею / Р. А. Беспалов // Древняя Русь. – 2015. – № 2 (60) – С. 49–62.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

177. Беспальчикова, Я. Дары в дипломатической практике Теодориха Великого / Я. Беспальчикова // Vox medii aevi. – 2018. – № 1, Vol. 2. – С. 29–45.

178. Бойцов, М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе / М. А. Бойцов. – М. : Рос. полит. энцикл., 2009. – 550 с.

179. Бондаренко, Д. М. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории / Д. М. Бондаренко // Альтернативные пути к цивилизации : кол. моногр. / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. – М., 2000. – С. 198–206.

180. Борейша, Ю. О надчеканках «Колюмн» Витовта Кейстутовича и Свидригайлы Ольгердовича / Ю. Борейша, А. Казаров. – Минск : Тесей, 2009. – 56 с.

181. Борисов, Г. История права, юридическая антропология и медиевистика / Г. Борисов // Vox medii aevi. – 2015. – № 2–3, т. 2. – С. 7–13.

182. Борьба за Полоцк в «Новой прусской хронике» Виганда Марбургского // Норна у источника Судьбы : сб. ст. в честь Елены Александровны Мельниковой / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: Т. Н. Джаксон (отв. ред.) и др.]. – М. : Индрик, 2001. – С. 254–258.

183. Бохан, Ю. Ваяры Грунвальдскай бітвы / Ю. Бохан. – Мінск : Беларусь, 2010. – 222 с.

184. Бохан, Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ 2-й пал. XIV – канца XVI стст. / Ю. М. Бохан. – Мінск : Экаперспектыва, 2002. – 336 с.

185. Брянцев, П. Д. История Литовского государства с древнейших времен / П. Д. Брянцев. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1889. – 659 с.

186. Бумблаускас, Л. Грюнвальдська битва – битва народів (1410–2010): середньовічна історія України, Білорусі, Литви / Л. Бумблаускас, І. Марзалюк, Б. Черкас. – Киев : Балтия-Друк, 2010. – 435 с.

187. Бычкова, М. Е. Великое княжество Литовское / М. Е. Бычкова // История Европы с древнейших времен до наших дней : в 8 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; ред. З. В. Удальцова. – М., 1993. – Т. 3 : От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). – С. 114–118.

188. Бычкова, М. Е. Идеи власти и подданства в генеалогической литературе XV – XVI вв. / М. Е. Бычкова // Историческая генеалогия. – Екатеринбург ; Париж, 1993. – Вып. 2. – С. 4–9.

189. Вальденберг, В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти : очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века / В. Е. Вальденберг. – Гаага : Europe Printing, 1966. – 463 с.

190. Варонін, В. «Wielkiego Ksiestwa Litewskiego Kroniczka krotko pisana» / В. Варонін // Беларус. гіст. агляд. – Мінск, 2004. – Т. 11. – С. 40–58.

191. Варонін, В. А. Вялікія князі полацкія (канец XIV ст.) / В. А. Варонін // Полацк: карані нашага радаводу : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 5–6 верас. 1995 г. / пад рэд. А. Мальдзіса. – Полацк : Полац. дзярж. ун-т, 1996. – С. 44–50.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

192. Варонін, В. А. Княжанне Альгерда ў Віцебску / В. А. Варонін // Беларус. гіст. час. – 2013. – № 7. – С. 4–14.

193. Варонін, В. А. Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі: Гістарычны партрэт / В. А. Варонін. – Мн. : Тэхналогія, 2010. – 63 с.

194. Варонін, В. А. Падзеі 1307 года ў Полацку: спроба крытычнага разбору / В. А. Варонін // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы V Міжнар. навук. канф., Полацк 24–25 кастр. 2007 г. – Полацк : НПГКМЗ, 2009. – С. 30–40.

195. Варонін, В. А. Палачане: забытая памяць пра мора / В. А. Варонін // Arche. Пачатак. – 2009. – № 4 (79). – С. 63–73.

196. Васютин, С. А. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) / С. А. Васютин // Восток. – 2010. – № 4. – С. 20–33.

197. Вебер, М. О цивилизационных основаниях власти / М. Вебер // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия / сост., ред. и вступ. ст. Б. С. Ерасова. – М. : Аспект-Пресс, 1998. – 556 с.

198. Велике князівство Литовське (ВКЛ) у дослідженнях Наукового товариства ім. Шевченка // Наукове товариство імені Шевченка. Енциклопедія. – Львів, 2014. – Т. 2. – С. 545–554.

199. Вилимас, Д. ВКЛ: стереотипы исторической памяти в Литве / Д. Вилимас // Ab Imperio. – 2004. – № 4. – С. 507–522.

200. Водов, В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века / В. Водов // Из истории русской культуры / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М. : Яз. славянск. культуры, 2002. – Т. 2, кн. 1 : Киевская и Московская Русь. – С. 506–543.

201. Войтович, Л. В. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII–XVI ст. історико-генеалогічне дослідження / Л. В. Войтович. – Львів, 1996. – 256 с.

202. Володихин, Д. М. Еще раз о княжеской власти в средневековом Полоцке / Д. М. Володихин // Вопр. истории. – 2000. – № 4–5. – С. 173–175.

203. Воронин, В. А. Полоцк в составе Великого княжества Литовского / В. А. Воронин // Полоцк / Г. Б. Штыхов [и др.] ; под ред. О. Н. Левко. – Минск, 2012. – С. 219–232.

204. Воронин, В. А. Термины, использовавшиеся для обозначения понятия «государство» в Великом княжестве Литовском в XIV – XVI вв. / В. А. Воронин // Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bojariškoji visuomenė: straipsnių rinkinys / sud.: I. Valikonytė, L. Steponavičienė. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2015. – P. 235–246.

205. Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг. / рэдкал.: С. Б. Каўн (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Медысонт, 2006. – 540 с.

206. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007–2011. – Т. 2 : Беларусь у перыяд Велікага княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]. – 2008. – 688 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

207. Гагуа, Р. Б. Островские акты княгини Анны / Р. Б. Гагуа, О. Ф. Жилевич // Актуальные проблемы источниковедения : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. к 420-летию дарования Витебску Магдебургского права, Витебск, 20–21 апр. 2017 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 145–148.

208. Галенчанка, Г. Я. Да пытання аб этнічных і этнаканфесійных катэгорыях Вялікага княства Літоўскага XIV–XVI ст.: «беларусцы», «ліцвіны» і «русіны» ў дыскурсах сучасных даследчыкаў і пісьмовых крыніцах / Г. Я. Галенчанка // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – Вып. 1 / отв. ред. А. В. Мартынюк, Г. Я. Голенченко. – С. 9–19.

209. Галкина, Е. С. Тайны русского каганата / Е. С. Галкина. – М. : Вече, 2002. – 242 с.

210. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007–2011. – Т. 1 : Старажытная Беларусь: ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – 351 с.

211. Гісторыя беларускай кнігі : у 2 т. / рэд.: В. В. Антонаў, А. І. Мальдзіс. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1 : Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага / М. В. Нікалаеў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2009. – 424 с.

212. Глазырина, Г. В. Сведения о «конунгах Руси» в сагах о древних временах / Г. В. Глазырина // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Политическая структура Древнерусского государства : VIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 17–19 апр. 1996 г. – М. : Рос. АН : Ин-т Рос. Истории, 1996. – С. 14–17.

213. Голубев, О. Е. Великий князь литовский Ольгерд: князь или царь? / О. Е. Голубев // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. – Минск : РИВШ, 2008. – Вып. 1 / отв. ред. А. В. Мартынюк, Г. Я. Голенченко. – С. 27–34.

214. Голубович, В. Кривой город – Вильно / В. Голубович, Е. Голубович // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Вып. 11. – М.–Л., 1945. – С. 114–125.

215. Горский, А. А. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя / А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович // Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М. : Индрик, 2008. – 478 с.

216. Горский, А. А. Первое столетие Руси / А. А. Горский // Средневековая Русь / отв. ред. А. А. Горский. – Т. 10 : К 1150-летию зарождения российской государственности. – М. : Индрик, 2012. – С. 7–112.

217. Горский, А. А. Русское средневековье / А. А. Горский. – М. : Астрель : Олимп, 2010. – 257 с.

218. Горский, А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства / А. А. Горский. – М. : Яз. славянск. культуры, 2004. – 120 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

219. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М. : Госполитиздат, 1953. – 568 с.

220. Греков, Б. Д. Князь и правящая знать в Киевской Руси / Б. Д. Греков // Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук. – Л., 1932. – С. 5–38.

221. Греков, И. Б. Мир истории: русские земли в XIII – XV веках / И. Б. Греков, Ф. Ф. Шахмагонов. – М. : Мол. гвардия, 1986. – 334 с.

222. Гринин, Л. Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации / Л. Е. Гринин // Философия и общество. – 2005. – № 4. – С. 20–40.

223. Гринин, Л. Е. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории / Л. Е. Гринин // История и современность. – 2006. – № 1. – С. 3–44.

224. Гринин, Л. Е. Эволюция государственности / Л. Е. Гринин // История и современность. – 2006. – № 1. – С. 71–84.

225. Гринин, Л. Е. Эпоха первичного политогенеза / Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев // Ранние формы потестарных систем / сост. В. А. Попов. – СПб., 2013. – С. 31–64.

226. Грицкевич, А. П. Из истории идейной борьбы в Белоруссии XV–XVI вв. / А. П. Грицкевич // Франциск Скорина – белорусский гуманист, просветитель, первопечатник / ред. М. Б. Ботвинник. – Минск, 1989. – С. 23–28.

227. Груша, А. И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.) / А. И. Груша. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 465 с.

228. Груша, А. И. Письменная культура конца X – первой трети XVI в. / А. И. Груша // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв. Летопись древних слоев. Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв. Ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников). Культура и просвещение в средневековом Полоцке / НАН Беларуси, Ин-т истории ; сост.: О. Н. Левко [и др.]. – Минск, 2012. – С. 468–488.

229. Груша, А. І. «Чалавек, народжаны ў варварскай краіне»: Ягайла – яго тыпізаваныя паводзіны // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі : да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы : матэрыялы Міжнар навук. канф., Гродна, 8–9 ліп. 2010 г. / уклад.: А. І. Груша, С. В. Марозава. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 157–170.

230. Груша, А. І. Ад «пана Бога» да «пана господаря»: як «палеограф» можа дапамагчы «гісторыку» / А. І. Груша // Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Гальшаны–Навагрудак, 8–10 верас. 2006 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2007. – С. 122–146.

231. Груша, А. Улада непарушнасці і памяці: «Старина» і яе трансфармацыя ў XV – першай трэці XVI ст. / А. Груша // СОЦІУМ : альманах соціальної історії / НАН України, Ін-т історії України, Сектор соціальної історії ; ред. кол.: В. Смолій (гол. ред.) [та ін.]. – Київ, 2013. – Вип. 10. – С. 216–245.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

232. Грушевський, М. С. Історія України-Руси / М. С. Грушевський. – Київ ; Львів, 1907. – Т. 4. – 538 с.

233. Грушевський, М. С. Новійша література по історіі Велікого кн. Литовьского. Критический огляд / М. С. Грушевський // Запісы Украінського навукового товарыства у Киіві : Украінскій навук. зб. – Киів, 1916. – Т. 18. – С. 23–39.

234. Грыгаровіч, І. І. Беларуская іерархія: да тысячагоддзя хрысціянства на Беларусі / І. І. Грыгаровіч. – Мінск : БелЭн, 1992. – 102 с.

235. Грыцкевіч, А. П. Палітычнае становішча Беларусі ў эпоху Скарыны / А. П. Грыцкевіч // Спадчына Скарыны : зб. матэрыялаў Першых скарынаўскіх чытанняў (1986) / уклад. А. І. Мальдзіс. – Мінск, 1989. – С. 21–29.

236. Гудавичус, Э. «Литва Миндовга» / Э. Гудавичус // Проблемы этногенеза и этническая история балтов : сб. ст. / под ред. Р. Ваулкайте. – Вильнюс, 1985. – С. 219–227.

237. Гудавичус, Э. История Литвы / Э. Гудавичус. – М. : Фонд им. И. Д. Сытина : Baltrus, 2005. – Т. 1 : История Литвы с древнейших времен до 1569 года. – 679 с.

238. Гулецкий, Д. Гниваньский клад начала второй четверти XV века / Д. Гулецкий // Банкаўскі весн. – 2016. – № 2. – С. 26–30.

239. Гуревич, Ф. Д. Древности белорусского Понеманья / Ф. Д. Гуревич. – Л.– М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 222 с.

240. Гуревич, Ф. Д. Древний Новогрудок: посад – окольный город / Ф. Д. Гуревич. – Л. : Наука, Ленинградское отделение,1981. – 155 с.

241. Данилевский, И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 389 с.

242. Данилович, В. В. Опираясь на многовековую историю… / В. В. Данилович // Беларус. думка. – 2018. – № 8. – С. 11–23.

243. Дашкевич, Н. П. Заметки по истории Литовско-Русского государства / Н. П. Дашкевич. – Киев : [б. и.], 1885. – 192 с.

244. Дворниченко, А. А существовало ли государство Киевская Русь? / А. Дворниченко // Родина. – 2012. – № 9. – С. 79–82.

245. Дзермант, А. Arcana Imperii Alias. Casus Lithvaniae / А. Дзермант // Сівер : альманах вялікай поўначы. – Мінск, 2013. – С. 85–109.

246. Дзмітрачкоў, П. Ф. Беларусь у складзе ВКЛ: 2-я палова XIII – 1-я палова XVII ст. : вучэб. дапам. / П. Ф. Дзмітрачкоў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2003. – 312 с.

247. Дзярновіч, А. І. AB OVO: Што з'явілася спачатку – Вялікі князь Літоўскі ці Вялікае княства Літоўскае? / А. І. Дзярновіч // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Мінск : РИВШ, 2009. – Вып. 2 / отв. ред. А. В. Мартынюк. – С. 30–43.

248. Дзярновіч, А. І. Тытул Вялікіх князей Літоўскіх: дзе месца рускай традыцыі? / А. І. Дзярновіч // Ukraina–Lithuanica / рэдкал.: М. Катляр [і інш.]. – Киів, 2013. – Т. 11. – С. 61–81.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

249. Дзярновіч, А. І. Дзе адбылася каранацыя Міндоўга? / А. І. Дзярновіч // Фрэскі гісторыі : артыкулы і эсэ па гісторыі і цывілізацыі Беларусі і Цэнтральна-Усходняй Еўропы. – Мінск : РІВШ, 2011. – С. 8–24.

250. Дмитрачков, П. Ф. История зарождения и развития государственности на белорусских землях (IX–XVIII вв.) : учеб.-метод. материалы и рекомендации / П. Ф. Дмитрачков. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2008. – 76 с.

251. Дмитрачков, П. Ф. Образование Великого княжества Литовского (дискуссионные аспекты) / П. Ф. Дмитрачков // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. – 1999. – № 1 (2). – С. 47–54.

252. Дмитриева, Р. П. Сказание о князьях Владимирских / Р. П. Дмитриева. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 216 с.

253. Довнар-Запольский, М. В. Основы государственности Беларуси / М. В. Довнар-Запольский // Неман. – 1990. – № 2. – С. 132–139.

254. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. – Мінск : БелСЭ, 1994. – 509 с.

255. Доўнар-Запольскі, М. Выбранае / М. Доўнар-Запольскі ; укл., прадм. В. Лебедзева. – Мінск : Беларус. навука, 2017. – 668 с.

256. Дубонис, А. Проблемы образования Литовского государства и его отношений с Галицко-Волынским княжеством в новейшей историографии Литвы / А. Дубонис // Княжа доба: історія та культура; відп. ред. Я. Ісаєвич. – Львів : Інститут українознавства, 2008. – С. 142–157.

257. Дубонис, А. Две модели литовской экспансии на Руси (XIII – начало XIV вв.). Овладение Полоцком и Новогрудком / А. Дубонис // Ист. вестн. – М., 2014. – Т. 7 (154) : Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. – С. 54–85.

258. Дубоніс, А. Лейці вялікага князя літоўскага / А. Дубоніс. – Смаленск : Інбелкульт, 2015. – 146 с.

259. Дук, Д. В. Полоцк – 1150. Истоки государственности на белорусских землях / Д. В. Дук // Родина. – 2012. – № 9. – С. 66–69.

260. Дук, Д. В. Полоцк в эпоху княжения Владимира Святославовича: трансформация городской структуры и политические реалии / Д. В. Дук // Историки-слависты МГУ. – М. : Изд-ль Степаненко, 2016. – Кн. 11 : Многоликий и беспокойный славянский мир : науч. сб. в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисёнка. – С. 12–27.

261. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.

262. Дуко, Я. В. Мужчынскі касцюм прадстаўнікоў вышэйшага саслоўя Вялікага княства Літоўскага канца XIII–XV стст. / Я. В. Дуко // сб. работ 65-й науч. конф. студентов и аспирантов Белорус. гос. ун-та : в 3 ч. / отв. за вып. А. Г. Захаров. – Мінск : БГУ, 2008. – Ч. 1. – С. 68–73.

263. Думин, С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) / С. В. Думин // История Отечества: люди, идеи, решения : очерки истории

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

России XIX – нач. XX вв. / редкол.: С. В. Мироненко (гл. ред.) [и др.]. – М., 1991. – С. 76–126.

264. Дьяконов, М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси / М. А. Дьяконов. – СПб. : Наука, 2005. – 384 с.

265. Дюби, Ж. Европа в средние века / Ж. Дюби. – Смоленск : Полиграмма ; Минск : Алфавит, 1994. – 319 с.

266. Дюмезиль, Б. Письма об общей пользе: определение и восхваление общественного блага в письмах эпохи Меровингов / Б. Дюмезиль // Vox medii aevi. – 2017. – № 1, т. 1. – С. 71–89.

267. Ерасов, Б. С. Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов / Б. С. Ерасов. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 556 с.

268. Ермаловіч, М. І. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. І. Ермаловіч. – Мінск : Беллітфонд, 2000. – 448 с.

269. Ермаловіч, М. Па слядах аднаго міфа / М. Ермаловіч. – 2-е выд. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 98 с.

270. Жлутка, А. Каранацыя Міндоўга і заснаванне першага біскупства ў дакументах XIII ст. / А. Жлутка // Наша Вера. – 2003. – № 2 (24). – С. 36–44.

271. Зайкоўскі, Э. Беларусы ведалі сваіх герояў / Э. Зайкоўскі // Спадчына. – 1995. – № 2. – С. 193–200.

272. Зайкоўскі, Э. Э. Этнічная і канфесійная сітуацыя ў гістарычнай Літве на рубяжы XIV – XV стст. / Э. Э. Зайкоўскі // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV – XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі : да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Гродна, 8–9 ліп. 2010 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі, Гродз. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы ; рэд. А. А. Каваленя. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 11–25.

273. Зайцев, В. В. О находках трех кладов джучидских монет с литовскими надчеканками / В. В. Зайцев // Средневековая нумизматика Восточной Европы / отв. ред. В.В. Зайцев. – М. : Древлехранилище, 2009. – Вып. 3. – 212 с.

274. Зашкильняк, Л. А. Польская историография / Л. А. Зашкильняк // Историография истории южных и западных славян : курс лекций / МГУ ; [А. Е. Москаленко и др.]. – М. : Моск. ун-т, 1987. – С. 14–28.

275. Заяц, Ю. История белорусских земель X – 1-й пол. XIII в. в отображении летописей и хроник ВКЛ / Ю. Заяц // Праблемы беларускай гістарыяграфіі, крыніцазнаўства і археаграфіі / рэдкал.: М. М. Улашчык [і інш.]. – Мінск, 1997. – С. 212–226.

276. Золтан, А. К предыстории русского «государь» / А. Золтан // Из истории русской культуры / сост.: А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М. : Яз. славянск. культуры, 2002. – Т. 2 : Киевская и Московская Русь, 2002. – С. 554–591.

277. Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – М.: Аспект-Пресс, 2004, с. 76–110.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

278. История белорусской государственности / Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – Минск: Беларуская навука, 2019. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / [Коваленя А. А. и др.]. – 597 с.

279. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – Мінск : Беларусь, 1981. – 188 с.

280. Йонайтис, Р. «Русский город», исторически сформировавшийся в Вильнюсе в XIV – XV вв. / Р. Йонайтис, В. Вяжявичене // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье / ред. Е. Н. Носов [и др.]. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 94–104.

281. Капыскі, З. Ю. Беларуска-літоўскія летапісы XV–XVI стст. як помнікі гістарычнай думкі / З. Ю. Капыскі // Весці АН БССР. – 1986. – № 4. – С. 80–88.

282. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – М. : АСТ-Москва, 2007. – 991 с.

283. Карнейро, Р. Процесс или стадии: ложная дихтомия в исследовании истории возникновения государства / Р. Карнейро // Альтернативные пути к цивилизации / Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко. – М., 2000. – С. 84–94.

284. Карпов, В. О варягах, юбилеях и нашем образовании / В. Карпов // Родина. – 2012. – № 9. – С. 6–11.

285. Карскі, Я. Беларусы / Я. Карскі / уклад., камент. С. Гараніна, Л. Ляўшун ; навук. рэд. А. Мальдзіс ; прадм. Я. Янушкевіча, К. Цвіркі. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2001. – 640 с.

286. Кибинь, А. С. Начальный этап Литовской экспансии в «Черной Руси» / А. С. Кибинь // Вестн. СПбГУ. – 2011. – № 3. – С. 77–83.

287. Кибинь, А. С. От Ятвязи до Литвы: политические и социокультурные трансформации в бассейне Верхнего Немана в X – XIII вв. / А. С. Кибинь. – М. : Квадрига, 2012. – 274 с.

288. Киркор, А. К. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : в 12 т. / А. К. Киркор ; редкол. : П. П. Семенов [и др.]. – СПб. ; М., 1882. – Т. 3 : Литовское Полесье. – 490 с.

289. Кирюхин, Д. Ритуалы власти в праздничной культуре английского королевского двора и анонимная хроника «Прием леди Екатерины» (1501) / Д. Кирюхин // Vox medii aevi. – 2018. – № 1, Vol. 2. – С. 71–84.

290. Кирюхина, Е. Средневековые ритулы власти как источник вдохновения в культуре Англии второй половины XIX – начала XX века / Е. Кирюхина // Vox medii aevi. – 2018. – № 1, Vol. 2. – С. 105–134.

291. Классен, Х. Дж. М. Было ли неизбежным появление государства? / Х. Дж. М. Классен // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л. Е. Гринина [и др.]. – Волгоград : Учитель, 2006. – С. 71–84.

292. Классен, Х. Дж. М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма / Х. Дж. М. Классен // Альтернативные пути к цивилизации / Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко. – М., 2000. – С. 6–23.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

293. Климов, Е. В. Престолонаследие в Древней Руси. Вторая половина IX – середина XI в. / Е. В. Климов, А. П. Кабаченко // Вопр. истории. – 2009. – № 12. – С. 37–43.

294. Ключевский, В. О. Полный курс лекций по русской истории : в 3 т. / В. О. Ключевский. – М. : АСТ : Харвест, 2002. – 1779 с.

295. Ковалев, В. Игра на престоле: ритуалы власти в Средние века и современная культура / В. Ковалев // Vox medii aevi. – 2018. – № 1, т. 2. – С. 14–28.

296. Коломийцев, В. Ф. Методология истории: от источника к исследованию / В. Ф. Коломийцев. – М. : РОССПЭН, 2001. – 191 с.

297. Коротаев, А. В. О сакрализации власти / А. В. Коротаев // Сакрализация власти в истории цивилизаций / под ред. Д. М. Бондаренко. – М. : ЦЦРИ РАН, 2005. – С. 5–32.

298. Косман, М. З гісторыі і культуры ВКЛ / М. Косман. – Мінск : Медысонт, 2010 – 446 с.

299. Костомаров, Н. И. Русские инородцы. Литовское племя и отношения его к русской истории / Н. И. Котомаров // Рус. слово. – 1860. – № 5. – С. 1–100.

300. Котляр, Н. Ф. Древнерусская государственность / Н. Ф. Котляр. – СПб. : Алетейя, 1998. – 445 с.

301. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. – СПб. : [б. и.], 1884. – 352 с.

302. Крадин, Н. Н. Политическая антропология / Н. Н. Крадин. – М. : Логос, 2004. – 272 с.

303. Крадин, Н. Н. Эволюция государства и его роль в историческом процессе / Н. Н. Крадин // Ист. психология и социология истории. – 2009. – № 1. – С. 205–211.

304. Краўцэвіч, А. Гедымін / А. Краўцэвіч. – Мінск: С.Ю. Татарнікава, 2012. – 146 с.

305. Краўцэвіч, А. К. Гісторыя Вялікага княства Літоўскага, 1248–1377 гг. / А. К. Краўцэвіч. – Вроцлав : Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka-Jeziorariskiego we Wroclawiu, 2015. – 302 с.

306. Краўцэвіч, А. К. Жыццёпіс Вялікіх Князёў Літоўскіх. Міндоўг. Пачатак вялікага гаспадарства / А. К. Краўцэвіч. – Мінск : Маст. літ., 2005. – 163 с.

307. Краўцэвіч, А. К. Стварэнне ВКЛ / А. К. Краўцэвіч. – Rzeszow : [б. в.], 2000. – 238 с.

308. Краўцэвіч, А. К. Фарміраванне канцэпцыі генезісу ВКЛ у польскай гістарыяграфіі / А. К. Краўцэвіч // Беларус. гіст. час. – 1998. – № 1. – С. 47–54.

309. Кром, М. М. «Старина» как категория средневекового менталитета (по материалам Великого княжества Литовского XIV – начала XVII вв.) / М. М. Кром // Mediavalia ucrainica: ментальність та історія ідей. – Киев, 1994. – Т. 3. – С. 68–85.

310. Кром, М. М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России / М. М. Кром // Ист. записки. – М., 2001. – Вып. 4 (122). – 370 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

311. Куббель, Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии / Л. Е. Куббель. – М. : Наука, 1988. – 270 с.

312. Кузнецов, А. Б. Древняя Русь к. IX–X вв. – потестарное государство / А. Б. Кузнецов // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітарныя навукі. – 2011. – № 1. – С. 19–24.

313. Кузьмин, А. В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли 2-й пол. XIII – нач. XV вв. / А. В. Кузьмин // Древняя Русь. – 2007. – № 2. – С. 33–42.

314. Кузьмин, А. В. Правители Полоцкой земли во второй половине XII – начале XIV века : (актуальные проблемы хронологии и генеалогии) / А. В. Кузьмин, А. П. Пятнов // Ломоносов-2003 : материалы Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых по фундамент. наукам / под ред. В. Н. Сидоренко.– М. : МГУ, 2003. – С. 5–14.

315. Кучкин, В. А. Три завещания Василия I / В. А. Кучкин // Древняя Русь. – 2016. – № 2 (64). – С. 33–54.

316. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 124 с.

317. Латышонак, А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі / А. Латышонак // Спадчына. – 1992. – № 1. – С. 9–14.

318. Левко, О. Н. Древнейшие города Беларуси: Полоцк / О. Н. Левко, [и др.]. – Минск : Бел. навука, 2012. – 743 с.

319. Левко, О. Н. Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Беларуси: формирование и развитие / О. Н. Левко. – Минск : Бел. навука, 2004. – 280 с.

320. Леонтович, Ф. И. Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства / Ф. И. Леонтович. – СПб. : Тип. В. С. Балашева и Ко, 1894. – 400 с.

321. Лимонов, Ю. А. Ян Длугош и русские летописи / Ю. А. Лимонов // Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках. – Ленинград, 1978. – С. 6–96.

322. Лицкевич, О. Русские летописные источники «Летописца великих князей литовских» / О. Лицкевич // Беларус. гіст. зб. – Беласток : Bialoruskie Towarzystwo Historyczne, 2017. – С. 35–80.

323. Ловмяньский, Х. Русско-литовские отношения в XIV–XV вв. / Х. Ловмяньский // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе / ред. В. Т. Пашуто. – М. : АН СССР, 1972. – С. 269–275.

324. Ловмяньский, Х. Русь и норманны / Х. Ловмяньский. – М. : Прогресс, 1985. – 304 с.

325. Лойка, П. А. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII стст. / П. А. Лойка. – Мінск : БДУ, 2002. – 98 с.

326. Лукин, П. В. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – XIII вв. / П. В. Лукин, П. С. Стефанович // Средневековая Русь. – СПб. : Академ. проект, 2003. – Вып. 6 / отв. ред. А. А. Горский. – С. 371–402.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

327. Любавский, М. К. К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии / М. К. Любавский. – М. : [б. и.], 1909. – 17 с.

328. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский ; под ред. Т. Г. Ливанова, А. Ю. Дворниченко. – СПб. : Наука, 2004. – 310 с.

329. Макаров, Н. Кладовая ранней Руси / Н. Макаров // Родина. – 2012. – № 9. – С. 17–22.

330. Малец, В. Т. Понятие функций государства / В. Т. Малец // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2012. – № 1. – С. 82–85.

331. Малиновский, В. И. Образование ВКЛ / В. И. Малиновский // История белорусской государственности / В. И. Малиновский. – Минск : Беларусь, 2003. – С. 56–73.

332. Манукян, Э. Идеальные епископы поздней Античности: визуализация образа / Э. Манукян // Vox medii aevi. – 2017. – № 1, т. 1. – С. 50–70.

333. Марзалюк, И. А. Великое княжество Литовское в исторической памяти белорусов-русинов: от средневековья к модерну / И. А. Марзалюк // Ab Imperio. – 2004. – № 4. – С. 485–491.

334. Марзалюк, И. А. Образ Полоцкого центра / И. А. Марзалюк // Родина. – 2012. – № 9. – С. 109–111.

335. Марзалюк, І. А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І. А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2003. – 324 с.

336. Марзалюк, І. А. Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі / І. А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – 148 с.

337. Марзалюк, І. А. Прыпіскі на старонках «Летописца русских царей» Нікіфараўскага зборніка як крыніца па гістарычнай самасвядомасці мінчан XVI–XVII стст. / І. А. Марзалюк // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі : (да 940-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. / [рэдкал.: А. А. Каваленя і інш.]. – Мінск, 2008. – С. 107–110.

338. Марзалюк, І. А. Вобраз Беларусі і беларусаў у «Курсе лекций по истории западной России» М. Каяловіча, 2009 / І. А. Марзалюк // Романовские чтения – V : сб. научных трудов. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2009. – С. 90–91.

339. Мартынюк, А. В. Герб Литвы: взгляд из Европы XIV века / А. В. Мартынюк // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Минск : РИВШ, 2009. – Вып. 2 / отв. ред. А. В. Мартынюк. – С. 23–29.

340. Мартынюк, А. В. История Великого княжества в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века / А. В. Мартынюк // Lietuvos pilys. – 2010. – № 6. – S. 149–163.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

341. Мартынюк, А. В. Кто и когда впервые произнес на латыни и по-немецки «Белая Русь»? / А. В. Мартынюк // Alba Rusica: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.). – Минск, 2015. – С. 27–38.

342. Матузова, В. И. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. : тексты, перевод, комментарий / В. И. Матузова, Е. Л. Назарова. – М. : Индрик, 2002. – 488 с.

343. Микульский, Ю. Н. Литовский князь Витовт как православный ктитор (1392–1430 гг.) / Ю. Н. Микульский // Беларус. даўніна. – Мінск, 2015. – Вып. 2. – С. 27–42.

344. Мікульскі, Ю. М. Грунвальдская бітва 1410 года ў старабеларускай традыцыі / Ю. М. Мікульскі // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі / пад рэд. А. А. Кавалені. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 225 с.

345. Мікульскі, Ю. М. Князь Вітаўт вачыма нашых продкаў. Станаўленне рускага насельніцтва ВКЛ да літоўскага гаспадара / Ю. М. Мікульскі // Беларус. думка. – 2012. – № 5. – С. 93–99.

346. Мікульскі, Ю. М. Руская і літоўская рэдакцыі «Пахвалы Вітаўту» (XV – XVI ст.): ідэйныя адрозненні / Ю. М. Мікульскі // Беларус. даўніна. – Мінск, 2015. – Вып. 2. – С. 43–50.

347. Муравьева, Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII–начала XV века / Л. Л. Муравьева. – М. : Наука, 1983. – 296 с.

348. Мыльников, А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII вв. / А. С. Мыльников. – СПб. : Петербур. Востоковедение, 2000. – 320 с.

349. Мяцельскі, А. А. Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVII стст. / А. А. Мяцельскі. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 664 с.

350. Назаренко, А. В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства / А. В. Назаренко // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Политическая структура Древнерусского государства : VIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 17–19 апр. 1996 г. / [редкол.: Е. А. Мельникова (отв. ред.) и др.]. – М. : Рос. АН : Ин-т Рос. истории, 1996. – С. 58–63.

351. Насевіч, В. Л. Каранацыя Міндоўга ў кантэксце падзей сярэдзіны XIII ст. / В. Л. Насевіч // Навагрудскія чытанні : гіст.-археалаг. даследаванні Навагрудка : [2-я навук. канф. адбылася 11 верасня 1992 г. і была прымеркавана да адкрыцця Навагруд. гіст.-краязнаўчага музея]. – Навагрудак, 1993. – С. 10–16.

352. Насевіч, В. «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. / В. Насевіч, М. Спірыдонаў // З глыбі вякоў. Наш край : гістарычна-культуралагічны зб. – Мінск, 1996. – Вып. 1 / навук. рэд. А. К. Краўцэвіч. – С. 4–27.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

353. Насевіч, В. Л. Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя / В. Л. Насевіч. – Смаленск : Інбелкульт, 2015. – 526 с.

354. Насевіч, В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы / В. Насевіч. – Мінск : Полымя, 1993. – 160 с.

355. Насевіч, В. Пытанняў больш, чым адказаў / В. Насевіч // Беларус. гіст. агляд. – Мінск, 1998. – Т. 5, сш. 1 (8). – С. 210–226.

356. Насонов, А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII вв. / А. Н. Насонов. – М. : Наука, 1969. – 556 с.

357. Наумов, Н. Н. «Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра / Н. Н. Наумов // Петербур. ист. журн.: исслед. по рос. и всеобщ. истории. – 2016. – № 1(09). – С. 65–83.

358. Наумов, Н. Н. Королевская власть и аристократия в правление Сигизмунда Люксембургского : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Н. Н. Наумов ; МГУ имени М. В. Ломоносова. – М., 2018. – 30 с.

359. Наумов, Н. Политический язык Эберхарда Виндеке / Н. Наумов // Vox medii aevi. – 2018. – № 1, т. 2. – С. 46–70.

360. Несин, М. А. Русско-литовское противостояние 1406–1408 гг. (С 1405 до осени 1406 г., до стояния на р. Плаве) / М. А. Несин // История военного дела: исследования и источники. – 2017. – Т. 9. – С. 1–25.

361. Никитин А. Л. О Радзивиловской летописи / А. Л. Никитин // Герменевтика древнерусской литературы. – Москва, 2004. – Т. 11. – С. 526–557.

362. Никольский, С. Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси / С. Л. Никольский // Средневековая Русь. – 2004. – Вып. 4. – С. 5–48.

363. Оболенский, К. М. Летописец Переяславо-Суздальский / К. М. Оболенский. – М. : Университет. тип., 1851. – 113 с.

364. Охманьский, Е. Гедиминовичи – «правнуки Сколомендовы» / Е. Охманьский // Польша и Русь. – М. : Наука, 1974. – С. 358–364.

365. Павлищев, Н. И. История Польши в виде учебника / Н. И. Павлищев. – Варшава : Казенная тип., 1843. – 272 с.

366. Патцольд, Ш. Епископы, социальное происхождение и организация местной власти около 500 года / Ш. Патцольд // Vox medii aevi. – 2017. – № 1, т. 1. – С. 18–49.

367. Пашуто, В. Т. Образование Литовского государства / В. Т. Пашуто. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 531 с.

368. Петраускас, Р. Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства / Р. Петраускас // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2012. – № 1 (11). – С. 95–116.

369. Петров, А. На волне позитивного символизма / А. Петров // Родина. – 2012. – № 9. – С. 11–13.

370. Пичета, В. И. История Беларуси / В. И. Пичета. – Минск : Нар. комиссариат просв. БССР, 1924. – 134 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

371. Пичета, В. И. История Литовского государства до Люблинской унии / В. И. Пичета. – Вильнюс : Литва, 1921. – 76 с.

372. Пичета, В. И. Литовско-русское государство / В. И. Пичета // Русская история в очерках и статьях. – М., 1910. – Т. 2. – С. 337–439.

373. Полехов, С. В. Известия Хроники Германа Корнера о Вилькомирской битве и его исторический контекст / С. В. Полехов // Pabaisko musis ir jo epocha. – Vilnius, 2017. – P. 91–112.

374. Полехов, С. В. Литовская Русь в XV в.: единая или разделенная? : (на материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром) / С. В. Полехов // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / ред.-сост. А. В. Доронин. – М. : Росспэн, 2017. – С. 70–92.

375. Полехов, С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века / С. В. Полехов. – М. : Индрик, 2015. – 712 с.

376. Полехов, С. В. Несохранившаяся печать князя Александра Патрикеевича Стародубского / С. В. Полехов // Средневековая нумизматика Вост. Европы. – 2017. – № 6. – С. 236–244.

377. Полехов, С. В. Последние завещания Василия I и печати Витовта / С. В. Полехов // Средневековая Русь / Рос. АН, Ин-т рос. истории ; ред. А. А. Горский (отв. ред.) [и др.]. – М., 2016. – Вып. 12. – С. 183–200.

378. Политические институты Древней Руси: древнейшие государства Восточной Европы / Рос. АН, Ин-т рос. истории. – М. : Восточ. лит., 2006. – 437 с.

379. Пономарева, И. Г. Обряд вассальной присяги в Древней Руси / И. Г. Пономарева // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Минск : РИВШ, 2015. – Вып. 8 / отв. ред. А. В. Мартынюк. – С. 63–71.

380. Пресняков, А. Е. Лекции по русской истории : в 2 т. / А. Е. Пресняков. – М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1939. – Т. 2 : Западная Русь и Литовско-Русское государство. – 241 с.

381. Пресняков, А. Е. Литовско-русское государство в XIII – XVI вв. / А. Е. Пресняков. – Минск : Харвест, 2012. – 295 с.

382. Пузанов, В. В. Государство и общество Древней Руси глазами современников (X – начало XII в.) : ист.-антрополог. очерки / В. В. Пузанов. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2012. – 237 с.

383. Пузанов, В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты / В. В. Пузанов. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2007. – 623 с.

384. Пятраўскас, Р. Літоўская знаць канца XIV – XV ст.: склад – структура – улада / Р. Пятраўскас. – Смаленск : Інбелкульт, 2014. – 386 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

385. Пятраўскас, Р. Фармаванне інстытуцыйнага двара вялікага князя ў Літве (XIV – пачатак XV ст.) / Р. Пятраўскас // Arche. Пачатак. – 2009. – № 9. – С. 39–71.

386. Ремецас, Э. Монеты Великого княжества Литовского типа ПЕЧАТЬ / лев, плетенка / Э. Ремецас // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2008. – Вып. 4. – С. 133 – 137.

387. Риер, Я. А. Владимир и престол: об институционализации власти «крестителя Руси» / Я. А. Риер // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова» : сб. науч. тр. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 26. – С. 104–110.

388. Риер, Я. А. Власть и социум на первых этапах государствообразования в белорусских землях: теоретический аспект / Я. А. Риер // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2017. – № 1 (49). – С. 49–52.

389. Риер, Я. А. Новейшие подходы в теории государствообразования в зарубежной историографии / Я. А. Риер // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2014. – № 1 (43). – С. 54–64.

390. Риер, Я. А. О роли государственной символики в процессе легитимизации первых правителей ВКЛ / Я. А. Риер // Вестник МГУ имени А. А. Кулешова. Сер. А. Гуманитарные науки: история, философия, филология. – 2019. – № 2 (54). – С. 12–20.

391. Риер, Я. А. О сакрализации власти в Восточной Европе в средние века / Я. А. Риер // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2017. – № 9. – С. 117–120.

392. Риер, Я. А. О христианизации первых правителей ВКЛ / Я. А. Риер // Религия и общество – 12 : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 93–95.

393. Риер, Я. А. Первые правители ВКЛ в немецких источниках / Я. А. Риер // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Минск : РИВШ, 2018. – Вып. 11. – С. 7–18.

394. Риер, Я. А. Полоцк и Литва по данным немецких хроник и полоцких актовых материалов XIII века / Я. А. Риер // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. – С. 20–24.

395. Риер, Я. А. Полоцкая земля и Литва в XIII – первой половине XV века / Я. А. Риер // Беларуская думка. – № 10. – 2019. – С. 52–59.

396. Риер, Я. А. Процесс институционализации власти на белорусских землях в XI–XIII вв. / Я. А. Риер // Белорусская государственность: истоки, становление, развитие : сб. материалов Респ. науч.-теоретич. конф. / редкол.: А. В. Касович [и др.]. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 3–5.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

397. Риер, Я. Г. Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие / Я. Г. Риер. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – 412 с.

398. Роўэл, С. К. Уздым Літвы. Паганская імперыя ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, 1295–1345 / С. К. Роўэл ; пер. з англ. мовы А. Мікуса. – Мінск : Медысонт, 2015. – 423 с.

399. Русина, О. В. «Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського» / О. В. Русина // кол. авт. НАН України, Ін-т українськоі археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, Ін-т історіі Украіни ; под общ. ред. В. Смолій. – Київ, 1998. – 244 с.

400. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 40 т. – СПб. : Тип. Император. Академии Наук, 1872–1927. – Т. 6, 1880. – 682 с.

401. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII веков / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1982. – 590 с.

402. Рыбаков, Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русских лицевых рукописей X–XII вв. / Б. А. Рыбаков // Радзивилловская летопись. – СПб. ; М., 1994. – Т. 2 : Текст, исследование, описание миниатюр. – С. 281–301.

403. Рыер, Я. А. Полацк у складзе ВКЛ: уладары і грамадства ў XIII–XV стст. / Я. А. Рыер // Полацк у святле станаўлення гістарычных і нацыянальных форм беларускай дзяржаўнасці (IX–XX стст.) : манаграфія / Д. У. Дук, І. А. Марзалюк, А. А. Агароднікаў, Ю. М. Кежа, А. Л. Коц, Я. А. Рыер, А. А. Салаўёў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2019. – С. 40–58.

404. Рыер, Я. Р. Месца беларускіх зямель у гісторыі серэднявечча: цывілізацыйны аспект / Я. Р. Рыер // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. – 1999. – № 5. – С. 67–74.

405. Сагановіч, Г. М. Нарыс гісторыі Беларусі: ад старажытнасці да канца XVIII ст. / Г. М. Сагановіч. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. – 411 с.

406. Сагановіч, Г. Інфлянцкія немцы ў Полацку ў сярэдзіне XIII і пачатку XIV ст. // БГА. – Мінск, 2000. – Т. 7, сш. 1. – С. 98–99.

407. Саутхолл, Э. О возникновении государств / Э. Саутхолл // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина [и др.]. – М. : Логос, 2000. – 386 с.

408. Севальнев, А. О списках Радзивиловской летописи / А. Севальнев // Ruthenica. – Вып. 5. – Киев, 2006. – С. 128–150.

409. Семянчук, А. А. Полацк і Полацкая зямля ў гістарычнай памяці жыхароў ВКЛ у XVI ст. / А. А. Семянчук // Весн. Полац. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гуманітарныя навукі. – 2013. – № 1. – С. 19–28.

410. Семянчук, А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі / А. Семянчук. – Гродна : ГрДУ, 2000. – 163 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

411. Семянчук, Г. Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. (яшчэ адна версія канструявання мінуўшчыны) / Г. Семянчук, А. Шаланда // Bialoruskie Zeszyty Historyczne. –1999. – № 11. – S. 5–20.

412. Сервис, Э. О происхождении государства и цивилизации / Э. Сервис // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия / В. Б. Ерасов. – М. : Аспект-Пресс, 1998. – 556 с.

413. Сідаровіч, В. М. Пячатка князя Глеба Нарымонта XIV ст. з в. Стары Капыль / В. М. Сідаровіч, А. Ф. Касюк // Беларуская даўніна / рэд. Ю. М. Мікульскі. – Мінск : Выд. А. М. Вараксін, 2016. – Вып. 3. – С. 45–47.

414. Синицына, Н. В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) / Н. В. Синицына. – М. : Индрик, 1998. – 416 с.

415. Соболева, Н. А. Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета / Н. А. Соболева. – М. : Яз. славянск. культур, 2006. – 488 с.

416. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. / С. М. Соловьев. – Кн. 1, т. 1–2. – М., 1959. – 818 с.

417. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев ; ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – М. : Мысль, 1988. – Кн. 1, т. 1, 2. – 797 с.

418. Спенсер, Ч. Политическая экономия становления первичного государства / Ч. Спенсер // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина [и др.]. – М. : Логос, 2000. – С. 137–154.

419. Срезневский, И. И. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю. 1130 г. / И. И. Срезневский // Известия Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности. – СПб., 1860. – Т. VIII. Вып. V. – С. 337–360.

420. Степаненко, В. П. Образ святого Гергия-всадника в византийской и древнерусской сфрагистике домонгольского периода / В. П. Степаненко // Историко-культурное наследие : Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие : [сб. ст.]. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000. – С. 106–117.

421. Стефанович, П. «Наши княже добре суть»: о сакрализации и десакрализации княжеской власти на Руси в X–XII вв. / П. Стефанович // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза : XXVI Чтения памяти В. Т. Пашуто : материалы конф. – М. : Ин-т всеобщ. истории РАН, 2014. – С. 251–256.

422. Стефанович, П. Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X века / П. Стефанович // Тр. ин-та Рос. истории РАН. – М., 2013. – Вып. 11. – С. 19–57.

423. Сэларт, А. Полацкі князь Канстанцін і гісторыя інфлянтаў у трэцяй чвэрці XVIII ст. / А. Сэларт // Беларус. гіст. агляд. – Мінск, 2004. – Т. 11. – С. 3–26.

424. Таценко, С. Н. Предвестник феодальной войны (всадник на монетах Великого княжества Московского и его уделов) / С. Н. Таценко // Власть и

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

образ : очерки потестарной имагологии / под ред. М. А. Бойцова, Ф. Б. Успенского. – СПб. : Алетейя, 2010. – 383 с.

425. Темушев, С. Н. «Белая веверица от дыма»: к вопросу о предыстории формирования налогово-даннических отношений в Древней Руси / С. Н. Темушев // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2011. – № 1. – С. 21–26.

426. Темушев, С. Н. Генезис и эволюция института верховной власти в славянских раннефеодальных государствах (VII–XII вв.) : автореф. дис. канд. ист. наук : 07.00.03 : 24.04.2003 / С. Н. Темушев ; Бел. гос.ун-т. – Минск, 2003. – 20 с.

427. Темушев, С. Н. Налоги и дань в Древней Руси / С. Н. Темушев. – Минск : БГУ, 2015. – 279 с.

428. Темушев, С. Н. Осуществление функции налогов-дани в домонгольской Руси: круг должностных лиц государственного фиска / С. Н. Темушев // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Минск : РИВШ, 2011. – Вып. 4 / отв. ред. А. В. Мартынюк. – С. 9–47.

429. Темушев, С. Н. Минское княжество и литва в XII – начале XIII в.: интерпретация летописных известий / С. Н. Темушев // Мінск і мінчане: 10 стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць: зборнік навуковых артыкулаў. – Мінск : Беларуская навука, 2012. – С. 12–36.

430. Тогоева, О. И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия / О. И. Тогоева. – М. : Наука, 2006. – 333 с.

431. Толочко, А. П. Как выглядел оригинал Галицко-Волынской летописи? / А. П. Толочко // Rossica antiqua: Исследования и материалы. 2006 / отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. – СПб., 2006. – С. 175–183.

432. Толочко, П. П. Власть в Древней Руси. X–XIII вв. / П. П. Толочко. – СПб.: Алетейя, 2011. – 200 с.

433. Толочко, А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология / А. П. Толочко. – Киев : Наук. думка, 1992. – 224 с.

434. Толочко, П. «Русский мир» и Украина / П. Толочко // Родина. – 2012. – № 9. – С. 8–84.

435. Толочко, П. Ідея Римсько-Візантійськоі християнськоі спадщини в Давньоруськиі суспільній думці / П. Толочко // Kloczowski, J. ed. Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine: the foundations of historical and cultural traditions in East Central Europe. Conference, Rome, 28 April–6 May, 1990. – Lublin : Institute of East Central Europe, 1994. – P. 234–242.

436. Толочко, П. П. Древняя Русь: очерки социально-политической истории / П. П. Толочко. – Киев : Наукова Думка, 1987. – 246 с.

437. Толстиков, А. В. Представления о государе и государстве в России во второй половине XVI – первой половине XVII вв. / А. В. Толстиков // Одиссей: человек в истории. – 2002. – № 1. – С. 294–311.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

438. Турчинович, О. В. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен / О. В. Турчинович. – Спб. : Тип. Э. Праца, 1857. – 313 с.

439. Улащик, Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1985. – 260 с.

440. Успенский, Б. А. Крест и круг (Из истории христианской символики) / Б. А. Успенский. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 488 с.

441. Успенский, Б. А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов / Б. А. Успенский. – М. : Яз. рус. культуры, 2000. – 144 с.

442. Устрялов, Н. Г. О Литовском княжестве: исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать ВКЛ? : сочинение Н. Устрялова, читанное на торжественном акте, в Главном педагогическом институте, 30 декабря 1838 г. / Н. Г. Устрялов. – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. – 42 с.

443. Федонников, Н. Места погребений королей франков из династии Меровингов / Н. Федонников // Vox medii aevi. – 2017. – № 1, Vol. 1. – С. 14–28.

444. Филюшкин, А. И. Титулы русских государей / А. И. Филюшкин. – М. : Альянс-Археo, 2006. – 256 с.

445. Філіпович, М. А. Полоцька земля в ліпописних та актовых джерелах XI – XVI століть / М. А. Філіпович. – Київ : НБУВ, 2014. – 204 с.

446. Флоря, Б. Н. Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша / Б. Н. Флоря // Славяне и их соседи. Этностереотипы в средние века. – М., 1990. – С. 16–28.

447. Флоря, Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.) / Б. Н. Флоря. – СПб. : Алетейя, 2004. – 224 с.

448. Ходзін, С. М. Крыніцы гісторыі Беларусі / С. М. Ходзін. – Мінск : БДУ, 1999. – 192 с.

449. Хорошкевич, А. Печати полоцких грамот XIV–XV вв. / А. Хорошкевич // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1972. – Вып. 4. – С. 128–146.

450. Цітоў, А. Пячаткі старажытнай Беларусі: нарысы сфрагістыкі / А. Цітоў. – Мінск : Полымя, 1993. – 239 с.

451. Цітоў, А. Сфрагістыка і геральдыка Беларусі / А. Цітоў. – Мінск : РІВШ БДУ, 1999. – 176 с.

452. Чамярыцкі, В. Беларуска-літоўскі летапіс / В. Чамярыцкі // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. – Мінск : БелЭн, 1984. – Т. 1. – С. 335.

453. Черкас, Б. Синьоводська битва 1362 року: іст. нарис / Б. Черкас. – Київ : Київ. ун-т, 2012. – 127 с.

454. Черкас, Б. Украіна в політичному протистоянні Великого князівства Литовського з Московською державою і Кримом у 20-х – 30-х рр. XVI ст. / Б. Черкас // Украіна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. – Київ, 2003. – С. 94–107.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

455. Чернецов, А. Радзивиловская летопись / А. Чернецов // Свитязь. – Минск, 1989. – С. 139–147.

456. Чернявский, М. Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории / М. Чернявский // Из истории русской культуры / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М. : Яз. славянск. культуры, 2002. – Т. 2. : Киевская и Московская Русь – С. 442–457.

457. Чичуров, И. С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь / И. С. Чичуров. – М. : Наука, 1990. – 176 с.

458. Чореф, М. М. К вопросу о причинах появления изображений святых всадников на монетах причерноморских христианских государств XIII–XV вв. / М. М. Чореф // Науч. диалог. – 2013. – № 11 (23). История. Социология. Философия. – С. 53–70.

459. Шабульдо, Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского / Ф. М. Шабульдо. – Киев, 1987. – 183 с.

460. Шаланда, А. Генезіс «Пагоні» – дзяржаўнага герба Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага / А. Шаланда // Bialoruskie zeszyty historyczne. – 2001. – № 16. – S. 152–158.

461. Шаланда, А. Гербавыя пячаткі вялікага князя літоўскага Вітаўта: палітычная праграма ў адлюстраванні геральдыкі / А. Шаланда // Беларус. гіст. час. – 2017. – № 7. – С. 7–13.

462. Шаланда, А. Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII ст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы / А. Шаланда. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 182 с.

463. Шахматов, А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А. А. Шахматов. – М. : АН СССР, 1938. – 374 с.

464. Шевченко, Н. В. «Ягеллоньска спадщина» у світлі сучасних українських історичних студій / Н. В. Шевченко // Історичний архів. Наукові студі: зб. наук. праць. – Миколаів : Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2008. – Віп. 1. – С. 29–39.

465. Шинаков, Е. А. О так называемой «византийско-болгарской» модели государственности в славянском мире / Е. А. Шинаков // Становление славянского мира и Византии в эпоху раннего средневековья : сб. ст. / Г. Г. Литаврин. – М., 2001. – С. 126–128.

466. Шинаков, Е. А. Генезис древнерусской государственности: опыт сравнительно-исторического анализа : автореф. дис. … д-ра ист. н. / Е. А. Шинаков. – Брянск, 2000. – 37 с.

467. Шинаков, Е. А. Механизмы институционализации и легитимизации власти (на примере Древнерусского государства) / Е. А. Шинаков // Вестн. БГУ. – 2007. – № 2. – С. 39–55.

468. Шинаков, Е. А. Некоторые комментарии к книге «Раннее государство, его альтернативы и аналоги» / Е. А. Шинаков // История и современность. – 2008. – № 2. – С. 208–221.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

469. Шинаков, Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект / Е. А. Шинаков. – М. : Восточ. лит., 2009. – 477 с.

470. Штыхаў, Г. Вытокі беларускай дзяржаўнасці / Г. Штыхаў // Беларус. гіст. час. – 1993. – № 1. – С. 25–34.

471. Щавелева, Н. И. Древняя Русь в «Польськой истории» Яна Длугоша (книги I–VI) / Н. И. Щавелева / Текст, перевод, комментарий; под ред. и с допол. А. В. Назаренко. – М., 2004. – 496 с.

472. Щапов, Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. / Я. Н. Щапов. – М. : Наука, 1972. – 340 с.

473. Щапов, Я. Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии / Я. Н. Щапов. – М. : Наука, 2004. – 368 с.

474. Эйдинтас, А. История Литвы / А. Эйдинтас, А. Бумблаускас, А. Кулакаускас, М. Тамошайтис. – Вильнюс : Eugrimas, 2013. – 318 с.

475. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 1993–2003.

476. Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – М. : МИРОС, 1998. – 468 с.

477. Юргевич, В. Опыт объяснения имен литовских князей / В. Юргевич // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. – М., 1884. – 29 с.

478. Юргенсон, В. А. Монеты Ягайло и Витовта / В. А. Юргенсон // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст. саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі : да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Гродна, 8–9 ліп. 2010 г. / уклад.: А. І. Груша, С. В. Марозава. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 182–185.

479. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юхо. – Мінск : Універсітэцкае, 2000. – 265 с.

480. Ючас, М. А. Хроника Быховца / М. А. Ючас // Летописи и хроники. 1973 г. – М. : Наука, 1974. – С. 220 – 231.

481. Яковенко, Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття / Н. Яковенко. – Київ : Генеза, 1997. – 312 с.

482. Янин, В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков / В. Л. Янин. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 216 с.

483. Янкаускас, В. Русско-литовский договор 2019 г. и внутриполитические отношения в Литве в первой четверти XIII века / В. Янкаускас // Rus' and Central Europe from 11th to the 14th Century. Publikation after the 5th International Conference, Spišska kapitula, 16th–18th October, 2014 / eds. V. Nagirnyy and A. Mesiarkin. – Krakow, 2015. – С. 115–122.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ 5

Власть и общество в эпоху Средневековья в современной зарубежной и отечественной историографии: общие тенденции, теоретические методологические исследования 5

Историография политогенеза и государствообразования Великого Княжества Литовского 13

Белорусская историография 13

Литовская историография 28

Украинская историография 34

Российская историография 38

Польская историография 47

Источники 52

Русские летописи 53

Белорусско-литовское летописание 57

Польские хроники 62

Немецкие хроники 67

Актовые источники и дипломатическая переписка 77

Нумизматические и сфрагистические источники 80

Иллюстративные материалы 82

2. ГОСУДАРЬ И ГОСУДАРСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в. 86

Государь и государство в политическом дискурсе восточнославянской средневековой традиции 86

Идентификация и самоидентификация правителя на белорусских землях в эпоху складывания ВКЛ 99

Полоцкое княжество и Литва в XIII – первой трети XV в. 118

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

3. МЕХАНИЗМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ ПЕРВЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ ВКЛ 145
Власть и общество в процессе государствообразования: теоретический аспект 145
Механизмы легитимизации власти на белорусских землях в процессе образования ВКЛ 149
Власть и религия. Сакрализация власти 173
Процесс легитимизации власти правителей ВКЛ сквозь призму государственной символики 198
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 215
ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 219
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 220

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова